

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2003

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Ольга Скрипалёва*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Совета Европы и Европейской Комиссии*

Содержание

№ 2 (25) 2003

К читателю 5

Семинар

Либерализм на Западе и в России
Ричард Пайтс 7

Дискуссия 12

Заметки с семинара
Юрий Гиренко 18

Тема номера

Моральные основы капитализма
Яцек Ростовский 21

Шведская модель капитализма
Михаил Сульман 25

Развитие телевизионного бизнеса в России
Роман Петренко 29

XXI век: вызовы и угрозы

Либеральная идея и глобализация
Кристофер Коукер 32

Судьба либерализма в XXI веке
Михаэль Мертес 39

Вокруг Европы: проблемы и варианты
Майкл Эмерсон 45

Концепция

Пенсионная реформа в России
Павел Теплухин 49

Дискуссия

Столица и провинция
Владимир Шмелев 54

Арабы возвращаются: эффект испанской культуры
Мария Долорес Альгора Вебер 60

Ждать или догонять?
Александр Волков 64

Свобода и культура

Культура: "за" и "против"
Евгений Барабанов 69

Новые практики и институты

- Европейский суд по правам человека*
Анатолій Ковлер 76
- Международная помощь развитию гражданского общества*
Кэрол Пизли 80

Личный опыт

- Романтический чиновник
эпохи политического прагматизма*
Андрей Никитин 84

Идеи и понятия

- Демократия и налогообложение*
Гровер Норквист 87

Из зарубежных изданий

- "Commentary"* 92
- Тщетность сдерживания*
Роберт Либер 93

Европа

- Европа 1992–2002*
Диана Пинто 97

Книги

- Надо ли кормить русских с ложечки?*
Кристиан Кэрл 105
- Региональное книжное обозрение*
В. Александров,
Александр Капишин 110
- Контрапункт*
Александр Архангельский 114

Наш архив

- Социальная политика в Великобритании*
Майкл Хезелтайн 117

Nota bene

- Генерация, или герой нашего времени*
Эдуард Шербенко 121

В оформлении этого номера использованы работы художников
Англии, Бельгии, Германии, США, Франции.

К читателю

После горбачевской — второй в нашей стране — отмены крепостного права мы возвращаемся в историю как в драму и мистерию человеческой свободы и учимся искусству *быть современными*.

Напомню, что слово *modern* (современный) появилось в европейских языках накануне Реформации в 1500 году на фоне кризиса средневековых представлений о человеке и восходит к латыни, в которой наречие *modo* означало «как раз теперь». Это понятие общей новизны, образа жизни, отличное от образа жизни предков. Чем отличное? Тем, что, переживая прошлое в настоящем, европейцы стали воспринимать и осознавать прошлое как современное. Хотя человек всегда, конечно, жил «современную» ему эпоху, но не удивлялся этому факту. А европейцы, открыв для себя античное наследие и Библию, удивились и изобрели метафизическое понятие, благодаря которому история предстала как вечное настоящее или вечно новое.

«Я знаю, что ничего не знаю», — отвечал когда-то Сократ своим оппонентам.

В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю») удержать то, что открывается на границе незнания, и заключена драма человеческой свободы. И разыгрывается она в зависимости от усилий и способностей человека, прежде всего, по отношению к творческому, созидательному существованию. Это и есть собранность субъекта в цивилизации, наследующей дух христианской религии и европейской истории. Когда все оплачивается личным мужеством и опирается на единственную достоверность — на наш внутренний голос, не нуждающийся в посредниках и внешних руководителях. И в то же время это внесение точки рациональности в то, как реально складывается (или может складываться) социальное, историческое бытие.

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Следовательно, свобода опасна и не достижима в обществе, если мы не задумываемся над ее происхождением, а начинаем требовать и ждать проявления воли, прежде всего, со стороны государства. Тогда как наше существование должно быть представлено в публичном пространстве в полноте непосредственного, личного присутствия, а не через отторгающую его бюрократическую машину. Лишь тогда наши надежды и стремления, требующие для своей реализации общественного резонанса, а не только усилий власти, будут соответствовать тому, что можно назвать политическим ферментом или катализатором гражданской жизни. А именно: праву и этике как совокупности принципов, составляющих основу устойчивых отношений в обществе и общества к миру.

Характерно, что Петр Струве прекрасно это понимал*, поэтому так остро реагировал на разрушительные последствия большевистского переворота. «Материальная сторона жизни... — писал он в мае 1919 года, — гораздо легче восстановима, то есть может быть создана наново, чем жизнь духовная. “Духовный” же “капитал” в известных условиях и в известном смысле вечен, но зато он и невосстановим, поскольку утрачен... Оставаясь вечным в смысле объективного бытия, он может для живых людей перестать существовать как их собственная живая сила и стать “музейным предлогом” или “памятником”».

Что, в сущности, и произошло в советской России.

Однако уже спустя четыре года, находясь в эмиграции, в статье «Познание революции и возрождение духа» Струве провозгласил. «Если масса русских интеллигентов, если масса русского народа еще не знает и не понимает своей истории, их нужно при свете огней русской революции и на еще не остывшем ее пожарище учить этой науке. *Нужно учить этой науке так, чтобы учащих охватывал национальный трепет*, и в них закигалось неугасимое внутреннее пламя патриотизма. Для этого необходимо, называя вещи их именами, бесстрашно подсчитывая исторический баланс, верить в русскую историю как в подлинное творение и выражение духа русского народа в его великих и добрых деяниях, а не в его падениях и низостях...

Нам нужно *возрождение духа*. А остальное — приложится**.

На мой взгляд, в этих словах и состоит смысл современности. В той мере, в какой мы будем строить свою гражданскую, частную жизнь, мы неизбежно будем проявлять в ней и свой индивидуальный пафос, созвучный пафосу Струве, который не оставлял его в самые трудные годы жизни.

* См.: Ричард Пайнс. Струве. Биография. Т. 1–2. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

** П.Б. Струве. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999, с. 362.

Либерализм на Западе и в России*

Ричард Пайнс, профессор Гарвардского университета (США)

Когда моя книга о Петре Струве была издана в Америке (30 лет назад — первый том и 25 лет назад — второй), то большого влияния она не имела. В США интересуются победителями, а не проигравшими. В частности, в английской газете «Times Literary Supplement» была в то время опубликована благожелательная рецензия, где говорилось: «Хорошая книга, но кому она нужна? Струве ничего не сделал, ничего не сказал такого, что мы действительно должны были бы помнить». Конечно, это неправильно. Я восхищаюсь сейчас тем, что могу приехать в Россию, и находиться в аудитории, которая интересуется Струве. Я не ожидал, что эта книга будет издана в России (при моей жизни, во всяком случае)**. Но в данном случае я буду говорить не только о Струве, но в целом о российском либерализме в сравнении с либерализмом западным.

Термин «либерализм» имеет различные толкования. Само это понятие возникло вначале XIX века в Испании, где существовала политическая партия, носившая название «Liberales». В Западной Европе понятие либерализма всегда означало политическую демократию, выборное правительство, подчиняющееся конституции. В Соединенных Штатах это слово имеет иной смысловой оттенок. Американский либерализм заменяет социализм, который в США не пользуется популярностью. Либеральные идеи у нас отстаивали и отстаивают, прежде всего, консерваторы (как, например, Рональд Рейган).

Петр Струве

* Выступление на семинаре Школы в г. Пермь 1 марта 2003 года.

** Двухтомный труд Р. Пайнса «Струве» был издан Московской школой политических исследований в серии «Культура политика философия» в 2001 году.

Либерализм в истинном смысле слова основывается на трех принципах. В первую очередь, на уважении к частной собственности и к верховенству права. Собственность и право тесно взаимосвязаны: и в теории, и на практике. Английский политический философ Иеремия Бентам говорил: «Нет собственности – нет закона, нет закона – нет собственности». Второй принцип – уважение и терпимость к свободе слова. На практике это выразилось в формировании и развитии политических партий и плюрализма мнений. И третий принцип – выборность правительства и концепция

конституционных ограничений его деятельности.

Работ о русском либерализме не так много, лучшая из них – книга В.В. Леонтовича, восхитительная как по форме, так и по содержанию. Леонтович пишет в ней о том, что принципы либерализма на Западе были воплощены на практике к началу XIX века. Частная собственность, свобода слова, политические партии, например, в Англии сложились на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX веков. Последнее, что оставалось, – это наложение конституционных ограничений на деятельность правительства, что произошло в

XIX веке. Что же касается России, то здесь уважения к собственности и свободе в то время не существовало. Таким образом, когда во второй половине XIX века началась история либерализма в России, то все эти вопросы должны были решаться сразу и вместе.

Собственность в России была институционально оформлена только в 1785 году, когда земля была закреплена в помещичьем владении. Крестьяне же не имели никакого права на землю вплоть до великих реформ шестидесятых годов XIX века. Свободы слова не существовало до 1905 года. И только в 1906 году в России

легально возникли политические партии — по историческим меркам совсем недавно, буквально вчера. В 1906 году, например, еще были живы мои родители. А вопрос о конституционных ограничениях государственной деятельности в стране так и не был решен. После 1917 года все эти вопросы были исключены из политической повестки дня. То есть вопрос о либеральных институтах и ценностях в России был поставлен тогда, когда в Европе он был уже давно решен. А затем большевистский переворот похоронил надежды на либеральные реформы.

В XVI—XVII веках в России не существовало политической теории. Все ограничивалось спорами между церковью и государством, которые заканчиваются никонианскими реформами и Расколом. Проблемы государственного устройства тоже не обсуждались. Пример российской политической мысли того времени — это переписка Ивана Грозного с князем Курбским, в которой мы не найдем каких-либо либеральных идей. Пожалуй, единственным российским политическим мыслителем того времени был Федор Карпов, оставивший лишь один документ: письмо Ивану IV, в котором говорилось о необходимости справедливого правительства. Это письмо было найдено абсолютно случайно в конце XIX века, и в учебниках по исто-

Ричард Пайнс

рии имя Федора Карпова вы не найдете.

Политическая теория начинается с эпохи Петра I, когда появился Феофан Прокопович. Его идеи позднее развивал В.Н. Татищев, а затем различные мыслители второй половины XIX века. В их работах доминировала теория о необходимости неограниченной самодержавной власти. Татищев писал, что Россия — слишком большая и разнородная страна, управлять которой можно лишь с помощью абсолют-

ной монархии. Если же в России будет много правителей, то она просто развалится на части. Екатерина II в своем знаменитом «Наказе депутатам Уложенной комиссии» 1767–1769 годов следовала идеям Шарля Монтескье, утверждавшего, что большие страны не могут быть ни республиками, ни конституционными монархиями, но могут существовать лишь в виде абсолютных монархий. Эту же линию продолжил и Н.М. Карамзин, который писал в

«Истории государства Российского», что Российская империя слишком разнообразна по территории и населению, а потому ее население может спокойно жить только при самодержавии. О том же писал и А.С. Пушкин, который по взглядам был консерватором, особенно после восстания декабристов в 1825 году. Он говорил, что только монархия принесет просвещение России: «Монархия всегда впереди просвещения стоит». Просвещение, согласно Пушкину, является сутью прогресса. Поэтому он поддерживал самодержавную монархию и даже — до известной степени — цензуру.

В XVIII веке в России были аристократические движения, пытавшиеся ограничить самодержавную власть. Первую такую попытку предприняли «верховники» (Верховный тайный совет, управлявший страной при малолетнем Петре II) в 1730 году. Они потерпели поражение, потому что дворянство предпочло самодержца олигархии. Следующую попытку предпринял граф Никита Панин. Он 12 лет был российским послом в Стокгольме и видел, как в Швеции аристократия контролирует монархию. Ему это понравилось и в начале 60-х годов, будучи министром, он пытался убедить Екатерину II дать согласие на установление определенных ограничений самодержавной власти. Но Екатерина

II, укрепив свои позиции, отказалась действовать в соответствии с проектом Панина.

В начале XIX века очередную попытку либеральных реформ предпринял Михаил Сперанский — очень интересный мыслитель, глубоко понимавший проблемы российской действительности. В 1802 году он написал проект меморандума «Об основных законах государства». Он писал, что особенность российского государства состоит в том, что в нем есть два основных класса: дворяне, являющиеся рабами царя, и крестьяне, которые являются рабами дворян. Никаких других классов в России нет, а эти два класса рабов до изнеможения заняты борьбой друг с другом. Поэтому вся власть сосредоточена в руках самодержца. В связи с чем Сперанский настаивал на серьезной конституционной реформе и в свою очередь пытался убедить Александра I в необходимости либерализации России. В примечании к проекту конституции 1809 года Сперанский писал: «Желать наук, коммерции и промышленности — и не допускать самых естественных их последствий? Желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях? Чтобы страсти утолялись и переменялись, а предметы их, желания свободы — оставались в одном положении? Какое противоречие — чтобы народу

обогащаться и не пользоваться лучшими плодами своего обогащения, свободю! Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться». Это слова были пророческими, определив главную проблему российской государственности.

Я хотел бы пропустить декабристов, потому что о декабристах фактически все известно, но отмечу, что их выступление имело, на мой взгляд, ужасные последствия для процесса либерализации России. Если до 1825 года правительство постоянно занималось привнесением западного опыта в Россию, то теперь оно стало бояться западного влияния на общество. Процесс либерализации России начался только после Крымской войны, показавшей, что самодержавие не делает Россию более сильной, а наоборот ослабляет ее.

Предпосылки либерализации были заложены при Николае I, когда Сперанский создал «Свод законов Российской империи». Именно тогда в России появилась школа юриспруденции, основанная на западной правовой мысли XVII–XVIII веков, и были установлены правовые гарантии собственности. Насколько прочными были эти гарантии можно судить хотя бы по такому примеру: Александр Герцен был противником царского режима и эмигрант

том, но он продолжал получать через банк доходы со своего поместья в России. Однако первые шаги в области политической либерализации были сделаны лишь в 1905–1906 годах. А до этого монархия отказывалась от политической демократии, и у нее были на то причины. Всем царям была присуща вотчинная ментальность, они воспринимали страну, как свою вотчину, свою собственность.

Либеральное движение в России началось как нелегальное, хотя правительство относилось к нему терпимо. В начале XX века в стране появилась кадетская партия (Партия конститу-

ционных демократов), которая быстро приобрела влияние и выиграла выборы в первую Государственную думу. Но она не была либеральной партией в европейском понимании. Павел Милюков часто говорил, что российская партия кадетов наиболее радикальная из всех либеральных партий Европы. Кадеты были радикалами потому, что опасались влияния революционного движения, которое могло лишить их массовой поддержки. Поэтому они отказывались поддерживать проводимые правительством реформы (например, столыпинскую аграрную реформу), чтобы не

быть заподозренными в оппортунизме. И в результате не использовали имевшиеся возможности и не смогли вывести Россию на путь либеральной демократии (в частности, Струве именно поэтому вышел из кадетской партии). Российский либерализм был намного слабее, чем большевизм и реакционный консерватизм. Причина этого в том, что либерализм может преуспеть только тогда, когда он растет снизу. В России же давление снизу было недостаточно сильным, так как не было гражданского общества. На мой взгляд, эта проблема актуальна для России и сегодня.

Дискуссия

Андрей Цуканов, координатор web-проекта Московской школы политических исследований. – Я, как переводчик первого тома биографии Струве, не могу не поделиться ощущением, которое у меня возникло. Хотя книга была написана о жизни человека и жизни страны вековой давности, у меня было четкое ощущение, что я перевожу книгу о сегодняшней России, что очень мало изменилось в том, как живет наша страна, как люди ощущают себя. Я чувствовал, что перевожу не просто историческую книгу, но – книгу о сегодняшней жизни страны, сегодняшних ее глубинных проблемах – проблемах русского менталитета, бюрократии, неуважения к собственности. Приведу лишь один пример – свидетельство иностранца, посетившего город Пермь, когда отец Струве был губернатором: «Меня поразило, что местное чиновничество относится к людям хуже, чем в моем представлении могла бы относиться армия к завоеванному населению».

Ричард Пайпс дал нам формулу либерализма: уважение к собственности, уважение к праву, уважение к свободе слова. Свободу слова мы сейчас имеем, но что касается собственности и права, то это проблематично для нас и сегодня. Вроде существует верховенство закона, но под законностью понимается все, что угодно. Верховенство права, когда право государства не подавляет право отдельного гражданина, до сих пор реально не осуществлено. Не уважается собственность. Мы привыкли к коммунизму, когда понятие собственности было под запретом. Сейчас собственность разрешена, но сохраняется ощущение, что она постыдна и не очень законна. Мы подсознательно испытываем все тот же страх – отберет свое или другое государство, кто-то еще отберет. У нас нет ощущения внутреннего покоя, ощущения достоинства права, своего равноправия с государством. И это ощущение права – существует фактически повсеместно. Поэтому рано успокаиваться, тем более, что история нашей страны показывает: достаточно недлинные периоды либерализма, как правило, сменялись в Рос-

сии весьма длинными периодами авторитаризма.

Р. Пайпс. – Спасибо за комментарий и за великолепный перевод книги. В 1960 году я делал доклад на Международном историческом конгрессе в Москве и говорил о потребности для России следовать путями либерализма. После этого каждый советский выступающий на меня нападал. Так я узнал, что мои лекции можно было посещать только по спецразрешению, меня считали «подрывным элементом». Сейчас мы говорим свободно – значит, многое изменилось.

Само понятие права, конечно, существует в России, и всегда существовало, но трактовка его была своеобразной. Граф Бенкендорф как-то сказал, что законы пишутся для подданных, а не для государства. Так что в России традиционно закон воспринимался, скорее, в качестве средства администрирования в пользу власти. Когда я был в Москве в 60-е годы, то как-то купил в киоске брошюру под названием «Права советского гражданина». И оказалось, что речь в ней идет о правах одного гражданина против другого гражданина. Ни слова о том, что могут существовать права гражданина, предъявляемые государству. Я не знаю ни одного случая, чтобы российский гражданин подал в суд на правительство, а в моей стране это происходит постоянно. Может быть, я ошибаюсь, и какие-то случаи были в истории, но мне кажется, что для России это что-то совершенно новое. И эти фундаментальные перемены происходят сейчас.

Андрей Захаров, вице-президент Фонда развития парламентаризма в России. – Во-первых, я хотел бы успокоить доктора Пайпса в связи с тридцатилетней отсрочкой публикации его книги в России: она, как хорошее вино, отстоялась и по-другому воспринимается. Если бы она была издана по-русски тогда, когда вы ее написали, то ее читатели исчислялись бы единицами. Во всяком случае, так это было, когда на русский язык была переведена ваша работа «Россия при ста-

ром режиме». Я был студентом университета, и мы читали ее подпольно, передавая из рук в руки, для большинства она была недоступна. Сейчас — удачный момент для публикации «Струве» по-русски.

Проблема, которая ставится в книге, безусловно, актуальна. Что делал Струве в течение своей жизни? Он стремился соединить либерализм и патриотизм, то есть решить задачу, которая нам кажется порой неразрешимой. Это тема для России фундаментальна, потому что мы по сей день видим, как плохо сопрягаются друг с другом эти начала. Здесь мы можем искать ключи к пониманию того, почему у нас многое не получается. Почему мы столь беспомощны в этой области. Если смотришь на демократа — видишь, что у него плохо с патриотизмом, если видишь патриота, то это какой-то зоологический патриот. Синтеза не наблюдается по сей день, хотя процессы поиска идут давно. И в этом смысле Струве и ваша книга о нем востребованы сегодня больше, чем 30 лет назад. К несчастью для Струве, он по-прежнему актуален сегодня. Для страны было бы гораздо лучше, если бы то, о чем он думал и писал, было бы уже сейчас не актуально.

Девять месяцев продолжалась работа над переводом второго тома книги. В нем говорится о жизни Струве на протяжении с 1904-го по 1944 год, год его кончины. Когда он испытывал сплошные разочарования и видел, как то, на что он надеялся и рассчитывал, не приводило ни к какому результату. Это трагическая книга. Я набрался много ума, пока переводил ее.

Сергей Мошкин, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург. — В результате чтения книги доктора Пайпса исчезают многие мифы и стереотипы по поводу нашей истории — мифы о народниках, мифы о легальном марксизме, мифы о Плеханове, мифы о самом Струве. Общественная мысль сегодня заняла следующую позицию: легко отказавшись от марксизма и от советской истории, она перешла на позицию поверхностной критики прошлого, критики не аргументированной. А эта книга показывает всю сложность процесса.

Позиция Ричарда Пайпса — это критика, основанная на знании вчерашнего дня, а не на эмоции. С профессором Пайпсом заочно я познакомился в библиотечных спецхранах — в университете был курс «Критика антикоммунизма». Нас дрессировали, давая фрагменты текстов ярких антикоммунистов, и профессор Пайпс был среди них одним из первых. Мы должны были читать тексты — и аргументировано высказывать контраргументы. Второе открытие Пайпса, как историка, было, когда его книги стали доступны. А в книге «Струве» профессор открылся, как философ, историк, знаток общественной мысли.

Многие авторы, пишущие о либерализме в России, пытаются найти его истоки чуть ли не с древних времен. Иногда это смешные попытки. Откуда проистекал российский либерализм? Если обратиться к последней трети XIX века, то наблюдаешь странное явление: либерализм в России развивался очень интенсивно в рамках юридической науки. Люди, которые по духу были консерваторами, государственниками, ставили вопрос о правовом идеале, о конституционных ограничениях. Это был странный либерализм — консервативный. С другой стороны, абсолютно либеральные идеи высказывали некоторые радикалы (например, анархист князь Кропоткин). Это странное существование либерализма в разных политических и идеологических станах прослеживается и сегодня. Кто либерал, кто демократ, кто консерватор? Какое из существующих сегодня движений является либеральным, какое консервативным?

Давид Бердзенишвили, депутат городского совета г. Тбилиси, Грузия. — Я часто думаю о либерализме, однако, мне редко удается в своей стране воспользоваться его плодами. Я уверен, если бы не те люди, которые многие годы не принимали советскую власть и способствовали краху коммунизма, то у советского общества не было бы возможности избавиться от советского мышления. Господин Ричард Пайпс был одним из тех, кто извне помогал нам избавляться от советского мышления.

Будучи студентом, в начале 80-х годов, когда на волнах «вражеских голосов» я слушал отрывки книг и статей Пайпса, мне казалось, что главное в его деятельности то, что он один из высокопоставленных сотрудников президента Рейгана. Я помню, как в 1984 году вышла книга «Консервативная волна», где больше всего ругали и критиковали Ричарда Пайпса и Александра Хейга, которые «неадекватным радикализмом» мешали установлению нормальных отношений между Советским Союзом и США. В 90-е годы я убедился, что главная заслуга Пайпса и других интеллектуалов, философов, историков – американцев и европейцев – в том, что они выполнили ту работу, от которой отказалось наше общество. Именно они сохранили и подарили нам и Струве, и других мыслителей, на которых держится наша надежда на вхождение в XXI век, в нормальную демократическую систему.

Дмитрий Мартышенко, заместитель директора Института имени А.С. Грибоедова, Калужская область. – Многие в советское время слушали и читали то, что не разрешалось. Наверное, поэтому они теперь такие про-

двинутые и занимаются политикой. Огромное спасибо за любовь к нашей истории. Всегда интересно узнать мнение человека со стороны, со вниманием перебирающего по косточкам то, что происходило с нами. Ваше мнение: в чем корни неприятия ценностей либерализма в России?

Р. Пайнс. – Либерализм, в основном, европейское изобретение. Я согласен с Леонтовичем: весь комплекс либеральных идей и институтов – это порождение Западной Европы. Чтобы хорошо относиться к либерализму, надо чувствовать себя европейцем и жить в европейском контексте. К сожалению, в России корни европеизма – либерализм и патриотизм – оказались несовместимыми. После падения Константинополя Россия осталась единственным православным государством, отчужденным от других христианских стран. Православная церковь отталкивалась от католицизма и от протестантизма, как от ереси, и заявляла, что православие – единственная правильная христианская религия. В результате много осталось не секуляризованным, даже когда церковь перестала играть важную

роль. Значение церкви сохранилось, ее враждебность к Западу, антиевропеизм остались. Петр I был западником, но и он говорил Остерману: «Мы должны *занимать* у Европы то, что можно занять». То есть даже Петр считал, что Европа прекрасна, но мы от нее отличаемся.

Коммунизм углубил этот антиевропеизм. Для коммунистов Европа оказалась Западом, воплощением капитализма. Существует длительная традиция антизападничества, антиевропеизма. Юрий Левада в одном из опросов общественного мнения задавал вопрос: что вы думаете о Западе? И 70 процентов россиян сказали, что Запад — враг России. Это было в 1999 году. Следующий вопрос: идти ли российским путем или западным? И снова 70 процентов ответили: мы пойдем своим особым путем. Скажите, что такое особый русский путь?

Николай Каданцев, мэр города Кунгура, Пермская область. — Один русский писатель сказал: «Власть и богатство должны быть нравственно оправданы». В этой фразе сосредоточено, сконцентрировано отношение россиян к частной собственности. Каково было влияние великих русских писателей — Карамзина, Герцена, Пушкина, Достоевского, Толстого, Солженицына — на формирование и закрепление либеральной идеи в России?

Ричард Пайнс. — Как говорил Струве, проблема состоит в том, что социализм пришел в Россию раньше либерализма. Общественное движение в России началось именно с приходом социалистических идей на европейскую почву. Таким образом, российские интеллектуалы фактически пропустили эпоху Просвещения и сразу перешли к социализму. Но социализм, как идея, направлен против частой собственности, это известно.

Николай Каданцев. — Я, возможно, ошибаюсь, но у нас отношение к собственности было не таким, как в Европе. У нас достаточно исторических примеров, когда не совсем законное приобретение собственности нравственно оправдывалось, а пото-

му признавалось и уважалось. Я привожу примеры Степана Разина, Пугачева. В Европе другой взгляд — собственность должна приобретаться только по закону.

Ричард Пайнс. — В России для большинства населения собственность не существовала. В XIX веке в Америке каждый иммигрант, который хотел, получал 40 акров земли. Уже в конце XVIII века почти все американцы имели собственность. А что было тогда в России? Община, мир. Земля принадлежала не крестьянину, а общине — поэтому подход к земельной собственности был другой, чем у нас.

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований. — Как известно, Реформация в Германии началась с выступления Лютера против Римской католической церкви, так как он считал, что между Богом и человеком не должно быть никаких посредников. В одном из Тезисов, вывешенных Лютером в 1517 году на дверях Виттенбергской церкви, было сказано, что, продавая индульгенции от имени папы, церковь фактически оправдывала преступников. (Это примерно то же самое, как «новые русские», спасая свою совесть, давали деньги на восстановление храмов, и наша церковь это молчаливо принимала.) Природа человека, считал Лютер, от этого не меняется. Покайтесь! Суть лютеровского бунта сводилась к этому, а Кальвин пошел еще дальше. Здесь мы сталкиваемся с проблемой социально-экономического неравенства. Это фундаментальная проблема, и Европой она была преодолена так же, как и религиозные разногласия. Каким образом европейцам удалось создать механизмы, которые ограничили в свое время власть папы, королей, власть правительства? Каким образом, в результате чего, каких усилий? Но результат налицо: благосостояние, мирная жизнь, нежелание европейцев воевать в Ираке. Европейцы все-таки чего-то добились за две тысячи лет своего существования.

Ричард Пайнс. — Католическая церковь никогда не возражала против частной собст-

венности. С того времени, как Адама и Еву изгнали из Эдемского сада, понятие собственности в человеческой культуре прочно устоялось. Протестантская церковь пошла еще дальше. В протестантской этике приобретение богатства — это знак Божественного Провидения и символ спасения. Религиозная поддержка накопления, материального благосостояния на Западе была всегда очень сильна. Понятие о том, что собственность — это воровство — изобретение французского анархиста Прудона. Это очень популярная среди анархистов идея. Я не эксперт в православной теологии, и не знаю, поддерживала ли православная церковь собственность в вашей стране.

Николай Иванов, журналист, Пермская область. — Господин Пайпс, вам не кажется, что российские либералы сами похоронили надежды на успех либерализма в России? Например, в XX веке либералы дважды имели всю полноту власти в нашей стране, и мы знаем, как они этой властью распорядились. В 1917 году все закончилось большевистским переворотом, в 90-е годы — строительством олигархического капитализма и дефолтом. История показывает, что все успешные реформы в России проводились авторитарной жесткой властью.

Р. Пайпс. — Либералы сделали огромное дело во всех посткоммунистических странах, но у них не хватает административного опыта. При коммунистическом правительстве административный опыт приобретался, естественно, совсем другими людьми. Таким образом, когда либералы приходят к власти после распада коммунистической системы, они могут быть очень отважными и знающими людьми, но они недостаточно опытны для того, чтобы администрировать. Это проявилось и в Грузии, и в Польше, и в Эстонии. Что же касается 1917 года, то это совсем другая проблема, либералы тогда действительно проявили себя не с лучшей стороны. Но, возможно, одна из причин этого была в том, что у них были исключительно наивные представления о русском народе. Князь Львов, возглавлявший первое вре-

менное правительство, говорил, что русский народ настолько мудр, что ему можно верить. Когда люди приезжали из провинции и спрашивали его, что делать, он отвечал: «Мы не хотим вами командовать, не хотим давать вам строгие указания, люди на местах сами должны решать свои собственные проблемы». Разумеется, это закончилось крахом. Я не думаю, что либерализм 1917-го и либерализм 1991 года похожи. По сути, сегодняшнее правительство либерально, и президент Путин либерал. Он не стремится к тоталитарной власти, а потому я бы не склонялся к пессимизму в отношении будущего либерализма в России.

Лев Шлосберг, президент Фонда социального проектирования «Возрождение», Псковская область. — В лексике уважаемого докладчика чаще всего встречается слово свобода, как ценностное, системное понятие, связанное с либерализмом. Если посмотреть на российскую политическую историю за последние 500 лет, то она похожа на маятник между рабством и свободой. Маленькие участки территории свободы, на которые заходил маятник, были столь невелики по времени, что изменения в ценностных взглядах населения не успевали произойти. Поэтому можно сколько угодно спорить, какие корни имеет либерализм в России. Они одинаковые везде. И совершенно отдельный вопрос, каким образом движется история, которую делают люди. Важно понимать, когда исчезает свобода и возвращается рабство — этого хочет общество. Я не разделяю оптимизм Ричарда Пайпса, многие в России хотят вернуться в рабство, потому что состояние иждивенчества комфортно для несвободного человека. Я не могу сказать, сколько сегодня в России свободных людей. Часть из них присутствует в этой аудитории. Это вопрос о политической и общественной ответственности тех, кто понимает, что на самом деле происходит. Биография Струве вышла вовремя, но если бы она вышла раньше — было бы лучше. Вдумаемся в размышления г-на Пайпса в книге и в его сегодняшнем выступлении: за последние столетия политическая повестка дня России не изменилась. Мы решаем

одни и те же проблемы. Если сейчас, в начале XXI века, российский политический маятник перейдет критическую черту, тогда ситуация может измениться принципиально. Я согласен с г-ном Пайпсом, многое зависит, в том числе, и от нас.

Ричард Пайпс. – Я не знаю, в чем корни мнения, что большая часть российского общества хочет рабства. Мне кажется, что социологические опросы это опровергают, и большинство людей в России как раз хочет свободы. Другое дело, что людей, прежде всего, волнует проблема безопасности, и они могут предпочесть безопасность свободе.

Вы совершенно правы, говоря, что российский маятник качался на протяжении столетий. Но вовсе не обязательно, что это распространяется и на будущее России. История – понятие, открытое будущему. Когда я говорю о свободе, я имею, в частности, в виду Джона Гемпдена, английского философа. Когда король Карл I издал указ о налогах на флот, Гемпден, который был землевладельцем и жил в центре Англии, вдали от моря, отказался их платить. Его судили, он проиграл дело, но, тем не менее, стал националь-

ным героем. Только так завоеывается свобода. Свобода – это всегда завоевание, которое достигается нелегко. Но удивительно, насколько часто люди выигрывают эту битву. И я убежден, что Россия в этом смысле ничем не отличается от других стран.

Александр Согомонов, директор Центра социологического образования Института социологии РАН. – При советском режиме цензура и партия не позволяли нам читать книги профессора Пайпса не только потому, что он был антикоммунистом, а потому, что он своими трудами доказывал, что из истории можно извлечь уроки. Существует расхожее выражение: история ничему не учит. Мы сейчас говорим: опять всё, как всегда. Но почему это происходит? Какой механизм, какая система постоянно торжествует в российской истории? Ответы на эти вопросы мы находим, в том числе и в книгах Ричарда Пайпса. История на самом деле учит, и у нас есть возможность извлечь уроки из прошлого, чтобы движение вперед стало необратимым. Я оптимист и считаю, что сегодняшний шанс упущен не будет. Спасибо, профессор Пайпс, за ваши книги, и мы надеемся на будущие встречи.

Заметки с семинара

Юрий Гиренко,

заместитель главного редактора журнала «Общая тетрадь»

Зимой 2003 года Школа, которой всегда был свойствен климатический максимализм, неуклонно двигалась на северо-восток: туда, где морозы покрепче. Начали на берегах Балтики (Зеленогорск, Ленинградская область, январь), продолжили в Заволжье (Елабуга, Татарстан, февраль) – и на исходе зимы добрались до Урала.

Пермь – город нумерологический. Во всяком случае, семинары Школы здесь обязательно связаны с какой-то цифровой магией. В прошлом году, например, семинар открылся в редчайший «зеркальный» день 20.02.2002 (следующий такой будет через сто с лишним лет – 21.12.2112, а предыдущий был почти тысячу лет назад – 11.11.1111). Теперь же на семинаре господствовала тройка: *третий* семинар две тысячи *третьего* года состоял из *трех* взаимосвязанных событий.

К одному из них Школа прямого отношения не имела: 28 февраля и 1 марта в Перми проходила конференция, посвященная судьбам либерализма в России, на которую съехался цвет отечественной либеральной мысли – Алексей Карамурза, Игорь Клямкин, Леонид Смирнягин и другие. Тем не менее, связь Школы с конференцией была очевидна. Во-первых, организовывал ее Пермский политический форум, созданный и руководимый выпускником Школы Сергеем Негановым. Во-вторых, в работе конференции приняли участие Лена Немировская и Юрий Сенокосов. И, в-третьих (*в-третьих!*), конференция была посвящена памяти пермского уроженца Петра Струве, биографию которого издала Школа. Автор этого уникального труда – знаменитый американский историк Ричард Пайпс – также присутствовал на конференции и был ее самой яркой звездой.

В расположенном же в окрестностях Перми пансионате Усть-Качка одновременно шли семинары Школы и учрежденного Школой Просветительского центра. Для Центра это был *третий* семинар – уникальный сразу в *трех* смыслах. Во-первых, Центр впервые удалился так далеко от Москвы, в неблизкий регион. Во-вторых, он не просто был параллелен региональному семинару Школы, но и во многом с ним переплетался темами, обменивался экспертами, участниками. В-третьих, к участию в семинаре Центра впервые было при-

влечено несколько человек, ранее не участвовавших в школьных семинарах. Прямо скажем, им было непросто...

Три десятка «центровых» обсуждали в основном федерализм. С точки зрения практикующих политиков – в мастерской Владимира Рыжкова. О взаимном влиянии политики и экономики на развитие федерализма – у Сергея Буркова. В академическом ключе – под руководством Ирины Бусыгиной и Андрея Захарова. И, разумеется, в режиме интерактивного «проживания» темы – на форумах Александра Согомонова. «Федерализм сегодня – единственная адекватная форма существования демократии и воплощения либеральной идеологии», – верификация этого тезиса стала основной задачей семинара Центра. Тематика регионального семинара была гораздо шире. Отношения России с Европой и Америкой; западный опыт демократии; современная экономическая и политическая ситуация в России; современная политическая мысль... Обычная для Школы интеллектуальная и эмоциональная напряженность семинара на сей раз была наполнена тревожным чувством. Тревогу и озабоченность вызывала буквально каждая сессия.

Первым выступал посол США Александр Вершбоу, который представил позицию своей страны по актуальным международным вопросам (прежде всего – по иракской проблеме). Говорил он по-русски и был замечательно дипломатичен, но не оставил сомнений: быть войне. Сессия посла Европейской комиссии Ричарда Райта, проходившая через несколько часов после выступления Вершбоу, еще больше усилила это впечатление – и тревогу из-за международной ситуации.

Владимир Рыжков говорил о внутриполитических проблемах. Его оценка политического процесса в России накануне парламентских выборов была похожа на диагноз тяжелому больному. И этот диагноз не замедлил подтвердиться, когда на семинаре появился коллега Рыжкова по Государственной думе Борис Немцов. Как и год назад, лидер СПС приехал на семинар в Пермь «сверх программы». Как и год назад, его общение с региональной аудиторией было насыщенным и острым. А общее впечатление – представления самой вменяемой из российских партий о «текущем моменте» весьма смутное. Как тут не задуматься о перспективах декабрьских выборов...

Сергей Алексашенко – в прошлом один из руководителей Центробанка, а ныне заместитель председателя правления холдинга «Интеррос» – с мрачным оптимизмом анализировал перспективы российской экономики. Мрачность относилась практически ко всем аспектам нашего экономического развития. По авторитетному мнению эксперта, короткий период роста, вызванного чисто конъюнктурными причинами, заканчивается, и нашу экономику опять ждут трудные времена... Откуда же оптимизм? А вот откуда: только ухудшение конъюнктуры, считает экономист, может заставить правительство проводить реальные реформы.

Все три линии семинара – либерализм, «углубленные курсы» Центра и региональный семинар Школы – сошлись вместе 1 марта, в *третий* день семинара.

Этот день был посвящен проблемам современного либерализма, которые участники семинаров Центра и Школы обсуждали совместно.

Получился замечательный *триптих* в исполнении трех блистательных западных интеллектуалов. Первым был Ричард Пайпс, представивший не только свою книгу о Струве (в чем ему помогли переводчики – Андрей Цуканов и Андрей Захаров), но и развернутый взгляд на прошлое и настоящее российского либерализма. Судьба либерализма в России, согласно Пайпсу, всегда была и остается трудной.

Британский политолог Кристофер Коукер нарисовал широкую панораму глобального политического контекста, в котором развивается современная либеральная мысль. Картина должна была бы смотреться жизнеутверждающе – как никак, либеральная модель победила своих тоталитарных противников и стала безоговорочно доминирующей. Но Коукер не обольщается: в победе либеральных принципов он видит и зерна будущих проблем. Его, как и многих других западных мыслителей, беспокоят апатия граждан и самоуспокоенность политиков; он считает, что и либерализм, и глобализация находятся под угрозой – и внутренняя угроза, заключающаяся в уходе от политического действия и идейных дискуссий, по его мнению, опаснее любого бен Ладена.

Германский политический аналитик Михаэль Мертес в этом контексте выглядел почти оптимистом, хотя его – как всегда фундаментальный, теоретичный и литературно безупречный – анализ перспектив либеральной идеи в наступившем столетии вовсе не был радужным. И все же, Мертес совсем не склонен хоронить либеральную идею, лежащую в основании современной демократии и уже не раз доказывавшую свою способность отвечать на грозные вызовы истории*.

Что ж, это действительно – правда. Реальность наших дней, на первый взгляд, дает мало причин для оптимизма. Но тревога не должна преграждать дорогу надежде; трезвая оценка – даже самая мрачная – не должна заставлять нас опускать руки. О чем, собственно, говорили все, кто участвовал в Пермском семинаре. Важно отметить, что во всех выступлениях экспертов и во всех дискуссиях было много озабоченности, но не было фатализма, безнадежности. Мы можем и должны действовать, чтобы не допустить реализации худших прогнозов. В конце концов, «это и есть политика», – как сказал Кристофер Коукер. А ведь мы претендуем на то, что занимаемся именно политикой...

* Выступления К. Коукера и М. Мертеса публикуются в настоящем номере «Общей тетради».

Моральные основы капитализма

На мой взгляд, капитализм — это этическая система. Большинство из тех, кто был сторонником капитализма в посткоммунистических странах, считало его работающим, но не моральным. То есть относилось к нему как к необходимому злу. Такой подход напоминает взгляд средневековой церкви на сексуальные отношения, для которой идеалом было целомудрие. Когда сохранить целомудрие могли лишь немногие. Слабость человеческой природы вынуждала церковь смиряться с сексом, но подконтрольным и ограниченным узами брака. И точно так же воспринимали капитализм в посткоммунистических странах: как нечто неизбежное в силу человеческого несовершенства, не позволяющее осуществить Утопию. Бесконечные жалобы современных средств массовой информации, интеллектуалов, писателей на усиливающуюся коммерциализацию жизни лишь подтверждает сказанное.

Разумеется, такой взгляд не ограничивается пределами посткоммунистических стран. Он распространен и в Западной Европе, да, пожалуй, и во всем мире. Коммунистические пропагандисты говорили, что их система плохо работает потому, что люди недостаточно сознательны. Сейчас вряд ли кто-то будет всерьез утверждать, что коммунизм вообще может работать, и, тем не менее, многие продолжают считать достойным сожаления и даже стыда тот факт, что они вынуждены поступаться принципами и полагаться в заботах о хлебе насущном на систему, основанную на человеческой похоти, жадности, жажде наживы.

Я же утверждаю, что капитализм основывается на моральных принципах. Он предлагает обществу моральные ценности, позволяющие выбирать «лучший из худших» путей. Не только экономические, но также социальные и моральные последствия развития капитализма иные, чем любой другой не утопической общественной системы.

Откуда же такая двойственность при восприятии капитализма? Она проистекает из природы индивидуализма как такового. Кто отвечает за принятие этических решений — индивидуум или группа? Я лично отдаю предпочтение индивидууму, хотя ни в коем случае не претендую при этом на абсолютную объективность. Поясню сказанное, обратившись сначала к протестантской идее индивидуальной ответственности.

Думаю, все согласятся с тем, что бессмысленно обсуждать этические проблемы, не признав, что личность несет ответственность за свои действия и поступки. Этика без личной ответственности — это уже естественная история, события в которой сами по себе не имеют смысла. В человеческую

*Яцек Ростовский,
профессор
Центрально-Европейского
университета
(Будапешт)*

*Утверждаю, что капитализм
основывается на моральных принципах.
Он предлагает обществу моральные
ценности, позволяющие выбирать
«лучший из худших» путей*

же историю смысл вносит этика личной ответственности. Многие научные школы — например, психоанализ — пытаются объяснить человеческое поведение чуть ли не внутриутробным развитием. Социал-демократы и социальные либералы объясняют поведение человека социальными условиями. Постмодернисты утверждают, что мораль является социальной конструкцией. Все эти подходы имеют право на существование, но они не имеют отношения к нашему предмету. Если человеческое поведение полностью детерминировано психологическими, социальными или другими причинами, то этика ответственности не нужна. Согласно детерминистским схемам, капитализм, как и каннибализм, не является ни хорошим, ни плохим — он просто есть, подобно дереву, горе или Гольфстриму. А если пойти дальше по этому пути, то надо признать, что каждое предыдущее событие полностью определяет последующее, и никакой свободы воли не может быть. В таком случае говорить не о чем. Поэтому остановимся на том, что свобода воли все-таки существует.

Следующая проблема — внутренние противоречия социально-либерального подхода

к морали. Как я уже сказал, социальные либералы склонны считать, что поведение человека определяется социальным контекстом его жизни. Но если это так, и мы можем не отвечать за свои поступки, то каким образом общество, состоящее из безответственных людей, способно все же делать правильный моральный выбор? Когда простые люди не отвечают за свои действия, а либеральная элита имеет якобы моральное чувство, не определяемое социальными условиями. В таком случае, используя древнеримский термин, можно сказать, что большинство из нас просто слепо следуют тому, что называется *jus gentium* — обычным правом, а социал-либеральная элита действует в соответствии с *jus naturale* — естественным правом, что и дает ей право навязывать свои взгляды всему обществу. Хотя общее человеческое стремление к некоему своду моральных правил обусловлено, скорее, генетически, чем социально, я не отрицаю, что некоторые из моральных норм имеют социальное происхождение. Например, трудно представить себе, чтобы моральные ценности появились на пустынном острове. Однако, даже признавая, что мораль — это социальная конструкция,

мы постоянно задаемся вопросом: а как насчет моральной ответственности?

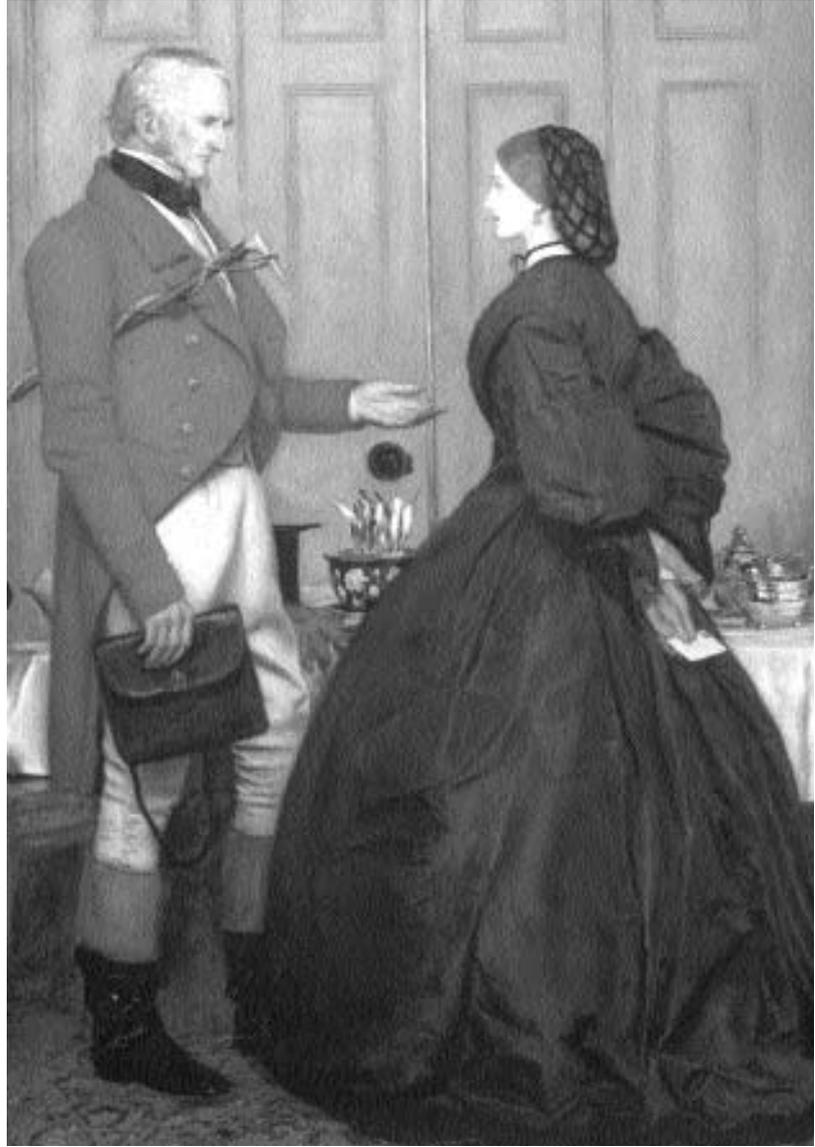
Капитализм, как социально-политическая система, дает индивидам возможность принимать самостоятельные решения практически во всех областях общественной жизни. Поэтому я считаю его наилучшей системой.

Почему моральные решения должен принимать индивидум? Концепция личности, как главной моральной силы, лежит в основании западной цивилизации еще со времен античной трагедии, занимает центральное место в христианстве, и именно: на ее основе западная традиция отвергла идею коллективного наказания. Лишая человека свободы выбора, мы лишаем его ответственности, что умаляет каждого из нас в моральном отношении. Давая индивиду больше прав, капитализм ставит его перед более трудным выбором. Для многих это создает неудобства, но с моральной точки зрения капитализм оказывается наилучшей социальной системой.

Поэтому мне странно, что католическая церковь — моральная организация *par excellence* — занимает позиции, близкие к социал-демократическим в вопросах общественного воспитания. Одно из объяснений этого, очевидно, в том, что, осознавая слабость человеческой природы, церковь полагает, что человека надо как можно меньше подвергать искушениям. Действительно, никто из нас не может считать себя по-настоящему морально устойчивым. Од-

нако я настроен несколько оптимистичнее и либеральнее в отношении человеческой природы, и думаю, что мы в состоянии выдержать больше искушений, чем позволено, например, в социал-демократической Швеции. Так как же формируется моральный кодекс человека? Вряд ли это зависит только от социальных условий. Если бы это было так, то все люди, живущие в одинаковых социальных условиях, имели бы одинаковый моральный кодекс. Между тем индивиды, вынужденные постоянно делать личный моральный выбор, и создают в обществе то, что можно назвать моральным плюрализмом. И, на мой взгляд, это хорошо, как любое разнообразие в обществе. По аналогии с генетикой, можно сказать: чем больше в обществе разнообразия, тем больше его способность к изменению, эволюции. Поэтому, максимально развивая моральный плюрализм, мы не только развиваем свободу, но также увеличиваем способность общества к адаптации морального кодекса к внешним обстоятельствам. Все эти рассуждения носят спекулятивный характер и не являются основным аргументом в пользу морального превосходства капитализма, но они должны быть упомянуты.

Что в действительности главное для меня, так это моральная ответственность индивида, остающаяся основополагающей, каким бы ни был общий моральный кодекс. Идея моральной ответственности человека

Джон Эверетт Миллес. Верь мне. Середина 1850-х

столь же стара, как и идея закона — воспитателя людей, что нашло свое выражение еще в древних религиозных книгах: Ветхом Завете и Коране. В закон верили и средневековые схоласты, и французские якобинцы, и даже большевики, которые были абсолютно уверены, что знают, какой должна быть мораль для всех ос-

тальных. Как по-своему верят в это и современные политически корректные социал-либералы.

Противоположная точка зрения, которую разделяю я, заключается в том, что ответственными должны быть в первую очередь сами граждане. А в тех вопросах, которые не могут решаться на индивидуальном уровне (на-

пример, в определении преступления), надо оставаться предельно консервативными и не отказываться от традиционной общественной морали. Такой подход соответствует, в частности, английской консервативной традиции, наиболее ярким выразителем которой был Эдмунд Бёрк. Согласно такому подходу, состояние морали и законности определяется культурой. Когда закон должен, скорее, не менять мораль, а следовать за ее изменениями. Например, Консервативная партия Великобритании в 1940–1950 годах была решительной противницей легализации гомосексуализма, а сегодня готова согласиться с такой возможностью — поскольку общественная мораль изменилась, и, значит, должен измениться закон.

Каковы социальные и моральные последствия капитализма? Идеи утопистов, мечтавших устранить из общественной жизни алчность и жадность, привели со временем к созданию тоталитарной системы, на фоне которой преимущества капитализма совершенно очевидны. Прежде всего, с точки зрения ясно выраженных прав собственника, отвечающего по закону за то, чем он владеет, и как использует то, чем владеет. Поскольку собственность находится в основном в частных руках, границы ответственности каждого человека, как и границы между правами частных лиц и государством при капитализме, четко очерчены законодательством. Что в свою оче-

редь требует от тех, кто занимает публичные посты, обязательной прозрачности и открытости, чтобы избежать злоупотреблений.

И все же, как насчет обвинений капитализма во всеобщей коммерциализации общественной жизни? Такая мотивация, как стремление к прибыли, абсолютно оправданна в сфере бизнеса.

Критики капитализма обычно нападают на него с двух противоположных сторон. Они обвиняют его в том, что он атомизирует общество, разделяет людей по коммерческим и социальным интересам (за это капитализм подвергал критике, например, Маркс). И одновременно утверждают, что он распространяет коммерческие отношения на все сферы жизни. Здесь есть явное противоречие. Поэтому я скорее согласен с Адамом Смитом, который говорил, что чисто коммерческие и некоммерческие аспекты жизни в условиях капитализма не исчезают, и это хорошо. Нет никаких доказательств того, что коммерциализация наносит большой ущерб при капитализме. Даже такая страна, как США, доказывает обратное. Здесь приверженность людей религии гораздо сильнее, чем в других западных обществах — в том числе, и в такой традиционно религиозной стране, как Польша.

Не говоря уже о том, что многие социально значимые обычаи и привычки народа также не зависят от уровня развития капитализма. Например, в годы моей учебы в Лондонской школе экономи-

ки там было много студентов из Италии, которая тоже была капиталистической страной, как и Британия, в которой долгие годы правили лейбористы. Однако различия итальянцев и британцев никак не соотносились с особенностями развития их стран. Более того, я уверен, что человек всегда способен различать ценности, ради которых нужны деньги, и коммерческие средства, при помощи которых они зарабатываются. Собственность для большинства людей не является главной целью жизни. Цели многих из нас далеки от накопительства. Это — престиж, семья, власть, любовь. Есть, конечно, и те, для кого деньги — единственная цель в жизни, но это, скорее, исключения. Но и в этом случае такие люди оказывают всем остальным весьма полезные услуги.

Итак, рассмотрение капитализма в моральном аспекте приводит нас к следующему выводу: если капитализм морален, то мы должны принять его даже в самом крайнем выражении, практически не оставляющем места для государственного вмешательства, а также в смысле перераспределительных функций государства, кроме отдельных случаев.

Главное, к чему мы должны стремиться — это к максимальному расширению возможностей нашего выбора.

*Перевел с английского
Юрий Гиренко*

Шведская модель капитализма

В России популярно такое понятие, как «шведская модель». На мой взгляд, существует не одна, а не менее четырех шведских моделей. Первая из них существует только в воображении некоторых журналистов и политиков. Это так называемый «шведский социализм», которого в реальности нет. Швеция по основным критериям рыночной экономики не отличается от остальных стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Однако специфика у Швеции, как и у других скандинавских стран, есть. Особенность скандинавской модели в том, что общественный сектор здесь играет явно большую роль, чем в других странах, что приводит неизбежно к более высокому уровню налогообложения.

Вторая модель — это модель экономического роста, действовавшая в течение ста лет с 1870-го по 1970 год. Это был триумфальный период экономического развития Швеции, когда она из бедной по европейским меркам страны превратилась в то, что мы знаем сейчас. Третья модель — с 1970-го по 1990 год, когда имело место нарушение экономического равновесия. И, наконец, период с начала 90-х годов — это уже четвертая модель.

Чтобы объяснить динамику развития шведской экономики с 1870-го по 1970 год, стоит обратиться к более раннему периоду. Среди факторов, которые бросают свет на экономический рост в то время, важную роль играла школьная система, созданная в 40-е годы XIX века. Еще до введения всеобщего образования безграмотность в Швеции практически отсутствовала, благодаря деятельности церковных школ. После же проведения школьной реформы грамотность стала всеобщей.

В 60-х годах XIX века были проведены фундаментальные либеральные реформы. Основная часть шведской экономики до этого находилась в руках разных гильдий, которые ограничивали как движение рабочей силы и капитала, так и предложение на рынке, чтобы поддерживать высокие цены. Эта система была малопродуктивной, она ограничивала развитие потенциала в стране, и в 60-х годах была ликвидирована, что создало благоприятную среду для развития капитализма. Атмосфера свободного капитализма стимулировала развитие предпринимательства.

Во второй половине XIX века в Швеции, как и в других европейских странах, происходил значительный переток ра-

*Михаил Сульман,
Исполнительный директор
Нобелевского фонда
(Швеция)*

бочей силы из сельского хозяйства в промышленность. В этом Швеция не уникальна, но особенно успешному развитию этого процесса способствовало становление прочной системы гражданского права. В частности, именно тогда в нашей стране появился институт акционерного общества для привлечения капитала — как на внутреннем рынке, так и извне. Международный капитал, главным образом английский, сыграл в то время большую роль в росте шведской экономики. Англичане вкладывали деньги в основные отрасли хозяйства — в лесное хозяйство, в рудники, в строительство железных дорог. Еще один важный фактор экономического развития — ресурсы (лес, рудники). Стали развиваться такие передовые для того времени отрасли промышленности, как металлургия.

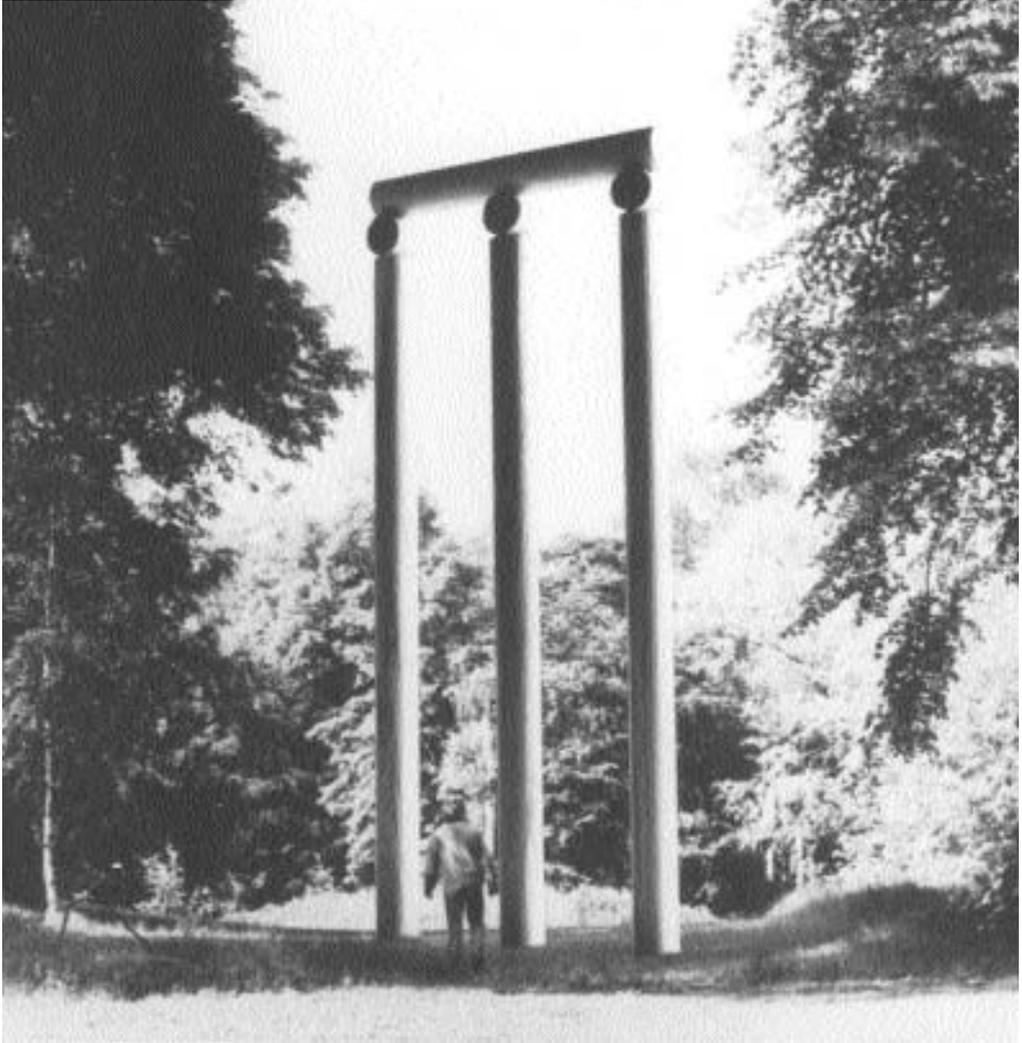
С 60-х годов развивается система высшего образования, что также стимулировало экономическое развитие. А именно — основаны такие учебные заведения, как Каролинский медицинский институт, который стал главным центром медицинского образования в стране (сейчас коллегия из 50 профессоров этого института присуждает нобелевские премии в области медицины), и Королевская высшая техническая школа. В самом содержании образования тоже произошли существенные изменения: помимо традиционной подготовки офицеров и священников, вузы Швеции начинают выпускать инженеров, юристов, врачей и так далее. Среди самых известных предприятий, существующих по сей день, многие были основаны благодаря изобретениям, сделанным сто с лишним лет назад: «Альфа Лаваль», «Агфа», «Эрикссон» и так далее (в частности, компания «Эрикссон» в 1913 году решила перенести свою штаб-квартиру в Петербург, и была основным поставщиком телефонных аппаратов в России). Одновременно происходили крупные капиталовложения в развитие инфраструктуры — телефонной сети и железных дорог.

Однако этот период был непростым. Уровень жизни был низким, особенно в годы неурожая. Четверть населения страны эмигрировала в США из-за тяжелых экономических условий и религиозных преследований со стороны государственной лютеранской церкви. Поэтому нужны были механизмы, компенсирующие неравенство.

С начала XX века происходят значительные социальные изменения. Активизируются так называемые «народные движения» — профсоюзы, политические партии, в том числе социал-демократы, которые стали ведущей реформистской политической силой. Хотя первые социальные реформы в духе Бисмарка проводили консерваторы — под давлением растущего рабочего движения. В 20-х годах после первой войны, в которой Швеция не участвовала, наблюдается экономический подъем. Швеция благополучнее, чем другие западные страны, перенесла мировой экономический кризис 30-х годов. В 1931 году мы провели девальвацию шведской кроны, благодаря чему избежали многих кризисных явлений. Кризис Швецию не обошел, но девальвация укрепила ее конкурентоспособность, и страна вышла из кризиса с меньшими потерями, нежели другие страны.

Помогло шведскому экономическому развитию и то, что страна избежала второй мировой войны. Политика нейтралитета позволяла Швеции поставлять руду как немцам, так и англичанам, и тем самым выжить. У нацистов были планы оккупации, но они не пошли на это, поскольку нуждались в шведской руде и знали, что рудники на севере Швеции в случае агрессии будут взорваны.

С 1945 по 1970 год наблюдаются самые высокие темпы роста экономики и уровня жизни. Успех шведской модели обеспечивался высоким уровнем капиталовложений, включая наращивание инвестиций в «человеческий капитал» — в об-

Ян Майер-Роггес. Двойные ворота. 1983/84

разование населения (расширение и углубление школьной системы, привлечение все большего числа молодежи в вузы). Очень серьезно росла производительность труда. По уровню роста личных накоплений Швеция уступала в то время только Японии. Безработица была низкой. Развивалась социальная сфера — страхование и разные услуги. До 1970 года развитие было равновесным — и государственный бюджет, и текущие операции за границей были сбалансированы, уровень инфляции невысок. Мы соблюдали главные критерии сбалансированного роста, и это был самый благополучный период в развитии Швеции.

В 70-х годах ситуация изменилась. Темпы роста ВВП на душу населения стали значительно ниже, чем в других западноевропейских странах, не говоря уже о Японии и США. Появился бюджетный дефицит, высокими темпами росла инфляция, правительство пошло на несколько девальваций. В результате Швеция опустилась со второго места в мире по ВВП на душу населения до 17–18 места. Главная причина такого развития в переходе людей в общественный

сектор и разрастании социальных льгот. Экономические ресурсы все больше вытягивались в сектор, который мало повышает ВВП, что приводило к замедлению роста жизненного уровня.

В начале 90-х годов Швеция оказалась в глубоком кризисе. В 1990–1993 годах ВВП Швеции снизился на 6 процентов — притом, что потенциал экономики должен был давать 2 процента прироста в год. Вместо того, чтобы за три года вырасти на 6 процентов, ВВП Швеции сократился на столько же. То есть образовался разрыв между спросом и предложением примерно в 12 процентов. Это привело к значительному росту безработицы. Если в 60-е годы ее уровень был ниже, чем в США и Европе, то в 80-х годах Швеция сравнялась с ними, так как при высокой инфляции политики продолжали расширять социальные программы, не имея достаточных источников финансирования. И страна стала терять конкурентоспособность, соответственно уменьшилась прибыльность промышленности, сократились рабочие места.

Государственный долг Швеции также вырос, и возник вопрос о финансовой устойчивости шведского государства. То есть в этих условиях не было другого выхода, кроме изменения экономической политики для восстановления бюджетного баланса, достижения профицита во внешнеэкономических отношениях, снижения инфляции до уровня других стран. И нам удалось этого достичь, преодолев негативную тенденцию за счет ввода в производство неиспользованного потенциала экономики. Движущей силой экономического роста стали крупные корпорации. Большую роль сыграл значительный образовательный и научный потенциал. Государство стало несколько экономнее. В результате в 90-е годы стал наблюдаться довольно хороший темп прироста: 4 процента ежегодно.

Существенно, что высокий уровень налогов не оказался для Швеции катастрофическим. Швеция среди западных стран занимает одно из первых мест в распределении доходов в обществе. При этом государство играет значительную роль в их перераспределении — как и в других скандинавских странах. У этого есть исторические причины, коренящиеся еще в укладе жизни викингов и в протестантской культуре. К тому же, высокий уровень налогов и социальных выплат не лишает население стимулов для накопления, поскольку от уровня зарплаты зависит и уровень социальных выплат — в частности, размер пенсии.

Но экономическая модель страны, тем не менее, уязвима, и причина этой уязвимости в том, что шведская экономика, как никакая другая, развивается за счет крупных предприятий. Ни в одной другой экономически развитой стране нет такого количества концернов, как в Швеции. Именно они обеспечивают устойчивость экономики. За последние десять лет в условиях глобализации одни шведские концерны «уходят» за рубеж, тогда как другие напротив поглощают зарубежные компании. И, в общем, это нормальный процесс. Что не нормально, так это сложности, создаваемые в Швеции для наиболее динамичных капиталистов. Не случайно такие крупные предприниматели, как владельцы компаний «ИКЕА» и «Тетра-Пак», из-за высоких налогов живут за границей. Проблема также в том, что высокие налоги тормозят развитие средних предприятий, которые могли бы динамично заполнять вакуум, возникающий в кризисных ситуациях для крупных концернов. В Швеции много крупных предприятий и довольно развитый малый бизнес, тогда как средний почти отсутствует. Структура шведской экономики напоминает рюмку с очень тонкой ножкой. На мой взгляд, это весьма нестабильная структура.

Развитие телевизионного бизнеса в России

Телевизионный рынок в современной России включает три сектора. Первый – государственные каналы (ОРТ, РТР и в гораздо меньшем объеме канал «Культура»). Его зрительская аудитория составляет 49 процентов. Второй сектор – региональное телевидение: всего 16 процентов. При этом в региональных телекомпаниях, которые работают в партнерстве с сетевыми вещателями, например, с ТНТ, есть доля сетевого эфира. И, наконец, третий сектор – частные каналы, на них приходится 35 процентов зрителей. То есть, судя по аудитории, государство контролирует половину телевизионного рынка.

Если же говорить не об аудитории, а о финансах, то объем национального телевизионного рынка в 2002 году составил 750 миллионов долларов, из них 65 процентов находилось в распоряжении государственных каналов. На все остальные каналы, включая региональные, остается 35 процентов.

Что же мешает негосударственным каналам развиваться, быть интереснее и забирать долю телезрителей у государственных каналов?

В 2001 году весь рынок национальной телерекламы, не считая региональной, составил 410 миллионов долларов. Тогда как совокупные затраты телекомпаний составили 530 миллионов долларов. То есть телевидение слишком дорого. Совокупные убытки «телевещателей» очевидны. Встает вопрос: можно ли сделать телевидение дешевле? Наши коллеги с государственных каналов утверждают, что российское телевидение и так слишком дешево, но я думаю иначе. Учитывая, что с советских времен среднее количество часов, которое зритель тратит на просмотр телевидения, не увеличилось (а если и увеличилось, то не намного). В СССР, когда было два канала, по которым показывали не очень интересные вещи, и сейчас, когда зритель может смотреть восемь-девять каналов, среднее время просмотра одинаково. Для зрителя – это форма досуга, и он тратит на просмотр телевидения чуть больше трех часов в день. Таким образом, уровень «телесмотрения» практически не зависит от стоимости и качества эфирного наполнения.

*Роман Петренко,
Генеральный директор
компании «ТНТ-телесет»*

Когда исчез канал ТВ-6, зритель не стал меньше смотреть телевизор — он стал смотреть каналы, которые были доступны. К тому же, государственные каналы сильно подстегивают рост цен на программное наполнение. Цены на программное наполнение — кинофильмы или программы собственного производства — в большой степени определяются спросом на эти программы. На такую категорию программного наполнения, как американские блокбастеры, то есть на самое высокобюджетное, самое свежее американское кино, цены за последние три года увеличились в несколько раз. Например, средняя цена таких фильмов, как «Титаник» или «Армагеддон» составляет порядка 250 тысяч долларов за два показа. Следовательно, проблема в том, что в области телевидения не работает главная формула бизнеса: доход равен расходу минус прибыль. Максимальный объем денег, которые любая компания, в том числе и телевизионная, может себе позволить потратить, должен быть равен получаемому доходу, минус целевая прибыль. На телевизионном же рынке денег расходуется гораздо больше, чем зарабатывается.

Формула сегодняшнего телевизионного рынка выглядит следующим образом: расход равен тому, что компания зарабатывает, минус то, что она хочет получить в виде прибыли. Убираем из этой формулы целевую прибыль, добавляем субсидии и льготы, и получаем: на рынке расходуется все, что зарабатывается, плюс все субсидии и льготы. Из этого я могу сделать только один вывод, что российское телевидение сегодня — это субсидируемая монополия. Или, точнее, олигополия, так как государство полностью не владеет СМИ. И, на первый взгляд, негосударственных каналов намного больше, чем государственных. Но государство при этом все равно доминирует, получая 50 процентов всей национальной аудитории и больше половины рынка из-за того, что на нем созданы нерыночные условия.

Все мы, так или иначе, задумывались, почему в нашей стране не складывается нормальная рыночная экономика. Известная консалтинговая кампания «МакКинси» — номер один в мире — также пыталась ответить на этот вопрос, когда примерно два года назад провела бесплатное исследование 17 российских отраслей, основываясь на таком критерии благосостояния страны, как ВВП на душу населения. Он вычисляется по формуле: занятость, умноженная на производительность труда. Для «МакКинси» производительность труда — главный показатель здоровья экономики. В итоге самой эффективной в России оказалась отрасль компьютерных технологий, в которой производительность труда составляла всего 40 (!) процентов американской. И эксперты «МакКинси» попытались выяснить причину такого отставания. В мире экономика развивается следующим образом: слабые компании исчезают или сливаются с более сильными. В России же этот естественный отбор, который толкает экономику западных стран вперед, не работает. Поскольку неэффективные предприятия часто используют в целях выживания неэкономические инструменты (взятки, административный ресурс, получение льгот и субсидий).

Главная проблема России, по версии «МакКинси», это неравные условия хозяйствования. У нас не созданы рыночные механизмы. И телевидение — один из самых ярких примеров того, как эти неравные условия препятствуют развитию отрасли. Ибо отсутствуют экономические мотивы конкуренции. Экономические мотивы не могут появиться, когда деньги возникают благодаря доступу к неэкономическим ресурсам. Причем, не обязательно в виде прямых вливаний, это и льготные кредиты, и кредиты, которые можно не отдавать, и т.п. Иначе говоря, неравные условия — это в том числе и косвенные субсидии под гарантию государства в виде льготных тарифов, эксклюзивного доступа к каналам связи и т.д.

Безусловно, Россия в этом отношении не уникальная страна. Во многих странах, кроме Америки, тоже есть государственное телевидение. Но государственные каналы лишаются при этом определенных рыночных прав. Они не могут полномасштабно участвовать в рекламном рынке. Ведь телевидение — это, прежде всего, «рекламоноситель», который живет на доходы от рекламы.

Именно неравные условия и субсидируемая олигополия сдерживают развитие российского телевидения, не позволяя ему стать финансово независимым. И происходит это, как всегда, из благих намерений. Поскольку постоянно возникает нечто, с чем начинают бороться, несмотря на заявления о демократических свободах, путем ограничения свободы. Отчасти это связано с тем, что предшествующая история телевидения была связана с пропагандой, а не с бизнесом и свободой слова. Когда ни власть, ни общество не видели другой функции телевидения, кроме пропагандистской. Поэтому и продолжают с помощью телевидения бороться, например, с олигархией. Ведь это не выдуманная проблема. Как и борьба с местным произволом — тоже не выдуманная проблема, она существует. Есть регионы, в которых криминалитет может узурпировать власть, опираясь на СМИ. Все это реальные проблемы, но попытки их решения, так или иначе, приводят к ограничению демократических свобод.

Или еще одно благое намерение — поддержка общественно-полезных телепрограмм. Власть говорит, что на телевидении недостаточно детских программ, недостаточно культурных программ и подобных им. А бюджет телекомпании — это карман, из которого можно взять деньги и потратить их, например, на американское кино. То есть, если один канал получает деньги, то это еще не значит, что они пойдут именно на детские или культурные программы. У госу-

дарственных телеканалов есть льготы, но нет обязательств перед обществом.

Нашему же каналу ничего не остается, как пытаться быть умнее, чем другие, и выдумывать что-то новое. До появления частно-

Между тем, главный критерий успешности телевизионного бизнеса — это собираемая доля аудитории

го телевидения зрители часто говорили, что есть федеральные каналы и есть другие, неполноценные. Затем на СТС, где я работал, была придумана концепция развлекательного телевидения, и зритель перестал делить каналы на полноценные и неполноценные. Сейчас перед ТНТ стоит задача найти свою нишу внутри уже существующего развлекательного телевидения.

Законы рынка примитивно просты. Когда равные условия, побеждает наиболее эффективное телевидение в контексте сегодняшнего дня. Как только возникает государственное вмешательство, начинаются искажения. Между тем, уже известно, что главный критерий успешности телевизионного бизнеса — это собираемая доля аудитории. Доля аудитории равна доле денег на рынке. Бизнес существует для того, чтобы делать деньги, поэтому мы стараемся понравиться нашей аудитории. Если нас смотрят, мы зарабатываем деньги и делаем телевидение лучше. Телевидение вообще самый демократичный бизнес. В этом году 750 миллионов долларов были распределены национальными рекламодателями между каналами в зависимости от их рейтинга. То есть, люди покупают рейтинг. Телевидение может быть не рыночным, но это редкие исключения. Мне, например, нравится телеканал «Культура», который занимается социально благим делом, но он не является субъектом рынка. Если же мы находимся на рынке, то давайте жить по рыночным законам. Если рынка нет, тогда нет и демократического государства.

*Кристофер Коукер,
профессор Лондонской школы
экономики и политики*

Либеральная идея и глобализация

Прежде, чем говорить о глобализации и либеральной идее, надо разобраться в том, что такое глобализация и либеральная идея. Начну с глобализации.

Сам этот термин представляет собой соединение двух слов: «глобальность» и «глобализм». Это — реальность, определяющая международную политику.

«Глобальность» означает понимание мира, как единого пространства. Впервые мир стал глобальным в XIX веке, о чем свидетельствует появление в ту эпоху таких словосочетаний как «мировая политика», «мировая экономика», «мировая торговля», «мировая держава», «мировой порядок» и — самое амбициозное из них — «мировая история». Согласно Марксу, мировая история началась в начале XIX века, когда произошло глобальное разделение на производителей и потребителей, и когда деятельность предпринимателей, посредством глобальной кооперации, впервые приобрела всемирно-историческую роль.

Но мировая история включает не только экономику, у нее есть также политическое измерение, породившее мировые войны, Лигу наций, ООН и все остальное, что описывается термином «глобальность». Таким образом, глобальность — это не проект и не политическая инициатива, а исторический процесс, в результате которого национальные государства меняют свои очертания, хотя сами по себе они остаются по-прежнему основной политической единицей.

И Маркс сделал еще одно открытие: глобальный мир не имеет сознательной мотивации. Он был первым мыслителем, утверждавшим, что технологическое развитие способно разрушать уклад жизни целых народов, находящихся за тысячи километров от Европы. И происходит это не по чьему-то желанию, а в результате развития мирового рынка, что в свою очередь приводит к росту населения в мире, страдающего от непреднамеренного воздействия извне. Это открытие произвело двойную революцию в понимании политики.

Еще с конца XVIII века в европейской культуре стало распространяться убеждение, что все люди равны. Это понимание утвердилось во время Французской революции в «Декларации прав человека и гражданина». Отныне любое правительство, которое преследовало, изолировало или

карало кого-либо, заведомо осуждалось, поскольку отказывало человеку в принадлежности к человеческому роду, видя в нем классового или расового врага. Даже либеральное общество включилось в эти игры, считая туземные народы отсталыми, безнадежными, дикими и действительно не участвующими в мировой истории. Это породило в политологии концепцию «объективной преступности». Когда люди сами по себе не были преступниками и не совершали преступлений против общества, но они были *объективно* виновны в том, что являлись евреями, буржуа, кулаками и т.д.

Эта идея XIX века все еще жива. Усама бен Ладен в своей «фетве» против США в 1998 году объявил, что все американцы виновны, и за преступления Соединенных Штатов отвечает весь американский народ. А до этого был холокост, сталинизм, Камбоджа, что и вызвало к жизни новую глобалистскую философию «гуманитаризма», основанную на вере в то, что величайшее из преступлений — это преступление против человечности, и не может существовать никакой «объективной преступности».

Я считаю, что гуманитаризм — это и есть либеральная идея XXI века, что подводит нас к глобализации, соединяющей оба феномена, глобальность и глобализм. Глобализация — процесс, включающий в себя два ключевых аспекта. Во-первых, это растущая рыночная интеграция мира; во-вторых, чувство причастности к единому мировому сообществу, формирование глобального гражданского общества, выражающееся в существовании 75 тысяч неправительственных организаций — в основном, групп гражданского действия — из которых 40 тысяч официально зарегистрированы при ООН.

Возникает вопрос: является ли глобализация воплощением либеральной идеи? Является ли либеральная идея глобальной идеологией XXI века, единственным соперником которой остался исламский фундаментализм, направленный как против либерализма, так и против глобализации? Об этом писал, в частности, Фрэнсис Фукуяма в книге «Конец истории». Тезис Фукуямы крайне прост: в борьбе идеологий XX века — фашизма, марксизма и либерализма — либерализм одержал триумфальную победу, и теперь это единственная господствующая идея. Так как все течения, старавшиеся изменить мир нелиберальными средствами, путем войны или революции, дискредитированы. Единственный путь изменений, признаваемый людьми правомерным, это мирная эволюция. Либерализм стал единственной идеей, поскольку он является идеологией современности, и не разделяют его только несовременные люди — исламские фундаменталисты.

На мой взгляд, от идеи «конца истории» стоит отличать идею «конца идеологии». Она появилась на свет гораздо раньше, в 1961 году, когда американский политолог из Колумбийского университета Дэниел Белл опубликовал книгу «Конец идеологии». По мнению Белла в 1789 году произошел великий исторический перелом, связанный с Французской революцией. Заговорили о нем еще в XVII веке, но своего пика он достиг во время революции. Именно тогда произошел переход от языка религии к языку политики, а точнее — к политической идеологии.

Однако, признавал Белл, 1789 год не уничтожил религию, преобразовав ее в политические формы. Действительно, Французская революция была, прежде всего, религиозным феноменом. Не случайно знаменитый политический аналитик XIX века Алексис де Токвиль сравнивал революцию с религиозным возрождением и называл ее новой разновидностью религии. Ее движущей силой было изменение отношения к Богу и замещение Бога человеком. Между тем, как и религии прошлого, новая религия требовала жертвоприношений и на-

казания еретиков. Поэтому еретиков не только выбрасывали из общества, как это делала в свое время средневековая церковь, но и казнили. Началось это с исхода французской аристократии из страны в начале революции и кончилось террором. И мы знаем, что жертвы XX века — буржуазия, кулаки, евреи — тоже уничтожались за ересь, за неверие.

К сожалению, XX век не ушел от существовавшей традиции. После первой мировой войны появилось новое религиозное движение, называвшееся фашизмом, и действовавшее во имя возрождения и спасения нации. И Гитлер, и Сталин в последние годы пребывания у власти превратились в буквальном смысле слова в божества. По своей сути нацизм, как и сталинизм, несомненно, были разновидностью мессианской религии.

То есть я хочу сказать, что когда Белл говорил о конце идеологии, он имел в виду идеологию вполне определенного типа, рассматривавшую политику, как религиозное возрождение. Такими он считал все идеологии, включая либеральную. Но так ли это? В каком смысле либерализм является религией? В действительности, его великая сила в том, что он никогда не становился религией, хотя временами приближался к этому. Один из самых очевидных примеров — США 1950-х годов и политический феномен маккартизма. Когда «Комиссия по антиамериканской деятельности» преследовала людей не только за то, что они вели себя не как подобает американцам, но и за неамериканский образ мысли. И, казалось, что Америка тоже склоняется к «изму» — фанатичному вероисповеданию. И, тем не менее, этого не произошло. Не говоря уже о том, что в эти же годы при Хрущеве и марксизм утратил свою религиозную составляющую.

Во время своего знаменитого визита в США в 1959 году Хрущев бросил, как известно, вызов Америке в идеологической битве XX века: «Мы вас закопаем». При этом имелись в виду не бомбы, поскольку он понимал, что война уже перестала быть средством победы одной идеологии над другой. А «закопаем» экономически, так как ему внушили, что к 1970 году СССР сравняется с США по уровню ВВП, а к 1980 опередит Америку в полтора раза. Битва за сердца и умы людей должна была быть выиграна на рынке.

Сегодня говорят, что глобализация имеет отношение не к либеральной идее, а лишь к рыночным принципам. Что бороться за сердца и умы людей — значит, бороться, прежде всего, за жизненные стандарты и качество жизни. Действительно, люди выходили на улицы Лейпцига и Праги, скорее всего, не потому, что начитались Джона Стюарта Милля или Бентама и вдохновились либеральными идеями, но благодаря западногерманскому телевидению и голливудским фильмам, которые показывали жизненные стандарты и качество жизни, какие коммунистическая система была не в состоянии обеспечить.

Часто приводится и такой аргумент: на наших глазах происходит переход не от религии к идеологии, а от политики к рынку. Однако этот аргумент я не могу принять, хотя согласен, что многие политики сейчас используют язык рынка для собственной легитимации. Даже Дэн Сяопин, как известно, заявлял, что китайские коммунисты больше заботятся о потреблении, а не о производстве.

Все это подводит нас к тому, что Дэниел Белл в другой своей книге назвал «постиндустриальной эрой». Индустриальную эру характеризовало производство, а в постиндустриальную его место заняло потребление, которое привело к трансформации капитализма. Когда постоянные рабочие места перестали быть главным источником ценности, выгоды и даже социальной идентичности. Теперь капитал идет туда, где рабочая сила дешевле, налоги ниже, на

Кристо. Упакованный берег. Маленькая бухта, Австралия. 1969

производстве больше заняты женщины, чем мужчины (поскольку женский труд дешевле) и так далее. Ввиду того, что производство уступило место менее материальным сферам получения богатства — таким, как контроль над интеллектуальной собственностью, предоставление услуг, не говоря уже о финансовых операциях (в настоящее время примерно 300 миллиардов долларов обращается на международном финансовом рынке).

И, тем не менее, я не думаю, что постиндустриальный век ликвидировал политику, он лишь переформулировал ее в терминах рынка. Сейчас даже церковь использует рыночные идиомы. Сошлюсь в этой связи на пример растущего влияния в Латинской Америке «Всеобщей Церкви Царства Божия» (протестантского евангелического движения). У этой церкви есть свой web-сайт и телевизионная сеть, она спонсирует рок-группы, продюсирует мыльные оперы, предоставляет выгодные кредиты тем, кто верует во Христа и отвергает дьявола. Это вложения не в того Иисуса, который спасает, но в Иисуса, приносящего дивиденды за веру. Именно на этом настаивает церковная пропаганда: вера в Христа приносит дивиденды.

В Соединенных Штатах тоже есть церковь — в Кембридже, штат Массачусетс, которая называется «Иисусов банк с неограниченными ресурсами». Она распространяет незаполненные чеки, в которые каждый может вписать сумму пожертвования в знак веры. На мой взгляд, это яркий пример того, как язык политики становится языком рынка благодаря глобализации.

Но есть и плохая новость для тех, кто приветствует такое будущее. Боюсь, что конец истории вовсе не обязательно означает триумф либерализма, а конец идеологии еще не наступил. Мы еще не осознали, что идеология — исторический термин. Это французское слово вошло в оборот в самом начале XIX века. Другие термины, появившиеся в середине XVIII — начале XIX века («общество», «интеллектуал», «экономика»), также используются до сих пор. Но я хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Мы можем говорить о древнеримской идеологии, об обществе античных Афин, о роли интеллектуалов в средневековой Европе. Но не вправе говорить об идеологии римской аристократии, афинских граждан или средневековых клириков, поскольку идеология — современный феномен. Идеология — это комплекс идей, мобилизующих людей на изменение их внешнего окружения, а концепция таких изменений — сугубо современная вещь. То есть современность есть нечто большее, чем просто наука, технологии или революционные изменения. Это — великая пророческая вера в возможность изменить самих себя и тем самым свою жизнь.

Различие между нынешними идеологиями и идеологиями XX века в том, что в XX веке стремились изменить, прежде всего, природу человека. Недаром Сталин называл марксистов «инженерами человеческих душ». Одна из причин победы языка рынка состоит в том, что было отвергнуто исторически сложившееся понимание идеологии, как способа изменения природы человека путем политических действий.

Кроме того, идеологии XX века излагались в парадигме будущего времени. Все оправдывалось, если помогало быстрее достичь будущего. Сегодня политика излагается в парадигме настоящего времени. Это и есть, на мой взгляд, гуманизм — великая идея XXI века. Гуманизм — либерален; он черпает вдохновение в христианском гуманизме, лежащем в основе западного либерализма, хотя временами он бывает и нелиберален. Об этом не следует забывать.

В чем заключается идеология гуманизма? Она характеризуется пониманием человека, как богоподобного существа. В век европейского Просвещения Бог обрел человечность. Великий философ Иммануил Кант считал Христа моральным воплощением гуманизма, рассматривая человека как цель, а не средство. Но мы видели, что в XX веке все пошло иначе.

Сегодня у нас осталась лишь одна вещь, которую можно назвать самой ценной — человеческое тело. Все идущие на современном Западе дискуссии, так или иначе, затрагивают проблему «святости» человеческого тела: споры об абортах, об искусственном осеменении, о клонировании, о трансплантации органов, о генетических манипуляциях. Все это о том, что можно делать с телом, как его уберечь от увечий, болезней, боли. Политика на Западе стала методом охраны здоровья.

В одном английском журнале сравнительно недавно была опубликована статья о Владимире Путине под названием «Влад Могучий». В ней говорится, что Путин, при всех его успехах, за время пребывания у власти ничего не смог сделать с проблемой сокращения продолжительности жизни мужского населения в России. Сейчас она в среднем равняется 57 годам, а 15 лет назад достигала 64-х. Любой западный лидер, допустивший такой ущерб здоровью людей, наверняка лишился бы своего поста.

Эта новая тенденция связана, в том числе и с полной эмансипацией женщин, которой они достигли, получив право контролировать собственное тело. В конце XX века Запад пришел к сокращению детской смертности, нашел

средства от преждевременной старости. При этом важно, что, обсуждая все названные проблемы, мы обращаемся к самим себе. Это не отказ от религии, а возвращение к концепции «святости» и к тому, что должно быть свято. Это в высшей степени духовное, а не материалистическое устремление. Чем и объясняется рост сочувственного интереса к людям, по культурным, историческим и географическим причинам выключенным из этого процесса. Поэтому так много людей, объединяющихся в негосударственные организации — это те самые 75 тысяч, которые пытаются улучшить условия человеческой жизни. Причем, как говорил Ричард Пайпс, это проект, который осуществляется не

*Политика не может исчезнуть,
пока люди продолжают соперничать,
навязывая и предлагая свой образ жизни,
ценности, нормы поведения.
Экономическая глобализация
сама по себе не фатальна*

сверху, а снизу, и на который правительства часто не успевают отреагировать. Это и есть гуманизм, являющийся, на мой взгляд, великой либеральной идеей и осуществляемый посредством глобализации.

Но мои выводы носят скорее пессимистический, чем оптимистический характер. Пессимистом меня делают два обстоятельства: апатия общественности и апатия политиков. Причем оба они вызваны опять же глобализацией. Апатия общественности проявляется в сокращении на Западе числа людей, участвующих в выборах: например, в Европе число голосующих граждан постоянно сокращается в течение последних 25 лет. У этого явления много объяснений, я же предпочитаю следующее. Говоря на языке рынка, демократию мыслят обычно, как продукт, который можно купить, и на том остановиться. Но демократия — не продукт, а процесс, включающий постоянную, бесконечную демократизацию.

Приведу характерный пример. В начале 1960-х годов в Европе началось принятие законов против насилия в частной жизни. Защита от государственного насилия была великой законодательной инициативой XIX — начала XX веков, но мы долго не обращали внимания на насилие в тюрьмах, в школах, в семьях. Например, до 1964 года в Британии не было запрещено «семейное изнасилование»; мужчина имел полное право насилловать свою жену. О жестоким обращении с детьми также вообще не говорили. Именно концепция демократизации в действии объясняет те масштабные социальные реформы, что осуществлялись в Западной Европе в 60-х — начале 70-х годов. А сегодня я не могу назвать ни одной большой инициативы, которая объединяла бы граждан либеральных стран. И причина этого в апатии политиков, чье главное алиби сводится к тому, что им нечего делать в век глобализирующегося рынка.

При этом идеологи утверждают, что крушение коммунизма и окончательная победа капитализма привели к тому, что для больших дискуссий больше нет места. Что любую проблему можно решить другими средствами. Экономические детерминисты говорят: самым важным вопросом для правительств остается управление экономикой. И лучше всего, чтобы этим занимались менеджеры, а не политики. Культурные детерминисты заявляют: все это неважно, поскольку глобализация ведет к унификации и американизации. Поэтому традиция не имеет значения, история не имеет значения, идентичность не

имеет значения. Все мы к концу XXI века будем одинаковыми, похожими друг на друга.

Все это сбивает с толку и создает ложную картину. Политика не может исчезнуть, пока люди продолжают соперничать, навязывая и предлагая свой образ жизни, ценности, нормы поведения. Экономическая глобализация сама по себе не фатальна, но она может быть остановлена и даже обращена вспять. Так уже было в 1930 годах, когда существовал открытый мировой рынок, разрушенный второй мировой войной.

Новое время пережило две либеральные эпохи. Первая началась в XIX веке и, к сожалению, натолкнулась на сопротивление антилиберальных идей — марксизма и фашизма.

В наши дни антилиберальную политику проводят антиглобалистские движения. Глобальный терроризм вновь порождает идеологические конфликты и ведет к войне. Но одновременно мы являемся свидетелями совсем другой повестки дня, другого проекта, в котором участвуют уже не только государства, но и негосударственные акторы.

Не исключено, что вторая эра либерализма также завершится войной; возможно, она тоже породит не менее опасные антилиберальные идеи, хотя я сомневаюсь в этом. Мне кажется, что настоящая угроза либерализму не в соблазне идеями, а в отсутствии идей. Люди, придумавшие марксизм и фашизм, были по-своему выдающимися интеллектуалами. Сегодня у нас нет интеллектуалов — есть знаменитости, чьи идеи сводятся к звучным речам, солидным заявлениям, мимолетным книгам, живущим не более полугода, если повезет, телевыступлениям и тому подобному.

Всякая политика неизбежно основывается на мифах. И нам нужны мифы, чтобы мобилизоваться. В свое время Макс Вебер писал, что существует два типа мифов: «зачаровывающие» и «разочаровывающие». Проблема современного мира, скорее, в «разочарованности» людей, отказавшихся от мифов, заменивших их наукой, экономическим рационализмом, математическим расчетом, законами исторического детерминизма, и, тем самым, обеднивших богатство человеческого существования.

При этом речь идет, разумеется, о мифах и символах, способных порождать великие образы, а не о политической магии.

Либеральный проект сегодня в опасности. Уинстон Черчилль в своих выступлениях в 1930-е годы часто повторял, что людям необходимо защищать ценности цивилизации от «варварских и атактистических сил». Имея в виду не только тоталитаризм середины XX века, а любых варваров, кем бы они ни были. Кто современные варвары, мы хорошо знаем, поскольку видели их 11 сентября. Существуют атактистические и варварские силы, полностью посвятившие себя атакам на либеральную идею. И, если мы чувствуем необходимость защищать эту идею, нам нужно то, что Черчилль называл «гражданской добродетелью» и «мужской отвагой» (правда, сейчас многие говорят, что у Америки много отваги, но мало добродетели, а у Европы в достатке добродетели, но совсем нет отваги)...

Мы, конечно, не можем преодолеть все опасности и проблемы, которые несет с собой глобализация. Но мы можем и обязаны минимизировать ее негативные последствия. Это и есть политика.

Судьба либерализма в XXI веке

Говоря о судьбе либерализма, я буду следовать двум мудрым высказываниям. Одно из них принадлежит Нильсу Бору, создателю квантовой теории. Он как-то сказал: «Прогнозы — трудное дело, особенно, когда они относятся к будущему». И вторая мудрость, которая мне очень нравится: «Пророк — это тот, кто завтра будет точно знать, почему то, что он обещал вчера, сегодня не сбылось».

Поэтому я не буду рисовать впечатляющее полотно, состоящее из пророчеств.

Отгалкиваясь от того, что было сказано Ричардом Пайпсом, постараемся сначала ответить на вопрос, что такое либерализм.

На мой взгляд, самое убедительное и точное определение либерализма, — оно напечатано на обложке «Общей тетради» — дал Иммануил Кант. «Просвещение, — писал он, отвечая на сходный вопрос, — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он оказался по собственной вине».

В своей книге «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль признавался, что он всегда был бы за свободу, но «в наше время склонен молиться» за нее. Я полностью с ним согласен. Но являюсь ли я *поэтому* либералом? Ведь в течение многих лет я состою членом Христианского демократического союза Германии (ХДС), партии, в которой соединились социальная, либеральная и консервативная традиции. Либералами же в Германии называют себя, как правило, члены и сторонники Свободной демократической партии (СВДП). Это небольшая партия, которая ближе к ХДС, чем к Социал-демократической партии Германии. И поскольку я не член СВДП, то, очевидно, не являюсь либералом. Или — всё-таки являюсь?

Эта ситуация становится ещё более запутанной, если мы посмотрим на то, как слово «либеральный» употребляется в других странах. Например, в России есть Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского. Но представление ее членов о либерализме, похоже, очень сильно отличается от того, как его понимают в Германии, а в США термин «либеральный» часто употребляется в связи с политическими воззрениями, которые в европейских

Михаэль Мертес,
Кампания
«Dimap Consult GmbH»

странах воспринимаются как социал-демократические. Если же американец заявляет, что он консерватор, значит, он ратует за либерализм в сфере экономики. И поэтому, собственно, некоторые европейские консерваторы отвергают такую позицию, считая, что импорт голливудских фильмов и кока-колы подрывает культурную самобытность их стран.

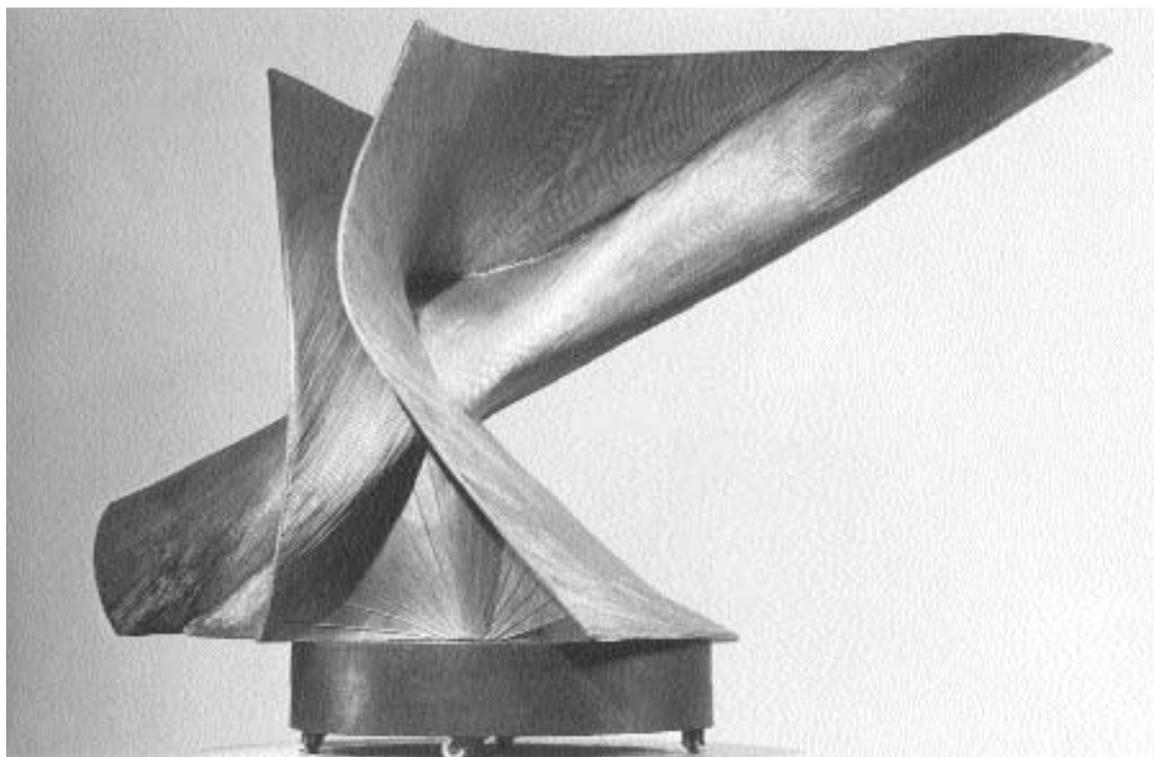
И еще один пример, показывающий, насколько не простая это проблема. В последние годы в Западной Европе появилось несколько крайне правых партий, ставящих своей целью борьбу против засилья «эмигрантов». Электорату же они подают себя в качестве защитников либерализма, выступающих против консервативных религиозных течений, приверженцами одного из которых являются эмигранты-мусульмане. Из чего можно заключить, что спор вокруг понятий в данном случае не имеет смысла, важна их суть. Поэтому я предлагаю следующее определение либерализма: для либерала свобода — наивысшая политическая цель. Суть либерализма именно в свободе. Хотя из этого вовсе не следует, что она не может быть ограничена. Но в таком случае ограничение свободы должно быть ясно доказано.

Сошлюсь в этой связи на великого либерала из Великобритании Джона Стюарта Милля. Бремя доказательства, говорил он, лежит на тех, кто против свободы. Те, кто выступают за ограничения и запреты, должны доказывать их необходимость, ибо «существует презумпция свободы». А раз так, следовательно, во «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года и в других международных документах, не случайно зафиксирован вполне определенный консенсус либеральных ценностей, которым должны быть привержены все политические силы, начиная от правых и кончая левыми. А иначе либерализм XIX века следовало бы называть левым либерализмом, поскольку либералы в то время выступали против насилия и ав-

торитаризма. Тогда как сегодня либералы являются, скорее, правыми, хотя статус quo большинства стран характеризуется тем же самым консенсусом. Как об этом говорится, например, в «Международном пакте о гражданских и политических правах» 1966 года, где в статье 5 записано: «Не может быть свободы, позволяющей подавлять свободу».

Второй вопрос, который для нас важен после того, как мы рассмотрели проблему терминологии, связан с отношением между либерализмом и неолиберализмом.

В странах свободной демократии термин «либеральный», как правило, имеет положительную коннотацию, он соотносится с такими ценностями как толерантность, открытость к миру и так далее. Слово же «неолиберальный» воспринимается негативно и нередко ассоциируется с тем злом, что порождает глобализация, о которой говорил Кристофер Коукер. Я же я хочу сказать в этой связи, что неолиберализм явно претендует на то, чтобы быть чем-то большим, чем просто экономическая теория, когда его сторонники заявляют, что он открывает широкие возможности для реализации гражданами принципа личной ответственности. Но так как идея либерализма очень амбициозна, то его часто рассматривают как альтернативу существующим проектам устройства общества, основанным на социал-демократических и консервативных идеях. При этом социал-демократы критикуют неолибералов за то, что они подрывают государство всеобщего благосостояния, а консерваторы — за разрушение государства, построенного на ценностях культуры. Между тем, неолиберализм — не такое уж новое течение, как это может показаться на первый взгляд. Если мы вспомним, что еще в 1930-е годы появилась группа ученых во главе с Фридрихом фон Хайеком — известным экономистом и политологом, которые, защищая рыночную экономику, боролись с мракобесием тоталитарных идеологий, опираясь на идеи Ренессанса и Просвещения. Однако сторонники кейнси-

Антон Певзнер. Модель для строительства «мира». 1946

анства одержали тогда победу, и их учение господствовало в экономике до конца 70-х годов. А неолбералы смогли переломить ситуацию лишь после того, как их идеи взяли на вооружение Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер.

Третий аспект проблемы относится к слову «судьба». Оно фигурирует в названии доклада. Хотя, на мой взгляд, такое словоупотребление не совсем корректно, поскольку основано на детерминизме. Тогда как неотъемлемая черта либерализма – индетерминизм, согласно которому будущее неопределённо, и любые прогнозы по его поводу сомнительны в силу ограниченности нашего знания. Даже самый мудрый человек или самый мощный компьютер не в состоянии учесть все причины того, что может произойти в будущем. Я думаю, что с этим согласится и сторонник детерминизма, хотя и станет при этом утверждать, что ему уже известно, что произойдёт завтра.

Противники же детерминизма утверждают, что наше знание о действительности не только ограничено, но и сама действительность таит в себе много неопределённости, которые принято называть случайностью. И либерал верит, скорее, в комбинацию необходимости и случайности. Кредо или догма детерминиста – нет ничего нового под солнцем. Либерал же считает, что человек творческое существо и может создавать нечто принципиально новое, чего раньше не было. Неужели фрески Микеланджело, симфонии Моцарта, стихи Пушкина – всё это уже существовало в тот момент, когда появилась галактика? Мне это кажется абсурдным. Если бы всё в нашей жизни было предопределено заранее, то не было бы свободы, а была бы иллюзия свободы. И мы действительно были бы тогда марионетками таинственных сил, которые невидимы и дёргают нас за ниточки. Эти силы назывались в разные времена по-разному: во

времена Гомера — олимпийскими богами, во времена Гегеля и Маркса — диалектикой исторического прогресса, а сегодня в разговорной речи мы продолжаем называть их судьбой.

Хотя, разумеется, есть вещи, которых мы не можем избежать, например, смерти. Однако тот факт, что все мы смертны, тоже не является аргументом в пользу детерминизма, скорее, наоборот. Конечность нашего земного существования лишь показывает, что мы не должны вечно откладывать на завтра пользование своей свободой, а должны принимать решения и действовать. Ибо если не сейчас, то когда?

Каждый момент человеческой жизни бесценен — это и есть квинтэссенция гуманизма. Ведь если наша земная жизнь не была бы ограниченной, то мы могли бы расточительно обходиться с тем временем, которое нам отпущено. Как же связаны все эти соображения с будущим либерализма?

Я перехожу, таким образом, к четвертому пункту своего доклада.

Убеждение, что каждая человеческая жизнь имеет ценность, не является универсальным. Есть культуры, и мы их знаем, где земная жизнь человека значит не так уж много. Самый яркий пример этого террористы-камикадзе, которые верят, что настоящая жизнь начинается только после смерти, если они взорвут сами себя и лишат жизни как можно больше людей. Скажу поэтому несколько слов о взаимоотношении религии и политики.

Либерализм, атеизм и агностицизм — это не одно и то же. Либерализм последовательно выступает за отделение церкви от государства, а политики от религии. Государство не должно посягать на души граждан, а церковь на плоть верующих. С моей точки зрения, именно в этом суть либерального секуляризма. Любая религия, признающая такое отделение, в том числе и некоторые формы ислама, безусловно, может мирно сосуществовать с идеями либерализма. Я убежден в этом. И второй пункт в этой связи. Христианская религия вовсе не

предполагает, что земное существование не имеет смысла. Христианин, поскольку он верит в загробную жизнь, обязан прожить земную жизнь наилучшим образом, а не тратить впустую время. И добавлю ещё одно замечание, касающееся термина «мученичество».

Как известно, некоторые мусульмане чтят террористов-камикадзе как мучеников, что не имеет ничего общего с пониманием мученичества в иудео-христианской традиции. Согласно которой мученик всегда является жертвой и никогда — активно действующим лицом. Поэтому, когда идет речь о фанатизме террористов, противостоять ему действительно очень трудно, ибо либеральная демократия имеет один недостаток — она не готова рисковать жизнью людей. Каждый имеет право жертвовать собой ради дела, которое он считает справедливым, говорил Карл Поппер, но никто не имеет права жертвовать другими ради идеала или побуждать их к тому, чтобы они жертвовали собой.

Эта идея нашла своё воплощение на Западе и в области вооружения, в крылатой ракете, поражающей цель самостоятельно, в отличие от террориста, привязывающего взрывчатку к своему телу.

То есть средства, которыми пользуются либеральная демократия и террористы-камикадзе, с этой точки зрения характеризуются фундаментальной асимметрией. С одной стороны, оружие свободной демократии в техническом отношении превосходит оружие террористов, а с другой — террористы имеют преимущество, так как у них нет моральных барьеров, которые бы ограничивали свободу их действий. Эта проблема широко обсуждалась в последнее время в Германии, когда осенью 2002 года во Франкфурте был похищен и убит одиннадцатилетний мальчик. Преступник тогда был арестован, и полиция полагала, что мальчик еще жив. Но чтобы узнать его место нахождения, заместитель начальника полиции города Франкфурта пригрозил преступнику, что в присутствии врача его

будут пытаться. После чего преступник признался, что мальчик мертв. А против заместителя начальника полиции было заведено дело.

Вопрос: можно ли угрожать преступнику применением пытки? И вообще, какие способы применимы в борьбе с терроризмом после 11 сентября. В Америке считают, что применение пыток можно разрешить в тех случаях, когда необходимо предотвратить надвигающуюся катастрофу. То есть имеется в виду, например, следующая исключительная ситуация. Полиция арестовала террориста, который знает местонахождение ядерного заряда, размещенного в большом городе. Один из известных амери-

канских юристов-либералов, который работает в Гарвардском университете, полагает, что в таком случае полиция может применить насилие, чтобы спасти жизнь множества невинных людей.

Для меня лично здесь важен следующий момент. В условиях свободной демократии необходимо всегда добросовестно проверять, не будут ли использованы при этом методы её врагов. В крайних ситуациях, возможно, без этого нельзя обойтись, но опыт показывает, что любое исключение быстро становится распространённым исключением, а из распространённых исключений возникают правила. И, в конце концов, фундамент свободы оказывается поколебленным, поскольку государство само становится государством террора.

Так мы переходим к еще одной проблеме – внутренней стабильности демократий.

Свободная демократия, с исторической точки зрения, довольно молодое явление. Она получила широкое распространение в Западной Европе лишь после второй мировой войны, а в Восточной Европе – после

1989 года. До этого было лишь две страны, имевших перманентную традицию либерализма: Великобритания и США. В XX веке два этих государства внесли решающий

Либерализм не имеет ничего общего с равнодушием, свобода – это не нечто абстрактное, она принимает конкретные формы, благодаря готовности конкретных людей занимать конкретную позицию и в случае необходимости защищать ее, даже при наличии давления со стороны большинства. Самая большая опасность для демократии – не опасность, идущая извне, а опасность, идущая изнутри – конформизм, а точнее говоря, просто трусость

вклад в защиту демократии от её врагов. Исаяе Берлину, английскому философу и самому видному специалисту по истории либерализма, принадлежит следующее наблюдение: приверженцами либерализма являются, как правило, люди, в течение длительного времени проживавшие на определенной территории, где не было войн. Либерализм, по мнению Берлина, является английским изобретением, поскольку Англия долгое время не была объектом агрессии, а народы, которые постоянно становились жертвами погромов и агрессии, неизбежно воспринимали эту идею более скептически.

Свободная демократия после 1945 года смогла укрепиться в Западной Европе благодаря тому, что там воцарился мир, который удалось сохранить, несмотря на холодную войну. Стабильность демократии предполагает наличие либеральной традиции. В Европе и Северной Америке ее характерной чертой в начале был конституционный либерализм, и именно этим они отличались от других стран мира. Это можно

сформулировать и другими словами: власть права возникла там раньше, чем власть народа, и независимые судьи действовали уже тогда, когда еще не было свободных выборов и референдумов. То есть сначала, с юридической точки зрения, возникло правовое государство и только потом — современная демократия. В большинстве случаев мы наблюдаем именно такую тенденцию.

Итак, если возможен либерализм без демократии, то тогда, очевидно, возможна и демократия без либерализма. Термин «нелиберальные демократии» ввёл в западную культуру американский журналист Фарид Закария. В 1997 году он писал, что в странах Средней Азии (речь шла, в частности, о Казахстане и Киргизии) проводятся выборы, и они считаются свободными и справедливыми. Но в результате этих выборов возникают сильная исполнительная власть, слабая представительная власть, слабая судебная власть, и к тому же эти выборы обеспечивают лишь незначительные экономические права граждан.

Если же мы посмотрим на исламский мир за пределами бывшего СССР, начиная с палестинской автономии и кончая Пакистаном, то увидим, что и в этих странах демократия открыла путь теократической политике, в результате которой было прервано развитие традиции толерантности и светскости.

Допустим, что завтра в таких исламских государствах, как Тунис, Марокко, Египет или в некоторых странах Персидского залива прошли бы выборы. Кто пришел бы там к власти? Я думаю, что к власти, несомненно, пришли бы режимы еще менее либеральные, чем те, которые существуют сегодня. Хотя отнюдь не считаю их либеральными. Но большинство всегда ведет себя деспотично, тем более в условиях демократии, подавляющей этнические и религиозные меньшинства.

Либерализм невозможно ввести по указу, говорил Исайя Берлин, либеральная идея должна созреть, и это длительный процесс. И, тем не менее, я оптимист в отношении

либерализма в исламских странах. Приведу в качестве примера Иран, где всё большее число граждан подвергают сегодня сомнению вмешательство авторитарной власти во все сферы своей жизни. Да и население страны в целом уже не монолитно. Это дает основание для надежды. Надежды на то, что в долгосрочной перспективе в странах Персидского залива возможна смена режима, возможен больший плюрализм мнений и большая свобода.

И, наконец, последний пункт, который представляется мне чрезвычайно важным, когда мы говорим о будущем либерализма: либерализм как модус жизни.

Либерализм, как я его понимаю, не имеет ничего общего с равнодушием, свобода — это не нечто абстрактное, она принимает конкретные формы, благодаря готовности конкретных людей занимать конкретную позицию и в случае необходимости защищать ее, даже при наличии давления со стороны большинства. Самая большая опасность для демократии — не опасность, идущая извне, а опасность, идущая изнутри — конформизм, а точнее говоря, просто трусость. Отцы либерализма, начиная с Джона Локка и кончая де Токвилем, постоянно обращали внимание на эту опасность. Страх человека перед тем, что он окажется в изоляции, неизбежно превращается в тиранию общественного мнения. В современной Германии это называют «раскручиванием спирали молчания»: когда спектр мнений, высказываемых публично, сужается, и люди всё в меньшей степени готовы свои мнения высказывать.

Выстоит ли свободная демократия? На мой взгляд, это зависит от того, будем ли мы противостоять давлению, чтобы не стать конформистами. То есть, будет ли у нас достаточно мужества, чтобы защищать свои позиции. Именно в этом я вижу благородную задачу Московской школы политических исследований.

Вокруг Европы: проблемы и варианты

Майкл Эмерсон,
старший научный сотрудник Центра европейских политических исследований
(Брюссель)

«РАСШИРЕННАЯ ЕВРОПА» на нашем жаргоне означает Европейский союз, расширившийся с 15 до 25 членов. Проблема состоит в том, как будут строиться в течение ближайших 10–15 лет отношения этих 25 стран с их соседями. Пограничная зона вокруг Евросоюза включает длинную цепь разнообразных регионов — от Мурманска до Иерусалима, и далее — Северную Африку до Марокко. «Расширенная Европа», на мой взгляд, включает также и это окружение, развитие которого жизненно важно для ЕС. Понятие «жизненная важность» в этом контексте не совпадает с тем, что принято называть «жизненными интересами». «Жизненные интересы» — термин XIX века, вызывающий имперские, гегемонистские коннотации, поэтому я его не использую. «Жизненная важность» — более нейтральное понятие. И для Европы, естественно, важно, небезразлично, что происходит на соседних с ней территориях. Представьте себе, что вы находитесь в Брюсселе, сто-

лице ЕС, и выстраиваете политику в отношении соседних стран. Какие проблемы здесь возникают? Что общего в этих отношениях, при всех различиях, имеющихся, например, между Мурманском и Иерусалимом? Давайте мысленно совершим тур вдоль европейских границ. Начнем с Аландских островов, которые с 1809-го по 1917 год входили в состав Российской империи. После первой мировой войны острова оказались в центре конфликта между Швецией и Финляндией, и решение этого конфликта, как иногда говорят, было единственным полезным делом, которое сделала Лига Наций. Далее — Норвегия, которая входит в Европейскую экономическую зону. Если Россия хочет обсуждать с Европейским союзом вопросы общего экономического пространства, то у нее есть реально действующая модель. Она невелика по размерам, но очень важна, поскольку систематически разработана — это модель отношений ЕС и Норвегии.

Но при этом сохраняется проблема демократической легитимности: Норвегия не входит в Европейский союз, а потому ее законодательство во многих аспектах расходится с европейским.

Третий пункт — Баренцево море. В этом регионе существует огромный потенциал для развития торговых отношений между ЕС и Россией (это связано, прежде всего, с транспортировкой нефти и газа). Значение сотрудничества в этой области в последнее время возросло, так как Европа зависит от нефти Персидского залива, а поставки оттуда стали политически весьма рискованными.

Далее, Балтийское море. Петербург символизирует в этом регионе две стороны проблемы. Во-первых, это крупный промышленный центр, и возникает вопрос — что он может дать Европейскому экономическому пространству? Вопрос о своем месте в этом пространстве столь же важен и для других промышленных центров России. И вторая сторона проблемы — будущее бал-

тийского регионального сотрудничества после приема в ЕС стран Балтии.

Мы движемся дальше и достигаем балтийских стран. В них существует не менее серьезная проблема, связанная с правовым статусом русского населения. Хочу привлечь в этой связи внимание к следующему аспекту европейского законодательства: оно регулирует правовое положение *неграждан* Евросоюза на территории государств ЕС. Им предоставляется право свободного передвижения и работы на всей его территории. Таким образом, у русских жителей, дискриминируемых в странах проживания, появляются новые горизонты.

Калининград. На мой взгляд, проблемы, связанные с шенгенскими визами для жителей этой области сейчас, в общем, решены. И это подводит нас к более фундаментальному вопросу: какой может быть модель развития для региона-анклава? Это фундаментальный вопрос углубления доверия между Евросоюзом и Россией. Углубление доверия означает, что речь должна идти не о присоединении Калининграда, но о создании условий для процветания этого региона. Например, путем придания ему особого статуса; возможно, автономии — выбор статуса остается за Россией. Белоруссия. Евросоюз, как и Россию, очень волнует будущее репрессивного режи-

ма в самом сердце континента. Как быть с ним? В отличие от Украины, которая стучится в двери Европейского союза. Хотя режим Кучмы пока не рассматривается, как достойный доверия, тем не менее, эта страна меняется, и вскоре может быть подписано соглашение, ставящее в качестве долгосрочной цели вступление Украины в ЕС.

Но сказанное относится не только к Украине. Двигаясь вдоль границ, мы встречаемся с таким же желанием других стран. И перед политиками в Брюсселе постоянно встает вопрос, как с ними выстраивать отношения, нацеленные на прогресс интеграции, но не затягивая этот процесс. В частности, на Балканах, к которым мы приближаемся, главная задача — поддержка стремления стран региона к модернизации, которые хотят войти в ЕС, но не могут: отчасти потому, что не соответствуют нормам Евросоюза, отчасти потому, что, расширяясь, ЕС стремится избежать саморазрушения.

Проблема сохранения ЕС после расширения имеет фундаментальное значение. Для решения этой проблемы и был создан Конституционный Конвент Европы. Чтобы Союз, состоящий из 25 стран-членов, мог функционировать, ему нужен гораздо более федералистский метод принятия решений. Надо исключить принятие решений путем

межправительственных переговоров, дестабилизирующих структуру Союза. Когда, с одной стороны, страны ЕС не могут пойти на слишком быструю федерализацию, поскольку она грозит для них утратой легитимности. А с другой стороны, без таких изменений трудно проводить интеграцию новых стран.

Вернемся на Балканы. В ряде балканских стран, таких как Сербия, Черногория и Македония, для разрешения конфликтных ситуаций потребовались конституционные изменения (разделение Югославии на Сербию и Черногорию; преобразование Македонии в федерацию из двух этнических общностей). ЕС участвует в этом процессе, помогая преобразованию этих стран по модели, опробованной в Бельгии, состоящей из трех национальных автономий. Босния и Косово, где проживают враждующие этносы, находятся в настоящее время под международным протекторатом и постепенно двигаются к созданию нормальных политических режимов. Но существует большой вопрос: каков будет их статус после снятия протектората; смогут ли они претендовать на вхождение в ЕС? Учитывая, что в Боснии и Герцеговине этнические конфликты до конца не разрешены, и национальное правительство работает плохо.

Далее, Кипр. Генеральный секретарь ООН в прошлом

Политическая карта Европы начала XXI века

году внес конституционное предложение, согласно которому Кипр должен быть преобразован в федерацию по бельгийской модели. Европа заинтересована

в воссоединении Кипра без дискриминации турок греками. Только так Кипр сможет полноценно интегрироваться в Европу, не оставаясь изолированным

островом в Средиземном море. Важнейшая проблема для ЕС – турецкий вопрос. На мой взгляд, эта проблема не связана с религией, она но-

сит сугубо светский характер и заключается в том, что в Турции власть долгое время принадлежала военному режиму. Сейчас там создано прочное гражданское правление, но проблема остается. Заявление Турции на вступление в ЕС рассматривается уже много лет, поскольку нет уверенности в способности страны принять социально-экономические и политические условия Евросоюза. Вообще, ЕС должен, на мой взгляд, уделять больше внимания подготовке к вступлению тех стран, которые намерены в него войти.

Причерноморье не менее важно, чем Балтика, и здесь главной проблемой также является развитие регионального сотрудничества между Россией, ЕС и странами, расположенными между ними.

Южный Кавказ характеризуется двумя неразрешенными конфликтами – в Абхазии и Нагорном Карабахе. Наш Центр внимательно следит за развитием ситуации в этом регионе. Возможно, если применить здесь опыт балканского или кипрского урегулирования, то позитивный результат достигим. Е. М. Примаков несколько лет назад предлагал для Нагорного Карабаха такой путь решения, как двойной статус. Но едва ли это оправданно. Мы выступаем за воссоединение без сецессии, как для Нагорного Карабаха, так и для Абхазии. Двойной статус остав-

ляет без решения проблему легитимной власти на этих территориях, чем способствует развитию сепаратизма. Кто сможет гарантировать устойчивость такой хрупкой структуры? То есть, другими словами, возможно ли вообще достижение стабильности на Южном Кавказе?

Я оставлю в стороне проблему Чечни и пойду дальше – Иерусалим и арабский мир. После 11 сентября для европейцев этот регион приобрел иное значение, чем для американцев. В странах Европейского союза проживает около 10 миллионов мусульман, и проблема социального единства большинства и меньшинства имеет большое значение для общества и политических ценностей. Особенно в связи с возможным столкновением цивилизаций, к которому подталкивают террористы. Наши американские союзники ответили на этот вызов силовым путем, ударом по Ираку, и собираются менять режимы по всему Ближнему Востоку. Европейцев это очень беспокоит.

Позитивным сдвигом, произошедшим в последнее время на Ближнем Востоке, был некоторый прогресс на переговорах по урегулированию израильско-палестинского конфликта, проходящих под эгидой России, ЕС и ООН. Но и этот процесс пока остается двусмысленным. Мир в регионе уязвим для саботажа со стороны израильских поли-

тиков как типа Шарона, так и палестинских экстремистов из «Хамас». На мой взгляд, ЕС, Россия и умеренные арабы должны повлиять на США, чтобы те изменили свой подход к проблеме.

Ближний Восток – это одновременно четыре продолжающиеся кризиса. Первый из них – застарелый конфликт Израиля и палестинцев. Второй – совершенно новая проблема «Аль-Каиды». Третий – проблема Ирака. И главный – общая слабость арабского мира. Сегодня мы видим, так же как и арабы, что авторитарные режимы не способны обеспечить благоприятное экономическое, социальное и политическое развитие арабского мира. Они создают условия для процветания террористических организаций, создающих угрозу для всех. Поэтому арабская интеллигенция не случайно все чаще говорит о необходимости развития демократии и гражданского общества в своих странах. А это значит, что и Запад также должен изменить свою политику в отношении арабского мира. Мы не должны устраивать перевороты, наша задача состоит в долговременной работе по демократизации стран Ближнего Востока.

*Перевел с английского
Всеволод Югов*

Пенсионная реформа в России

Бизнес, которым занимается управляющая компания «Тройка-Диалог», связан с управлением деньгами наших клиентов, среди которых 40 российских пенсионных фондов. Всего же в России сегодня зарегистрировано 240 негосударственных пенсионных фондов. Из них активно работает около ста, и 40 из этих ста находятся в нашем управлении. Кроме этого, мы управляем также средствами шести самых крупных страховых компаний. Пенсиями мы занимаемся уже пять лет и накопили определенный опыт. По финансам все это выглядит достаточно скромно по сравнению с развитыми странами, где компании, аналогичные нашей, управляют сотнями миллиардов долларов. Мы же управляем активами в размере 300 миллионов долларов, основная масса которых — средства частных лиц.

Пенсионная реформа имеет несколько аспектов: демографический, социальный, инвестиционный и экономический. Ученые считают, что если бы мы не начали пенсионную реформу два года назад, то было бы уже поздно. Связано это, прежде всего, с демографической ситуацией в стране: уже через семь-восемь лет на одного работающего в России будет приходиться по одному пенсионеру.

В течение десятилетий у нас господствовала распределительная пенсионная система, когда все пенсионные взносы шли на финансирование текущих пенсий. И этого было достаточно, поскольку на каждого пенсионера приходилось два работающих. Но через семь-восемь лет ситуация изменится. Поэтому и встал вопрос о переходе к накопительной системе, когда каждый из нас должен самостоятельно заботиться о своем будущем. В этом суть накопительной пенсионной системы. Государство при такой системе заботится исключительно о тех, кто не может в силу определенных обстоятельств заработать себе на пенсию.

Социальный аспект вытекает из демографического и состоит в том, что нужно менять менталитет людей. Раньше все считали, что при любых обстоятельствах государство должно проявлять заботу о пенсионерах, независимо от того, как человек работал. Перемены начались десять лет назад с введением частной собственности. Когда люди увиде-

*Павел Теплухин,
президент
управляющей компании
«Тройка-Диалог»*

ли, что можно заработать деньги не обязательно на государственном окладе, а самостоятельно, и это может быть интереснее и выгоднее. Отсюда логично вытекает и следующий шаг: позаботьтесь о своем будущем сами, когда вы не сможете работать. Позаботьтесь, не надеясь на государство.

Третий важный аспект связан с инвестиционной составляющей процесса. Вся российская индустрия страдает от нехватки денег на долгосрочные проекты; нет крупных инвестиций в инфраструктуру, на обновление оборудования и т.п. Как правило, у таких инвестиций окупаемость очень длинная — от шести до пятнадцати лет. В России же пока нет денег, которые можно было инвестировать на столь продолжительный срок. Все деньги в стране «короткие»: банки принимают депозит на срок до года и выдают кредиты на три года. А если у банка нет длинных пассивов, то у него никогда не будет длинных активов. Поэтому каким-то образом необходимо было найти источник «длинных» денег, который бы обладал хотя и не высокой, но стабильной доходностью. Во всех странах мира такими деньгами традиционно являются пенсионные резервы и резервы страховых компаний. Однако страховой бизнес в России практически отсутствует. Так что остается одна надежда — на пенсионные фонды.

И, наконец, макроэкономический аспект. В России отсутствуют не только деньги для длинных инвестиций, но и вообще какие бы то ни было деньги в национальной валюте. Народ хранит деньги, как правило, в долларах. Это не только бумажные доллары, но и валютные счета, недвижимость за рубежом и прочее. В настоящее время активы в иностранной валюте у нас превысили объем активов в рублевом эквиваленте. И этот факт стал доходить до сознания некоторых чиновников. Стало ясно, что надо что-то делать, иначе на рубле через какое-то время можно будет поставить крест, он перестанет быть сколь-нибудь серьезной валютой. Может быть, он останется средством расчета, но не средством сбережений. Следовательно, надо переломить эту тенденцию, для этого, собственно, и нужна была пенсионная реформа, которая может оказаться некой «палочкой-выручалочкой».

Казалось бы, набор четырех названных аспектов абсолютно банален, и любой здравомыслящий человек способен понять, что пенсионная реформа необходима. Однако наше правительство почему-то не бралось за эту реформу, хотя, начиная с правительства Гайдара, прекрасно все понимало. Очевидно потому, что все правительства приходили на короткий срок, а пенсионная реформа — вещь «долгоиграющая», когда от принятия решения до первых результатов должно пройти не менее пяти лет. Только когда Путин поручил Грефу разработать программу работы правительства на десять лет, появились долгосрочные проекты: военная реформа, пенсионная реформа, налоговая реформа. Пенсионная реформа началась, но не все об этом знают. Не все даже догадываются, что у каждого из нас есть индивидуальный пенсионный счет, на котором уже накоплены деньги. И мы можем даже посчитать, сколько накоплено: в среднем отчисляется по три процента от заработной платы, с которой платятся налоги. Пенсионная реформа началась еще в прошлом году, когда был принят основной пакет законопроектов, связанных с ней. Законопроекты были самые разные — от механизма сбора денег и их последующей выплаты, до

Генри Мур. Король и королева. 1952–1953

ключевого закона о том, что происходит в промежутке между началом накопления и получением пенсии. Что происходит с деньгами в течение этого срока (в среднем он составляет 15 лет) – это самый главный вопрос.

Деньги в этой сфере большие, по размеру превышающие федеральный бюджет в несколько раз – и почти бесконтрольные. Ведь за 15 лет многое может

произойти. Поэтому вокруг законопроекта о порядке инвестирования пенсионных средств разразились серьезные баталии. Они велись на самом высоком уровне, самыми изощренными методами, затмевающими все предвыборные «черные» технологии. Но, тем не менее, закон был принят, и в целом удалось найти компромисс. Процесс продолжался почти шесть месяцев. Главным его участником было Министерство экономического развития, в котором законопроект разрабатывался. Второй участник – Государственный пенсионный фонд и его глава Михаил Зурабов, который представлял пакет законопроектов в Госдуме. Основная масса денег, согласно принятому закону, должна проходить через Государственный пенсионный фонд. Задача управления этими деньгами непростая. Их необходимо вложить так, чтобы заработать доход, превышающий уровень инфляции. За 15 лет надо не потерять покупательную способность этих денег. Обращаю внимание, что государственные ценные бумаги, являющиеся самым надежным в России инструментом, имеют отрицательную доходность в реальном выражении. Если мы будем покупать государственные ценные бумаги, то их доходность не будет покрывать инфляцию. На 15-летнем интервале они теряют два процента доходности в год, что составляет около 40 процентов потерь. То есть от каждого рубля, отложенного сегодня, при выходе на пенсию, у человека останется 60 копеек. Именно это может случиться с теми людьми, которые оставят свои деньги в Государственном пенсионном фонде. В номинальном выражении все будет нормально, но в реальном покупательном выражении – существенные убытки. Государственные ценные бумаги приносят доход ниже инфляции во всем мире, и Россия в данном случае ничем не отличается от других стран. Но зато названный «убыток» будет гарантированным: минус 1,5–2 процента. Это те гарантии, которые государство сегодня может предоставить будущим пенсионерам.

Остальные инвестиции, не связанные с государственными ценными бумагами, нуждаются в анализе возможных рисков, инвестиционной привлекательности, диверсификации и т.д., чем и занимается профессиональный управляющий. Чиновник же, который сидит на государственной зарплате, этим не занимается, принимая инвестиционные решения, превышающие возможность федерального бюджета. Во всяком случае, я не знаю ни одного чиновника, заинтересованного в максимизации прибыли для клиента, у него другие функции.

В ходе обсуждения законопроекта довольно быстро из числа тех, кому предстояло работать с пенсионными деньгами, были исключены все страховые компании. Отчасти это оправдано – страховой рынок в России так и не сложился. Есть только две компании, которые еще с советских времен занимаются классическим страхованием – «Ингосстрах» и «Росгосстрах», но и они не смогли набрать достаточно резервов. Негосударственные пенсионные фонды при этом тоже пытались исключить, но возмутились их учредители, которые серьезно влияют на Думу, и им было найдено место в системе. В Государственную думу был внесен законопроект о внесении изменений и дополнений в закон о негосударственных пенсионных фондах. Пытались исключить из системы и управляющие компании. Потому что мы говорили: не может чиновник с

зарплатой от трехсот до тысячи долларов распорядиться средствами в несколько десятков миллиардов — слишком большой соблазн.

Итак, закон был принят, и с 1 января 2002 года средства начали накапливаться. К концу этого года каждый работающий гражданин России получит выписку из негосударственного пенсионного фонда (если почта сможет обработать 60 миллионов писем) о состоянии его пенсионного счета, где будет указано, сколько до 1 января 2003 года накопилось денег. При этом у каждого будет право выбирать, кому отдать свои пенсионные накопления. Гражданин получит список компаний, сходный с партийным бюллетенем на выборах в парламент, с графой «против всех», означающей, что он остается в Государственном пенсионном фонде, рассчитывая, тем самым на тот гарантированный минимум, о котором говорилось выше. Все это должно произойти с августа по декабрь.

Предусмотрено много препятствий, чтобы люди не перешли в негосударственный фонд. Поэтому можно заранее предположить какой будет результат.

Через такую реформу прошел уже, в частности, Казахстан. Но там были выделены деньги из государственного бюджета на разъяснительную кампанию. В результате, за пять лет 50 процентов пенсионных денег стали управляться частными компаниями. И сейчас многие казахстанские пенсионные фонды начали приобретать российские промышленные предприятия.

На мой взгляд, условия, установленные законом, означают, что наша пенсионная реформа будет выгодна только для состоятельных и достаточно грамотных людей, а не для тех, кто получают зарплату 200–300 долларов. Управляющим компаниям более выгодно работать с людьми, у которых зарплата превышает полторы тысячи долларов. Математика здесь простая: пенсионные отчисления составляют от двух до шести процентов заработной платы в зависимости от возраста человека, то есть в среднем — три, четыре процента. При зарплате в 1000 долларов — это 30–40 долларов в месяц. Предположим, мы хорошо поработали и обеспечили клиенту накопления в размере 25 процентов годовых. За год он заработает 100 долларов, а наше вознаграждение составит 10 процентов от этого прироста, то есть 10 долларов. Разумеется, это невыгодно, мы едва покрываем собственные затраты. Конечно, если человек к нам придет, мы не имеем права ему отказать. Но гоняться за ним не будем. Гоняться мы будем за тем, кто получает свыше десяти тысяч.

Как будут развиваться события? Например, я вхожу в советы директоров нескольких крупных предприятий. В «Мосэнерго», как член совета директоров, я внес предложение о том, чтобы предусмотреть в бюджете предприятия деньги на разъяснительную работу. Потому что 50 тысяч человек, работающих в «Мосэнерго», имеют право знать, как будет проводиться реформа. Если государство о них не заботится, то компания просто обязана обратить на это внимание. А иначе, уходя на пенсию, люди по традиции будут предъявлять претензии к работодателю. Так что лучше объяснить все сразу, пока это недорого. Конфедерация потребителей не случайно предложила включить в коллективные договора положение, обязывающее работодателя разъяснять характер и суть новой пенсионной системы. Потом будет поздно.

*Владимир Шмелев,
Председатель движения
«Первое свободное поколение»*

Столица и провинция

Взаимоотношения Москвы и москвичей с россиянами из других регионов нашей страны представляют собой отдельный социокультурный пласт, отображенный и обыгранный во многих литературных произведениях, кинофильмах, песнях и современных фольклорных жанрах (анекдотах). При этом уже сама постановка вопроса — а вернее то, какие термины используются при его постановке, является проблемой. Так, само противопоставление Москвы — «провинции», «России», «регионам» вызывает ущемленную обиду региональных «москвофобов» («а разве Москва — не Россия, не регион?») и раздражение наиболее продвинутых москвичей, использующих политкорректное «Москва и другие регионы».

Существуют ли действительные предпосылки для возникновения проблемы взаимоотношений? В чем они состоят? Можно ли тем или иным образом на них повлиять? Проблеме «Москва–провинция» можно разделить на несколько аспектов:

1. Противопоставление «столица — другие регионы». Именно столичный статус лежит в основе соперничества Москвы и Петербурга, именно с ним связана политическая роль Москвы.

2. Противопоставление «мегаполис — маленькие города». Именно ритм жизни большого города плодит представления о том, что москвичи «всегда куда-то спешат», «неприветливы» или, например, «реже здороваются».

3. Противопоставление «русский город, европейская столица — центр многонационального государства, один из центров евразийского региона и, вообще, глобального мира».

Каждая из этих проблем существует во многих других государствах мира, в каждом случае она определенным образом решается или не решается, она обрастает своей мифологией и своими стереотипами, которые хотя и могут иметь свою специфику, но в основном универсальны.

Очевидно, что взаимоотношения Москвы и провинции по-разному воспринимаются каждой из сторон. Но у обеих они проявляются в двух, связанных друг с другом, но существующих в несколько разных плоскостях формах:

в форме реально существующих политических, экономических и культурных особенностей Москвы, связанных с ее столичным статусом, размерами и количеством населения, этническим составом, системой управления и организации городского хозяйства, историей и вытекающими из этих

Москва

особенностей отношениями с другими регионами России; в форме стереотипов в сознании субъектов этого соперничества или противостояния. При рассмотрении основных векторов развития современной Москвы становится понятно, насколько иногда стереотипы не успевают за изменяющейся реальностью и насколько они иногда эту реальность определяют. Попытаюсь проиллюстрировать этот тезис на конкретных примерах.

Политика

Существенную роль в политической жизни любого государства играют глава столицы и столичная элита. Сплоченная и влиятельная городская бюрократия, создавшая в городе во многом авторитарную систему управления, во многих случаях позволяет се-

бе игнорировать федеральные законы и федеральную власть. Это проявляется как на практике — вплоть до прямого неисполнения или откровенно формального исполнения решений Конституционного и Верховного суда, так и в нарочитой демонстрации собственной силы и влияния (можно вспомнить неоднократные публичные заявления высших городских чиновников: «закон Москвы говорит другое», «мэр своего решения менять не будет» и так далее). Можно сказать, что проблема несоответствия городских законов федеральным (что сегодня воспринимается как наиболее яркая иллюстрация сепаратизма) в Москве актуальна не меньше, чем в «национальных» республиках в составе Федерации. В частности, это может касаться основных прав и свобод человека и гражданина (ситуация с пропиской, местным самоуправлением и прочим). Эти бесспорные факты политической жизни по-

родили восприятие «особых правил» для Москвы как привилегий, как следствия «хамства и наглости» москвичей. Также среди многих — в особенности образованных — горожан это сформировало концепцию «Москва — отдельное государство», хотя не до конца серьезно, но все-таки ее принято поддерживать. Особенно модной она была весной-летом 1996 года во время кампании по выборам президента России, когда провинция могла выбрать президентом совершенно не популярного в Москве Г.А. Зюганова.

Экономика и социальные проблемы

Политическое положение Москвы, которая одновременно имеет статусы столицы России, отдельного субъекта Федерации, столицы Московской области и просто города, оказывает существенное влияние на ее экономику. Причем, речь идет не только и не столько о прямых субвенциях из федерального бюджета, компенсирующих издержки, связанные со столичным статусом, сколько о косвенных экономических выгодах содержания на своей территории органов, принимающих решения. Так, уплата налогов по месту регистрации головного офиса создает ситуации, когда многие предприятия, осуществляющие непосредственную деятельность в других регионах, платят налоги в Москве.

Множество особенностей Москвы (политических, исторических, географических, демографических и др.) в целом влияют на степень деловой активности в городе. Например, роль Москвы как крупнейшего транспортного узла региона также оказывает влияние на привлекательность многих экономических проектов, а не только на миграционные потоки, о чем говорят чаще. Вообще, вопрос о том, насколько изначально экономическое положение Москвы более или менее выгодно по сравнению с положением других регионов, насколько это справедливо, и как должно быть изменено, представляется дискуссионным, а в некоторых аспектах риторическим. Очевидно одно: внешнее благополучие и современность

Москвы (витрины бутиков, дорогие лимузины, высокие цены, компьютеризация) по сравнению с другими регионами является следствием не более качественного и профессионального администрирования, а множества объективных факторов. Сложившееся положение, также как и «московское происхождение» многих политических и экономических проектов, создает расхожее представление о том, что «Москва кормит половину страны». Оно же, наряду с тем фактом, что предприятия, работающие в Москве, часто производят нематериальные товары (услуги, информацию и пр.), создает у многих провинциалов устойчивое впечатление о «Москве, живущей за счет регионов».

Вследствие большой концентрации капитала социальное расслоение в Москве (много очень богатых и очень бедных людей) бросается в глаза сильнее, чем в других регионах. Несмотря на то, что население Москвы не ограничивается клерками из делового центра города, а многочисленные развлекательные и торговые центры доступны не каждому москвичу (жизнь очень многих районов рисует Москву как город пенсионеров, трущоб, темных подъездов с неприятным запахом), именно они создают первое поверхностное впечатление о городе у недавно приехавшего регионала. Поэтому в среде многих из них распространен образ «зажравшейся» Москвы, «города развлечений». Этот образ приводит к совершенно фантастической подмене понятий, типа «вся реклама рассчитана на москвичей» из-за того, что часто реклама ориентирована только на обеспеченную часть населения, покупательская способность которой позволяет купить рекламируемый товар.

Миграция

В результате интенсивной миграции за последние годы заметно изменился этнический состав городского населения. Появление новых волн миграции, связанных с распадом СССР, с ролью Москвы как перевалочного пункта на пути в Европу, привело к существованию в Москве множества наци-

Казань

ональных диаспор, часто живущих достаточно сплоченно внутри себя и обособленно от остальных, занимающих определенные «свои» сектора городского бизнеса (как легальные, так и криминальные) и территории, имеющих последовательное лобби в органах власти городского и районного уровня.

Контраст между многочисленными этносами и расами, представленными в Москве, сделал гораздо в меньшей степени ощутимым со стороны коренного населения «засилье» приезжих из «русских областей». Образ «деревенских», приехавших в Москву за счастливым билетом, отсылает к ирреальным сюжетам из «доброе старое» прошлого, типа фильма «Москва слезам не верит». При этом, в отличие от этнических общин, территориальные группы практически не самоорганизуются и не создают лобби. Скорее наоборот, выходцы из русской «глубинки» стремятся как можно быстрее раствориться в городе. Многочисленные люди,

пришедшие во власть именно из провинции (и живущие теперь в Москве), ничего не делают, чтобы помочь своим собратьям-провинциалам изменить существующее положение, которое до своего переезда в ненавистную Москву считали дискриминационным и несправедливым.

Предпринятая избирательным штабом С.В. Кириенко в 1999 году попытка объединить иммигрировавших в Москву регионалов в «землячества» (белгородское, рязанское и другие) не нашла действительной поддержки у бывших белгородцев и рязанцев и показала почти полную искусственность деления по территориальному происхождению. По наблюдениям многих москвичей, часто именно бывшие «провинциалы» становятся активными «москалями» и наиболее рьяными защитниками дискриминационной системы прописки-регистрации («мы пробивались, а они что, просто возьмут и приедут?»). Восклицания типа «понаехали», «житья от лимиты нет», «де-

ревня», относящиеся к приехавшим в Москву провинциалам, гораздо чаще можно услышать не от коренного москвича. Созданный в советское время и сохранившийся до сих пор институт обязательной

По наблюдениям многих москвичей, часто именно бывшие «провинциалы» становятся активными «москалями» и наиболее рьяными защитниками дискриминационной системы прописки-регистрации

прописки (во исполнение судебных предписаний названный теперь «регистрацией») на практике никак не влияет на миграционные потоки. Сложно представить человека, который не может реализовать свое желание жить в Москве из-за отсутствия заветного документа — смотри объявления в метро: «прописка с доставкой на дом». Однако надо отметить, что наряду с обеспечением внебюджетного финансирования правоохранительных органов и части чиновников, «прописка» выполняет также важную мистическую функцию. Для очень многих москвичей — это «оберег», охраняющий столицу от нашествия «черных, грязных, некультурных, криминальных» и так далее. На нынешний момент для политика невозможно завоевать симпатии московских избирателей, всерьез предлагая отменить этот реликт тоталитарного прошлого. Многие горожане, провозглашающие себя сторонниками либеральных ценностей, прав и свобод человека, часто не способны отказаться от мистической веры в защитную силу прописки. Очевидно, что и для многих провинциалов система регистрации в Москве — не только существенный урон для кошелька, но и инструмент психологического давления (положение нелегалов — граждан второго сорта, унижительные процедуры проверки и так далее). Таким образом, можно сказать, что институт прописки-регистрации — факт практической жизни, существенно обостряющий отношения Москвы и про-

винции, оказывающий на них заметное психологическое влияние.

Можно отметить еще одно важное явление, характеризующее московскую иммиграцию и проводящее параллель между ней и эмигра-

цией россиян в страны Западной Европы и США, — «утечка мозгов», на которую сетуют и в столице, и в провинции. Большие возможности для самореализации, открывающиеся в столице, приводят к тому, что перспективные люди, на которых московские партнеры в бизнесе, политике и науке рассчитывают, как на лидеров в

своем регионе, перебираются в Москву. В регионах кадровый отток называют «сминиванием перспективных сотрудников».

Национальные и культурные проблемы

Реальность, связанная с проживанием в Москве большого количества национальных диаспор, их заметное солидарное участие во многих секторах экономики города (например, в торговле) отражается в усиливающихся проявлениях организованного и бытового национализма. Причем речь идет не только о уже довольно давно существовавших, но только недавно вдруг замеченных «скинхедах», но главным образом, о массовых настроениях средних москвичей (например, пенсионеров и домохозяек).

При этом практическим явлением, способствующим подобным нецивилизованным настроениям, становится часто бросающееся в глаза участие в городских органах исполнительной власти представителей группировок с сомнительной репутацией, выстроенных по этническому признаку. Это явление, иллюстрирующее, главным образом, общую криминализацию городских властей, начинает трансформироваться в легко раздуваемые спекуляции («Лужков продал Москву черным»).

Важны также вопросы, связанные с культурой поведения москвичей и немосквичей.

Насыщенная культурная жизнь столицы и особенности поведения жителей мегаполиса приводят к типичному для большинства европейских столиц сосуществованию образа напыщенного столичного сноба, курсирующего из театра в консерваторию и обратно, и образа невежливого и невоспитанного городского хама, который не владеет элементарными правилами поведения (толкается в метро, не здоровается и тому подобное).

Проблемы и стереотипы в отношениях между москвичами и регионалами во многом похожи на проблемы и стереотипы, существующие во многих межнациональных и межгосударственных отношениях. Представление о том, что «москвич» — это не просто «человек, проживающий на территории города Москвы», уверенно разделяют обе стороны. Оно плодит близкие многим горожанам теории о «настоящих» и «ненастоящих» москвичах. В соответствие с ней, именно «ненастоящие», по-видимому, с целью самоутверждения, кичатся своей московской пропиской и хамят приезжим. Оно создает бытовую москвофобию у многих регионалов, по своим проявлениям крайне похожую на бытовую антисемитизм или антиамериканизм, когда «против конкретных москвичей я ничего не имею», но есть какая-то абстрактная Москва — символ зла и порока, есть хорошие «москвичи» и плохие «москаля».

* * *

Таким образом, даже поверхностный анализ различий в развитии Москвы и остальных регионов России показывает, насколько сильно реальность переплетена с мифами. В системе взаимоотношений «Москва–Россия» стереотипы играют не меньшую роль, чем в отношениях между Россией и Западом. Часть из них вполне безобидна, связана с культурными и территориальными особенностями и традициями, не мешает взаимодополняющему сосуществованию и доброжелательному соперничеству. Но в ряде случаев стереотипы играют отрицательную роль в процессе модернизации страны.

Очевидно, во многих случаях истоки негативного отношения к Москве следует ис-

кать в политике городских властей. Главные практические действия, которые можно было бы предпринять, связаны с изменениями в общей концепции развития Москвы, законодательстве и системе управления городом. Приведение московских законов в соответствие с федеральными, максимальное устранение особых правил и исключений, хотя и нанесет серьезный удар по всевластию и самолюбию правящей городской бюрократии, в целом послужит не только приближению Москвы к стандартам столицы демократического государства, но и улучшению имиджа столицы в глазах остальных россиян.

На взаимоотношения Москвы и остальной России могла бы повлиять грамотная миграционная политика, в основе которой лежало бы стремление сделать Москву открытым и современным европейским городом. Безопасность гораздо вероятнее обеспечить не за счет попыток выстроить систему ограждения от граждан России, не родившихся в Москве, а за счет общего повышения качества жизни, создания условий для самореализации и профессиональной работы правоохранительных органов. Поэтому изменение правил регистрации в городе таким образом, чтобы ее целью стал максимальный учет, а не разрешение или запрет на проживание, могло бы в лучшую сторону повлиять на отношение к Москве и москвичам.

Открытость региона — это в том числе открытость его власти. Большая прозрачность бюджетов, широкое распространение практики открытых и гласных конкурсов в различных отраслях общественной жизни, то есть создание в столице России условий для полноценной политической и экономической конкуренции, открытой к участию всех граждан России, изменит политические и экономические реалии Москвы. А в конечном итоге отразится и на отношении к ней со стороны жителей других регионов. Точно так же повышение открытости других регионов России, одновременно с ростом благосостояния их жителей, сделает многие аспекты завистливого и агрессивного отношения к Москве менее распространенными.

Арабы возвращаются: эффект испанской культуры

*Мария Долорес Альгора Вебер,
Мадридский университет «Сан Пабло CEU»*

ИСПАНИЯ традиционно была страной эмиграции. Характер миграционного движения изменился лишь в восьмидесятые годы прошлого столетия. С тех пор это страна, принимающая иммигрантов. Причиной подобного поворота событий стали обстоятельства внутреннего и внешнего характера. С одной стороны, речь идет о прорыве и росте, который испытала испанская экономика, начиная с перехода к демократии; с другой, о консолидации Европейского союза, которая позволила создать общее экономическое пространство и обеспечить свободное передвижение людей.

Два эти фактора подытожили многие из преобразований, свидетелями которых мы стали в последние годы XX века. Они также помогают объяснить нынешнее состояние, в котором пребывает испанское общество, все еще переживающее серьезные изменения. В настоящее время Испания принимает иммиграцию из стран Иberoамерики, Магриба и Восточной Европы.

Прошло уже пять веков со времени изгнания евреев из Испании и завоевания Гранады в 1492 году. Уместно

спросить, что унаследовали мы сегодня от средневековой Испании.

Ответ очевиден, если речь идет о культурном наследии. По завершении Реконквисты религиозное рвение католиков XV века не оставило евреям и мусульманам в нашей стране иного выхода, кроме обращения в христианство. Деятельность трибуналов инквизиции привела сначала к прекращению использования еврейского и арабского языков в направлении, прямо противоположном тому, что произошло за восемь столетий до этого, а затем к полной аккультурации нехристианских общин.

В настоящее время дискуссия в нашем обществе сосредоточена на присутствии иностранных общин в стране и на их отношениях с государством и населением. При этом стоит напомнить, что только в последние годы у нас действительно произошло отделение церкви от государства, а до этого царил единство, которое позволяло называть Испанию не просто христианской, а католической страной. Сегодня ситуация изменилась: Испания является акконфессиональным государством, в котором находится место

для испанцев, придерживающихся иных религиозных верований, и их охраняет Конституция и Закон о свободе совести. Так что в этом смысле мы, возможно, стоим ближе к средневековой практике Испании трех культур, нежели к Испании Нового времени. Хотя акконфессиональность — и это следует учитывать — отнюдь не является характерной чертой исламских общин.

Установив связи со средневековым прошлым и преодолевая неизбежный анахронизм, который подразумевает подобное интеллектуальное усилие, сегодня можно выделить два различных феномена, уходящих своими корнями в далекое прошлое.

Первый. Современные испанские евреи, в большинстве своем происходящие от древних сефардов, заметно отличаются от тех евреев, которых можно встретить в других европейских государствах. Многие из новообращенных сохранили свои обычаи и привычки, не демонстрируя их открыто и не навязывая обществу. С течением веков подобное поведение и привело их к полной ассимиляции. Так что в наши дни практически никто не может отличить ис-

панских евреев от испанцев, исповедующих христианство, либо какую-то другую религию, несмотря на существующую свободу совести. У нас в Испании нет, например, еврейских кварталов, какие встречаются в странах Северной Европы. Ничем не отличается внешне и одежда евреев. А с другой стороны, это не мешает испанскому еврею, восходящему корнями к сефардам, сохранять свое средневековое наследие, будь то в Испании или другой стране. Нередко, особенно на севере Африки и на Ближнем Восто-

ке, встречаются люди, которые с гордостью сохраняют сефардский язык, не говоря уже о гораздо большей открытости сефардов, нежели евреев-ашкенази. Все это — следы средневековой эпохи, и именно из этого проистекают различия, позволяя одновременно испанским евреям интегрироваться в испанское общество. Нет у нас и проявлений антисемитизма. Евреи (так называемые «израильты»*) полностью ассимилированы; поэтому, когда возникает какая-либо общественная реакция

против евреев, она всегда направлена на Израиль. И совершенно иным предстает наследие мусульман-морисков (то есть обращенных после завоевания Гранады), хотя они оставались в Испании до начала XVII века, а затем эмигрировали на территории так называемого *Dar al Islama* (остального мусульманского мира). Я не буду вдаваться по этому поводу в статистически разноречивые подробности, но можно предположить, что они направились на север Африки, вслед за своими монархами. Учитывая, что там им не при-

* Мы используем этот термин для различения евреев, осевших в общинах в Европе, и израильтян — уроженцев и жителей Израиля.

шлость отречься от своей религии. Но в любом случае это означало изгнание, поскольку, несмотря на общую религию, они не могли отождествлять себя с населением и правителями тех земель, куда переселились.

Сегодня, однако, речь идет не только о наследии, но и о возвращении мусульман. Отношение к ним испанского населения радикально отличается от отношения к евреям, растворившимся в обществе. Так как испанцы (за исключением, пожалуй, Андалусии) по-прежнему считают арабов, как правило, побежденной стороной. Во всяком случае, предрасположенность к арабу из Саудовской

Аравии или с Ближнего Востока весьма отличается в народной среде от отношения к южному соседу, который по-прежнему остается «мавром». По отношению к первым нет впечатления отторжения, которое вызывает «захватчик», тогда как в отношении «мавров» оно присутствует. Подтверждают это и наши полевые исследования, во время которых, интегрированные в испанское общество, например, египтяне, жаловались на то, что волны мигрантов из стран Магриба повлияли в последние годы на отношение к ним со стороны испанцев. Тогда как к палестинцам проявляется чувство народной

«симпатии», и явное любопытство и даже определенное восхищение рождает присутствие богатых саудовцев на юге Испании, благодаря сохраняющемуся мифу о «роскошной андалусийской жизни».

Таким образом, выходец из Магриба — совсем иное дело. Он все еще напоминает о призраке возвращения, повторной оккупации. Испания была единственной страной, отвоеванной у ислама в истории. Поэтому проблема интеграции североафриканцев в современное общество не случайно вызывает в нашей стране острые дискуссии. Присутствие мусульман ставит перед нами вопрос, который в социологических терминах можно сформулировать как выбор между «мультикультурностью» и «межкультурностью». Или, другими словами, между сосуществованием и полной ассимиляцией.

Хотя такие дискуссии имеют место не только в испанском обществе, мы считаем, что Испания в этом смысле — уникальная страна. На мой взгляд, сегодня более чем когда-либо, должна проявляться терпимость. Сошлюсь в этой связи на мнение Мануэлы Марин*, которая считает, что «миф о сосуществовании в аль-Андалусе» работает, потому что он востребован. А я бы добавила, что если это так, то следует воспользоваться им в прагматические целях, а не ограничиваться интеллектуальными дискус-

* M. Marin. *Al-Andalus y los andaluies*. Barcelona: CIDOB, 2000, pg. 57–66.

сиями, поскольку речь идет о преодолении недоверия и даже презрения к тем людям, с которыми надо находить общий язык.

Ведь в самом деле, почему вызывают недоверие иммигранты, исповедующие ислам, и не вызывают его, например, испанцы, обратившиеся в ислам, живущие в Андалусии? Связано ли это только с религией или тут примешиваются социальные проблемы, а в недалеком будущем, возможно, они превратятся и в политические? Если власть посредством адекватного законодательства не найдет баланса между тем, что мы есть сейчас, и тем, чем мы были в средневековом прошлом.

В настоящее время испанская администрация в основном занимается регулированием передвижения иммигрантов и далека от рассмотрения необходимости тех норм, которые облегчили бы их постоянное проживание. Возможно, такая практика возникнет естественным путем, что было бы весьма желательно. Пока же мы находимся на самой верхушке айсберга. Существует вакуум в законодательстве, который необходимо заполнить до того, как, начнется общественная реакция — эмоциональная, страстная и трудноразрешимая.

Разумеется, трудно увязать политику и юриспруденцию аконфессионального и светского государства с социаль-

ной реальностью, а именно — с присутствием в стране поданных-мусульман, которые прежде всего ищут защиты под сенью шариата. И, тем не менее, эту проблему надо решать, потому что речь в данном случае идет не только о чисто религиозном вопросе, но о существующей религиозной традиции, имеющей отношение к политической, трудовой и даже этической сфере, и эта традиция рано или поздно неизбежно придет в столкновение с испанской Конституцией.

Поэтому уже сегодня необходимо ставить вопрос о том, готовы ли мы, испанцы, скажем, через два десятилетия принять закон о статусе испанцев-мусульман, который ограничивал бы суверенитет государства. Если это окажется нежелательным, поскольку принятие такого закона может привести в свою очередь к ограничению прав многих других граждан, тогда зачем ждать, пока вспыхнут конфликтные ситуации? Следует уже сейчас начать поиск альтернативных решений.

Ведь испанская законодательная база в этом случае вовсе не обязательно должна противоречить некоторым обязанностям верующих мусульман, предусмотренным в Коране, и учитывая, что они не будут также чрезмерно строги с точки зрения их религии*.

Не отрицая той значитель-

ной культурной утраты, которая означала конец Испании трех культур, возможно, это будет лучшим аргументом в пользу выбора между «сосуществованием» и «ассимиляцией», с учетом особенностей современной испанской истории. На мой взгляд, испанский мусульманин может стать примером адаптации при сохранении более гибкого ислама по отношению к немусульманам. С нашей же стороны, мы должны быть готовы принять, не вызывая разрыва в социальном плане, присутствие «новых мудехаров» (то есть мусульман, живущих среди христианских победителей), как их уже успели символически определить**.

Таково состояние сегодняшней дискуссии о «возвращении арабов» в Испанию. За отсутствием ясного решения, единственное, что можно сказать по этому поводу: мы не стремимся предлагать некую магическую формулу, а лишь обращаем внимание на саму проблему, которую нам так или иначе придется обсуждать в более широком контексте.

*Перевел с испанского
Александр Казачков*

* См.: A. Carmona. *Los nuevos mudijares: la Shari'a y los musulmanes en las sociedades no-islámicas.* // M. Abumalham (Co). *Comunidades Islamicas en Europa.* Madrid: Ed. Trotta, 1999, pg. 54–59.

** A. Carmona. *Opus cit.*, pg. 49.

Ждать или догонять?

Чисто эмоциональная реакция на некоторые вопросы экономической дискуссии

*Александр Волков,
доктор исторических наук*

Общественная дискуссия о том, как развивать нашу экономику, подогретая предвыборными страстями, явно обрела новое дыхание. Строить ли амбициозные проекты или довольствоваться небольшим, но надежным экономическим ростом? Стремиться ли к тому, чтобы догнать более развитые страны, или топтать потихоньку, ни на кого не оглядываясь и спокойно решая одну проблему за другой? Осваивать новейшие технологии и развивать новые отрасли производства или по-прежнему качать деньги из наших богатых недр, пользуясь благоприятной конъюнктурой мирового рынка? Это лишь некоторые из вопросов, оказавшихся в центре внимания.

В ходе этой дискуссии высказался Егор Тимурович Гайдар. Он выступил на широкой аудитории — в том числе и на телевидении, и в печати — с оценкой экономической ситуации в стране, прогнозом ее развития и предложениями, как нам следует действовать. По сути — с программой, которая, так или иначе, соотносится с предстоящими выборами Государственной думы и Президента РФ. Автор предлагает интересный анализ причин и перспектив экономического роста, который вроде бы всех радует, но и вызывает сомнения, главным образом по поводу того, достаточны ли его темпы, чтобы стоило радоваться. Представлен убедительный материал, свидетельствующий, что мы имеем дело с «восстановительным ростом», явлением, подобным тому, которое было отмечено еще во времена нэпа экономистами В. Базаровым и В. Громаном. Они и дали ему такое вот название. Суть его в том, что во всех посткоммунистических странах, переживших крах экономики, подобный краху после гражданской войны в России, сейчас наблюдается её восстановление на новых, рыночных основах. Так что радоваться вроде бы есть чему, но присутствует и тревога: не слишком ли ограничен ресурс такого роста?

Мне вспомнилась в связи с этим книга венгерского экономиста Ференца Яноши «Тренд экономического развития», написанная в шестидесятых годах. Представьте себе восходящую линию, идущую из прошлого в будущее и отражающую тенденцию экономического развития той или иной страны. Где-то посередине пути вдруг происходит революция, некое кардинальное преобразование экономических отношений, и названная линия резко падает вниз. Падение достигает нижней точки, а потом линия круто взмывает вверх. Революционеры или реформаторы ликуют, считая это своим достижением. Однако рост доходит до уровня основного тренда, иногда даже чуть заскакивает выше линии, его отражающей, а потом возвращается к ней, и развитие идет так, как

и шло бы без революции. Примерно так можно изложить основную мысль Яноши. И об этом же говорит Гайдар. Он тоже считает, что восстановительный рост неизбежно носит затухающий характер и его ресурс практически исчерпан, его уже недостаточно для дальнейшего успешного развития страны. Поэтому предлагается ряд структурных реформ, которые, впрочем, не новы в своей основе и не очень убедительны с той точки зрения, что новые источники роста уже открыты.

С мыслью о характере роста хочется согласиться. Но при чтении материалов программы мне лично что-то все время мешало ее сочувственному восприятию. Но что именно стало ясно, когда я слушал выступление Гайдара по телевизору. В нем отчетливо прозвучала такая мысль: никого нам не надо догонять, ни Америку, ни даже Португалию. Я понял это так, что нужно просто сосредоточиться на своих проблемах и решать их одну за другой, не спеша, потому что все равно должно смениться, по крайней мере, два поколения наших граждан, прежде чем мы станем жить так, как живут другие, опережающие нас народы.

Вроде бы — трезвость, реалистичная оценка наших возможностей, призыв отказаться от иллюзий и неоправданных амбиций. Ведь не бездействие же предлагается, а очередной набор реформ... Вроде бы это должно привлекать. А мне, наоборот, стало как-то грустно и даже тошно. Почему же?

Во-первых, есть такая русская поговорка: ждать да догонять — хуже всего. А если всё же приходится выбирать только из этих двух возможностей, и третьего не дано? Что тогда выбрать? Рассуждая абстрактно, я бы выбрал «догонять». Почему? Потому что ждать — это пассивная позиция, а догонять — активная. Тут что-то, да зависит от твоего собственного поведения. Может, сядешь на пенек и съешь пирожок, а уж потом бросишься догонять с новыми силами. А, может, найдешь уголок, который удастся срезать, приближаясь к тому, кого догоняешь. Ну, и еще, глядишь, откроются какие-то возможности... Не могу спорить с экономистом, на которого работает целый институт, не могу привести данных, доказывающих, что возможно нечто большее, чем предлагается. Но я уверен, что человеческая мысль созидательна. Настрой на ту или иную волну, на те или иные решения может очень многое менять в реальности. Но два поколения... То есть мне, моим детям и даже внукам предстоит так же, как всем предыдущим советским поколениям, вновь терпеливо ждать светлого будущего?.. Ничего себе — «вдохновляющий» настрой!

Во-вторых, опыт развития других стран. Однажды я натолкнулся на такие цифры: 70 процентов новых рабочих мест в США создается в сфере действия венчурного, то есть рискованного капитала. Что это означает? То, что рост экономики происходит, прежде всего, за счет применения новейших технологий. Современная глобализированная экономика, как уже отмечали многие специалисты, предъявляет нам совершенно иные, чем прежде, требования. Ныне промышленные изделия все более становятся воплощением знаний. Невещественные ресурсы — исследования и конструкторские разработки, производственные навыки и уровень подготовки работника, способности предпринимателя и менеджера — стали в мировой экономике основными источниками богатства. Соединенные Штаты Америки быстрее других откликнулись на новые требования. Опираясь на современные научные достижения, используя возможности биотехнологии, генной инженерии, Интернета и мобильных средств коммуникации, они преуспели в хозяйственном росте и созидании.

Страна движется вперед как бы прорывами то в одной, то в другой сфере производства. У нас же, как мне представляется, это самое слабое место. Не говорю уж о далеком прошлом — даже наши реформаторы 90-х годов явно недооценивали проблему модернизации производства.

Помнится, мне пришлось как-то беседовать с Анатолием Чубайсом в пору сотворения ваучера. Рассказал ему, что только что вернулся из Германии, с симпозиума, посвященного экономике ее восточных земель, переводу её на рыночные рельсы. Оказалось, что из 8 тысяч предприятий бывшей ГДР конкурентоспособно на мировом рынке лишь 10 процентов. Можно часть предприятий продать западным фирмам, чтобы подтянули их до современного уровня, но 81 процент невозможно ни продать, ни санировать. Предлагалось даже снести их бульдозером, а землю засеять.

Меня поразили эти цифры. Сколько же предприятий окажутся неконкурентоспособными при переходе к рынку у нас? Что будем с ними делать? Кто вложит в них деньги? Что в первую очередь следует модернизировать, чтобы осуществить структурную перестройку всей экономики? Задал эти вопросы Анатолию Борисовичу, но тот уклонялся от них. Моя настойчивость заставила его сказать лишь то, что эти проблемы будут решаться позднее, в рамках закона о банкротстве. Но, по моему, не решены они до сих пор. Нынешние исследования конкурентоспособности российской промышленности показывают, что только 3–5 процентов ее продукции способно завоевать рынки экономически развитых стран. Мировому уровню соответствует лишь четвертая часть отечественных технологий. «Утечка мозгов» из России — результат и свидетельство того, что самые ценные знания и технологии не находят в России адекватного спроса.

Известно, что и теперь все наши миллиардеры «сидят» исключительно на «трубе» и на алюминии да еще кое-каком сырье. И зачем бы им вкладывать деньги в новые технологии, скажем, в машиностроение, если рентабельность газовой отрасли достигает 60 (!) процентов, а при том еще и вводятся все более высокие цены на газ. Идут дискуссии: надо ли изымать у тех, кто пользуется общественными недрами, ренту. Или хотя бы сверхприбыли, то, что получено не за счет инвестиций, повышения производительности труда или иных усилий предпринимателей, а исключительно за счет роста цен на нефть, конъюнктурного роста. Говорят — нет, надо дать нефтяникам и газовикам возможность для ускоренного развития, ведь именно от них получает высокий доход и государство. Нельзя, мол, забивать самую дойную корову. Верно, не стоит забивать, но нельзя же не учитывать, что одним «молоком» не проживешь, что цены на него могут упасть, и тогда однобокое развитие, однобокий экспорт обернутся для нас ударом страшной силы. Ведь если среди частных предприятий наиболее устойчивыми считаются диверсифицированные компании, то для страны, да еще крупной, диверсификация экономики тем более важна. Согласен с теми, кто убежден и убеждает других, что если не станем развивать новые, современные отрасли производства, прежде всего — современное машиностроение, если будем по-прежнему пренебрегать применением новейших технологий, страна выпадет из мировых торговых, финансовых, информационных потоков, а быть в их перекрестье сейчас важнее даже, чем обладать большими территориями и народонаселением. И крупная держава может скатиться на обочину мирового развития, если выпадет из этой вот «розы ветров».

Форд Мэдокс Браун. Манфред на вершине Юнгфрау. 1842

Кажется естественным прибавить к рукам сверхприбыли и направить их именно в зону новейших технологий, в передовые отрасли производства. Но при такой попытке, конечно, сразу обнаружится множество проблем. Насчет того, что нельзя погубить «дойную корову» уже говорилось. Непросто найти ту грань, где разумное перераспределение средств может превратиться в препятствие естественному движению капитала в точки его наиболее эффективного применения, в противодействие основным принципам рыночной экономики, нарушение которых всегда чревато тяжелыми последствиями. Но есть и еще одно: кто должен мобилизовать и использовать

сверхприбыли или ренту в точках нового роста? Часто говорят: государство. Но мы уже убедились, что, по крайней мере, наше государство отнюдь не самый эффективный хозяйственник. Как же двинуть капитал в высокотехнологичные отрасли?

Не хотелось бы изобретать некие новые механизмы, некие «велосипеды». По опыту других стран известно, что эти отрасли могут приносить высокие прибыли, конкурировать даже с добычей газа, то есть привлекать капитал естественным образом. Не плохо было бы, если бы те же нефтяники или иные добытчики сырья осознали потребность страны в диверсификации экономики и развитии современных производств, сами взялись бы за это дело. Известный бизнесмен Владимир Евтушенков считает, что решающую роль в модернизации российской промышленности призваны сыграть интегрированные бизнес-группы (ИБГ) — преимущественно холдинги и стратегические альянсы*. Они могут войти на этот путь первым эшелонам, оставив позади зарубежных инвесторов. И с этой точки зрения доминанта в ВВП сырьевых отраслей — естественное преимущество страны, можно сказать, исторический шанс. А можно сказать иначе: порок в этом случае обернется достоинством. Но если вести речь о средствах, мобилизуемых из добывающих отраслей волей государства, то, видимо, речь должна идти о предоставлении их в форме кредита частным предприятиям, выступающим в качестве «энтузиастов нововведений». Конкретные механизмы такого перемещения средств из сырьевых отраслей в зону высоких технологий могут быть отработаны специалистами.

Наверное, очень важен вопрос о том, какие именно отрасли государство должно поддержать в первую очередь. Наш известный «Геракл» (Герашенко) недавно сострил по поводу того, что странно, если правительство с этим не определилось. («Если правительство не знает, кому давать, а кому не давать, оно должно уйти с панели».) И в самом деле, странно. О многом говорит лишь один, ставший почти классическим, пример. Многие считают, что в области информатики мы отстали навсегда. Возможно так, если говорить о «железках». Но ведь наши хакеры — лучшие хакеры в мире. Наши математики, если говорить серьезно, уж, по крайней мере, не хуже, чем в самых передовых странах. То есть почти общепризнанно, что в области программного обеспечения мы вполне можем быть конкурентоспособны на мировом рынке. И еще не в одной отрасли науки в «долгих ящиках» пылятся из-за нехватки средств замечательные проекты и разработки. Мне кажется, именно в этой сфере — отбора и применения новейших технологий — действительно недостает роли государства, его политической воли.

Можно, конечно, ждать, когда произойдет смена поколений, и количество реформ превратится в новое качество, и до подлинного интереса к инновациям созреют все наши предприниматели, начиная с удовлетворенных сегодняшним положением сырьевиков. Но как бы, вопреки завету древних мудрецов, не уподобиться глупцу, ждущему, когда мимо него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег.

* См.: В. Евтушенков. *Нефтьдоллару придется потесниться.* // *Россия в глобальной политике.* Т.1, №1, 2003.

Культура: «за» и «против»

Сходства и различия

СТОИТ НАМ ЗАДУМАТЬСЯ над словом «культура», как мы тут же попадаем в бесконечный мир, который лишь частично, с разной степенью отчетливости размечен нашей картой привычных маршрутов. О том, что карта эта не единственная, что маршруты и масштабы в них могут различаться до крайности — известно уже школьникам. Ведь речь идет не только об истории прошлых культур либо современной их географии, но также о культуре речи, культуре поведения, культурных навыках, культурном наследии, культурных пережитках. Разумеется, картография современных наук о культуре несопоставимо богаче. Тут и Культура с большой буквы, и множество сопутствующих ей «культур» со всякого рода производными: культура повседневности, культура детства, культура питания, культурная антропология, культурная интеграция, культурная инфраструктура, культурная среда, культурная репрезентация, культурная экспансия, культурное своеобразие, культурное строительство, политическая культура, культура политики, культурная политика... Список можно продолжать.

Но что с подобным перечнем делать политику? Если культура столь многомерна и всеохватна, не поглощается ли политический горизонт — горизонтом культуры? Ведь и политические программы, и политические действия, наконец, сама политика могут рассматриваться в качестве одной из составляющих культурного производства в общей системе культуры. Трудно найти культуролога, который бы не истолковал современную политику посредством мифа, архаических ритуалов, культурных архетипов, стадийных параллелей, культурных норм и конвенций.

Политическая прагматика стремится опровергнуть подобные амбиции и освободить себя от притязаний культурного детерминизма. С прагматической точки зрения культура предстает сегментированным «пассивным материалом», используемым политиком. Разве не такова, например, Культура с большой буквы — неизменный фонд человеческой истории, свод «вечных ценностей» и памятников: масштаб и поле актуализации личностных призваний.

Евгений Барабанов, историк искусства, философ

ний, к которым политик взывает всякий раз, когда апеллирует к «человечности», «гуманизму» и прочим высоким вещам? И разве не такова роль художественной культуры с ее театрами, кино, музыкой, живописью, поэзией, музеями? Разве она не лакомый кусок для политики, особенно для той, что сознает себя частью шоу-бизнеса, зрелищного обмена? А что говорить о всякого рода сегментированных культурах — национальной, местной, традиционной, региональной, молодежной? Какой политик не пытался превратить разговоры об их «сохранении и развитии» в часть своей политической программы? И, наконец, разве не такова же роль всех прочих отсылок к «элитарной культуре», «высокой культуре», народной, буржуазной, поп-культуре, к культурам протеста, культурам маргинальных групп, оппозиционным контркультурам?

Разумеется, сопоставление горизонтов культуры и политики вовсе не сводится к застарелому спору консерваторов и либералов о приоритетах: определяется ли будущее общества его культурой (консерваторы) или политикой, воздействующей на культуру (либералы)? Смысл такого сопоставления — в прояснении *сходства* основных функций системы культуры и системы политики. Функции эти имеют исключительно важное значение для всей системы социального целого, поскольку именно с ними связаны системные кризисы развития. Таких функций можно выделить три.

Прежде всего — это функция легитимации, утверждающая социализацию, поддержку идентичности, форм лояльности, распределений властных полномочий. Затем — функция процесса, направленная на артикуляцию и объединение интересов, формирование элит, доминантных типов коммуникаций. И, наконец — функция достижений, ориентированная на упорядочивание, стабильность, образование устойчивых норм, канонов, иерархий.

И хотя сходство перечисленных функций

вовсе не предполагает тождества процессов, происходящих в разнородных областях культуры и политики, именно в пространстве этого не проясненного предположения и разыгрывается политическая аргументация «за» и «против» культуры.

Культура как помеха

«Когда я слышу слово “культура”, моя рука тянется к кобуре». Обычно эта фраза приписывается Геббельсу либо другим вождям Третьего рейха. Цитата не точная. Правильно она звучит так: «Когда я слышу слово “культура”, я спускаю предохранитель своего револьвера». Действительный ее автор Ханс Йост (Hanns Johst), а звучит она в его драме «Шлагетер», премьера которой состоялась 20 апреля 1933 года, в день рождения Гитлера. (Главный герой пьесы — Альберт Лео Шлагетер, нацист, в 1923 году казненный французскими оккупационными властями за диверсию на железной дороге Дюссельдорф-Дуйсбург).

Приписывание фразы из пьесы реальным политическим персонажам, конечно, не случайность. Культура и в самом деле может мешать «триумфу воли»: национальной, политической, экономической. С культурой действительно неудобно, пока она воспринимается как своенравная обуза, досадная помеха, неустанно озабоченная собственной исключительностью, независимостью, самозаконностью. Культура и в правду требовательна, даже когда молчит.

Так или иначе, но любые попытки игнорировать ее притязания обычно кончаются катастрофой. Не только для культуры, но, прежде всего — для триумфализма. Во всяком случае, политические выводы из недавнего прошлого свидетельствуют об инерции сегодняшнего политического мышления.

С одной стороны, как мы знаем, политическое сознание по сей день искушается неустанно обновляющимися проектами фор-

Генри Мур. Овал с точками. 1968–1970

сированной модернизации, опирающимися на убеждение, будто общественные системы способны менять свои культурные установки, реагируя на значительные потрясения. Отсюда — внедрение стратегий по преобразованию культурных ценностей в политическое планирование глобального цивилизационного будущего.

С другой стороны, те же выводы формируют и аргументацию самоустранения. При

этом аргументы выдвигаются сразу «за» и «против»: да, мы не прочь «войти в европейскую цивилизацию», но против этого — вся наша культура; нет, мы не хотим «войти в европейскую цивилизацию», поскольку против этого — вся наша культура. Под «всей нашей культурой» обычно имеются в виду такие конструкты (или их совокупность) как «наша ментальность», «национальный характер», «самобытность», «осо-

бая статья», «советские стереотипы» и так далее.

Легко заметить: каждая позиция принимает культуру как устойчивую идентичность — либо способную к изменениям, либо безнадежно косную. Труднее разглядеть то, каким образом эта идентичность — предельно проблематичная для современной культуры — присваивается политикой в качестве «готового продукта». Притом сформированного политическими средствами.

Культура — поле проблематического

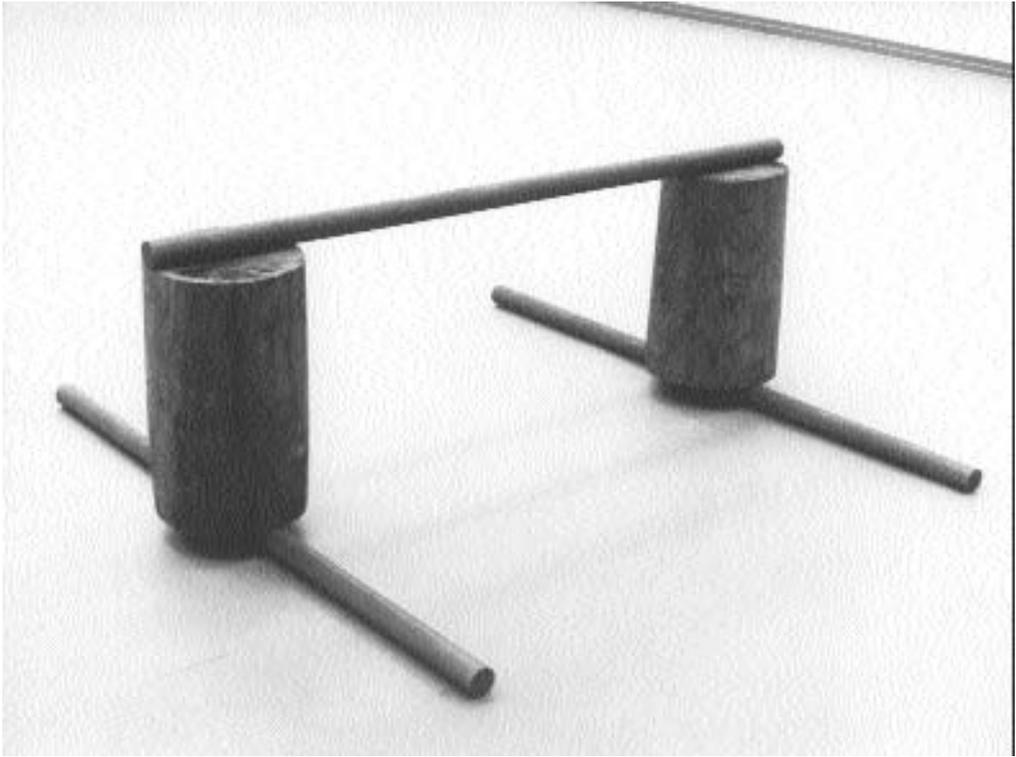
Один из современных остроумцев, повально увлеченных переименованием крылатых слов, придал фразе Ханса Йоста предельную злободневность: «Когда я слышу слово «культура», моя рука тянется к словарю». Правильнее, конечно, было бы сказать *к словарям*: в настоящее время насчитывается несколько сот определений понятия «культура». Не меньше и теорий культуры. Культура — трудноуловимое понятие, не поддающееся однозначному определению. И эта трудность имеет основополагающий характер. Ведь то же самое происходит с понятиями «жизнь», «личность», «свобода». Интенсивность и глубина скрытых в них смыслов как будто заставляет эти понятия избегать четких контуров. Кажется, любое проведение границ, необходимых для определения, неизбежно истощает их предметное содержание, безнадежно его упрощает и обедняет. Так оно и есть: культура, приравненная жизни — предельное понятие. Также как жизнь, культура воспринимается в этом случае, как нечто непостижимое, неисчерпаемое; она есть «всё». И в этом качестве предельности указывает на свою всепоглощающую тотальность. Мы безраздельно принадлежим культуре: это наш способ существования, бытия человеком. Мы говорим и мыслим, совершаем осмысленные действия только потому, что имеем культуру — особым образом организованные формы жизни, личности, свободы.

Разумеется, тотальность культуры не означает ее однородности. В той мере, в какой человек способен мыслить о предельном, он может распознавать в нем наличие градаций, иерархии уровней, динамику процессуальных изменений. Современные «словари», отсылающие нас к сотням определений и теоретических моделей культуры, фиксируют именно эти усилия придать тотальности дифференцирующий характер. Ведь только таким образом мы и можем представить себе нечто в качестве предмета теоретической либо проектно-практической деятельности.

Именно так и поступают исследователи, представляя нам культурное целое посредством различных подсистем культуры (артефакты, провозглашаемые ценности, базовые представления, формы организации) или выделяя в нем доминирующую культуру и субкультуры (например, религиозные, профессиональные, молодежные, национальных меньшинств и т.д.). Особенность такого различения состоит в том, что оно является одновременно и саморепрезентацией культуры, и выходом из поглощенности ее тотальностью.

В этом — один из главных парадоксов культуры: все, что может быть сказано о культуре, принадлежит самой культуре: ее уровню развития, ее языку, ее традициям, ее способностям репрезентировать знания о самой себе. В этом смысле культура и все, что о ней мыслится и говорится, представляет собой систему самоконструирования, самоописания, самоинтерпретации. Однако при этом культура позволяет посмотреть на себя как бы «со стороны»: увидеть себя как некое Другое. Именно так мы видим местные субкультуры или то, что называем «чужой» культурой.

Конечно же, любой наш взгляд на культуру, даже самый «внешний», все равно остается внутренним взглядом культуры на саму себя. Однако эта парадоксальная совместимость внутреннего и внешнего вовсе не похожа на путешествие муравья по ленте Мёбиуса. Падает ли наш взгляд на культуру из-

Ян Майер-Роггес. Свобода и связанность. 1984

вне или изнутри, падает ли наш взгляд на предопределяющую его точку зрения или на предзаданные ему горизонт и перспективные точки схода — понемногу мы догадываемся о сложности инсценирования того, что мы называем культурой. Сложность эта предопределена тем, что наш взгляд и точка зрения не только обнаруживают Другое, которым и задаются диалогически-познавательные отношения, но также проблематизируют «свое»: позицию, способы рассмотрения, языки описания, базисные и рабочие модели, самоочевидность традиции и господствующих ценностей. В том же ряду и сами наши конструкции. В том числе — «культурная идентичность».

Фигуры Другого

Уже упоминавшаяся политическая аргументация, инсценирующая напряжение между желанием «войти в европейскую цивилиза-

цию» и невозможностью преодолеть сопротивление «нашей культуры», — наглядный пример апелляции к Другому. Притом, что «свое» и «чужое» как образы культурной идентичности могут легко меняться местами в зависимости не только от политических интересов, но также от культурных ориентаций.

Существенно: разделение понятий «цивилизация» и «культура» довольно искусственно. Во многих языках они выступают синонимами: например, можно сказать «цивилизация древнего народа (X)» и «культура древнего народа (X)». Однако именно эта искусственность и позволяет культуре, а вместе с ней и политике, создавать более динамичные конструкции. Прежде всего, противопоставление «цивилизации» и «культуры» обнаруживает скрытые в них *другие* смыслы, выступающие манифестациями фигур Другого. Так, под цивилизацией можно понимать состояние или степень развития человеческой

культуры («античная цивилизация», «современная цивилизация»), или — более общее объединение («цивилизированный мир», «древние цивилизации», «внеземные цивилизации»), или — идеальный порядок в человеческом обществе. Сегодня в слове «цивилизация» появился другой смысл. Современная цивилизация определяется характером взаимодействий между разными культурами и рассматривается как возможность сотрудничества этих культур в конструировании нового мира: одновременно и глобального, и мультикультурного, взаимосвязанного и функционально дифференцированного.

Слово «культура» насыщено дополнительными смыслами. Этимологически оно восходит к латинскому *cultura* — «возделывание», «обработка» (от *colo* — «возделываю», «обрабатываю»). В классической латыни это слово употреблялось редко и лишь в ограниченном числе сочетаний: *cultura agri* — «обработка земли», *cultura animi* — «воспитание души»; вулгарная латынь прибавляет переносное значение: «нравы» (то есть «нечто обработанное», «устоявшееся»). В Древней Греции слову «культура» соответствовало *пайдейя* — «воспитание», «образование», «образованность». Отзвук этого греческого слова сохраняет наше обиходное выражение «воспитанный человек», выступающее синонимом «культурный человек». И *cultura*, и *пайдейя* выражают одну важную мысль: культура — не готовая вещь среди других вещей, не «субстанция», но — особого рода формообразующая деятельность (по отношению к докультурному «природному материалу»): способ обработки и продукт одновременно. То есть то, что выступает безусловной социально-исторической ценностью, образцом для воспроизводства. Отсюда ценностное понимание культуры, коррелирующее другие значения: характеристика исторических эпох («античная культура»), обществ, народностей, наций («русская культура»), специфических сфер деятельности («художественная культура», «политическая культура»),

наконец, наряду с узкими значениями («духовная культура») — единство материального и духовного *мира человека*. В современном толковании понятие «культура» — это собирательное обозначение символических, то есть небологических, приобретаемых аспектов жизни (язык, обычаи, конвенции, коллективные представления и т.д.), образующих совокупное множество «жизненных миров».

На чем основывается такая совокупность в рамках современной культуры или цивилизации — вопрос, породивший бесчисленное множество теорий, не сводимых к общезначимому ответу. Во всяком случае, это множество, представляющее собой единый универсум, всякий раз отсылает нас к пространству проблематического.

Символический универсум

Пространство проблематического — исток современных конструкций универсума культуры. Исток, прежде всего, обязанный опыту различения. Ведь культура и есть различение: способность мысли отделять одно от другого и давать имена. «Когда пространство делится, возникает универсум», — заметил создатель теории «живых систем» Умберто Матурана, знаменитый чилийский ученый и философ нашего времени. Это значит: не единство порождает различия, но, напротив, различие — единство.

Для политики это означает: культура — самодифференцирующаяся система, конституирующая при этом также и способы своей дифференциации, самоконструирования, самоописания, самоинтерпретации. При этом она не только учреждает определенные регулятивные принципы по отношению к формируемым ею коллективным представлениям, образцам, ценностям, ожиданиям, стилям жизни и прочим составляющим мир человека вещам, но одновременно и проблематизирует вместе со всем этим миром и саму себя в последующих актах различений. И в той мере, в ка-

кой политика способна принять и усвоить культурный опыт различения Другого — опыт диалога, школы, совместной проектной деятельности — в ее власти раздвинуть горизонт, изменить масштаб: стать чем-то большим, нежели технологией манипулирования интересами и выгодами от лица мифической идентичности.

Внутри современной культуры разговоры о какой-либо «аутентичной идентичности», к которой можно апеллировать, представляются неприемлемым фундаментализмом. Сегодняшний человек знает: у нас нет прямого доступа к какой-либо «аутентичной» действительности помимо символических языков культуры, ее инструментов, базисных понятий, моделей и стратегий. Язык политики — один из таких языков. Мы не просто «черпаем из мира», но опираемся на предшествующую текстуру формул, концентрирующих частные истины в единое целое. Соответственно, все утверждения, касающиеся мироустройства, являются производными межличностной, интересубъективной, целенаправленной коммуникации и обращены к уже имеющимся смысловым и семантическим схемам. В этом смысле выработка собственной позиции, на необходимости и плодотворности которой настаивает культура, является неотъемлемым условием и нашей идентичности. Идентичности, опирающейся на труд и риск проблематизирующих различений.

Для политики, ориентированной на такую идентичность, вопрос о «европейской цивилизации» и «самобытной культуре» перестает быть вопросом о «готовых вещах». Образы «готового» — образцы культурного прошлого, воспроизводящие репертуар унаследованных коллективных представлений, привычек, стилей — соизмеряются не с общими образами «цивилизации», но с вполне конкретной культурно-политической архитектурой Новой Европы. Сегодня это еще незаконченная постройка из разных материалов, пространств, стилей, взаимосвязанных переходов. Ее незакончен-

ность означает, что в конструировании и строительстве могли бы принять участие и мы. А если это так, мы должны ясно отдавать себе отчет в том, как мы мыслим такое участие в проектной деятельности, конструировании, строительстве. И прежде всего: как мы мыслим о самой мысли. В нашем случае — политической.

Все «за» и «против», о которых неизменно идет речь, начинаются не с культуры «вообще», но с культуры мысли, в нашем случае — политической мысли. Одна из возможностей уяснить себе ее проблематику — увидеть в культуре проблематизацию политики со стороны Другого.

Другого — потому что при всей экспансии политической активности, культура никогда не превращается только в «материал». Формируемая политикой она, в свою очередь, сама формирует политику. Притом весьма произвольно. Самая большая трудность, а вместе с ней и опасность, состоит в том, что политика не видит, не различает встречных, порой более мощных и глубинных воздействий культуры. Хотя культура способна сохранять целостность этих воздействий даже тогда, когда описывает себя в качестве слоистой, мозаичной, «войлочной», то есть, состоящей из множества самых разных элементов самых разных культурных образований, будь то «этническая разнородность» или «мультикультурное общество», обязанных своим появлением фундаментальным переменам: социально-экономическим, технологическим, даже просто новым волнам миграции.

Все сказанное вовсе не предполагает, что политик должен превращаться в философа или культуролога. Но он может и должен расширить зону различения. Ведь только в ней он может осуществлять свободное и ответственное политическое действие, в равной мере соотносимое не только с теми или иными интересами, но также с сознанием и памятью общества.

*Анатолий Ковлер,
судья Европейского суда
по правам человека*

Европейский суд по правам человека

В Европейском суде по правам человека 41 судья — по числу стран, ратифицировавших Европейскую конвенцию по правам человека. Каждый судья избирается от одной из этих стран, но не является ее представителем: на срок своих полномочий он должен забыть о своем гражданстве и руководствоваться только Конвенцией. Судьи избираются Парламентской ассамблеей Совета Европы по рекомендации государства, которое обязано рекомендовать трех судей.

Кроме Конвенции у суда есть Регламент, который определяет всю процедуру. Дела проходят несколько инстанций. Первая — судья-докладчик, который готовит дело к рассмотрению. Вторая — комитет из трех судей, рассматривающих основную лавину дел, принимая решения о приемлемости жалобы. Крайне редкие дела попадают из комитета в палату. Это происходит в том случае, если дело считается важным и по всем признакам приемлемым. Палата формируется для рассмотрения дела в составе семи судей (плюс три запасных). Затем ее решение может быть обжаловано в течение трех месяцев в так называемой большой палате — из 17 судей и трех запасных. Большая палата рассматривает апелляции и дела, требующие нового толкования Конвенции и не имеющие прецедентов. И она же рассматривает межгосударственные дела — такие, как, например, иск Кипра против Турции. И в нее же направляются дела, по которым выступает третья сторона (например, дело Сливенко против Латвии, по которому третьей стороной была Россия). Конечная инстанция — Ассамблея суда (куда входят все судьи) выбирает председателя суда, его заместителей, председателей палат, решает вопросы, связанные со статусом судьи. Ассамблея собирается раз в месяц. Что касается принимаемых решений, то их два вида: решение о приемлемости (*decision*) и постановление по существу (*judgment*).

Европейская конвенция по правам человека — наша Библия — была принята 50 лет назад, и она, конечно, отвечала представлениям того времени о правах человека. Она основывалась на Всеобщей декларации прав человека 1948 года и, естественно, не покрывает всех прав — в частности, социально-экономических. Конвенция в основном защищает гражданские, политические и некоторые процессуальные права и не может дать больше того, что она может

дать. Поэтому, подобно американской Конституции, к которой принято больше 20 поправок, Конвенция совершенствуется. Уже принято 12 протоколов, а сейчас подписан тринадцатый (об абсолютной отмене смертной казни). Эти протоколы защищают права граждан, не отраженные в основном тексте Конвенции. Например, право на свободное участие в выборах органов законодательной власти; право на свободу передвижения; право не быть высланным из страны без судебного разбирательства и тому подобные.

Тексты Конвенции и протоколов существуют на разных языках, но рабочих языков два — французский и английский. Поэтому одной из главных задач, с которой я столкнулся три года назад, придя работать в суд, был новый перевод Европейской конвенции на русский язык, поскольку ранее ее переводили мидовские чиновники, и переводили они слова, а не понятия. Нам пришлось довольно долго «перетягивать канат» с МИДом и с Госдумой, прежде чем удалось добиться включения нового перевода в собрание законодательных актов Российской Федерации. Хотя и в этот текст чья-то рука в последний момент вернула некоторые старые формулировки.

Когда Конвенция вступает в силу в отношении государства, ее ратифицировавшего (для России эта дата — 5 мая 1998 года), граждане получают право подавать в Европейский суд жалобы на действия своего государства или государственных органов, если те нарушили то или иное положение Конвенции. Здесь и начинаются главные трудности. С правом доступа проблем нет, но есть вопросы о том, что входит в юрисдикцию суда. Например, из 30 тысяч, принятых в 2001 году жалоб, Европейский суд признал неприемлемыми по разным формальным признакам 86 процентов. Это были либо жалобы на нарушение прав, не предусмотренных Конвенцией (скажем, на низкую зарплату), либо жалобы в отношении дел, имевших место до ратификации. Большой процедурный вопрос связан с тем, что жалоба должна быть подана не позднее, чем через шесть месяцев после окончательного судебного решения. Но что считать окончательным решением? Многие наши граждане верят тому, что написано в популярных брошюрках: что надо исчерпать все возможности национальных судов, вплоть до Верховного и Конституционного суда. На самом деле это не так. Европейский суд неоднократно отмечал, что окончательной считается та стадия, после которой решение суда *вступило в законную силу*. То есть это вторая инстанция, чаще всего областной суд: человек подал кассацию на приговор суда первой инстанции, ему отказали — и решение вступило в законную силу. А с появлением мировых судей окончательной инстанцией может быть уже районный суд. После этого вы можете либо обращаться в Европейский суд, не теряя шесть месяцев, либо идти по национальным инстанциям — использовать право на надзорную жалобу, писать уполномоченному по правам человека О.О. Миронову, председателю Конституционного суда М.В. Баглаю, президенту В.В. Путину и так далее. Но «счетчик» начинает работать с момента вступления решения суда в законную силу. К сожалению, 95 процентов российских дел Европейским судом не принимаются к рассмотрению по процедурным причинам. Журналисты часто упрекают нас: Россия участвует в Конвенции четыре года, а принято всего два решения по существу. Это действительно так, но за это же время мы получили 12 210 жалоб, из которых 4386 признаны неприемлемыми. То есть, решения состоялись. Надо набраться терпения, и процесс пойдет. Уже по сотне с лишним жалоб запросы направлены в правительство, и правительство дало ответы на них. В ближайшее время число решений резко возрастет.

К сожалению, Европейский суд иногда используют в качестве пугала: не решите дело в мою пользу, подам жалобу в Страсбург. Такого рода жалобы у нас есть от Гусинского, Климентьева, Быкова. Но обращение за защитой в Европейский суд не должно означать, что мы становимся некой четвертой инстанцией. Мы не являемся вышестоящей инстанцией по отношению к национальным

*Важнейшее достижение
послевоенного периода истории в том,
что индивид стал субъектом
международного права.*

*Он больше не заложник своего государства
и может обращаться за защитой
в международные организации –
в том числе, и в Европейский суд
по правам человека*

судам. Европейский суд – субсидиарное, дополнительное средство правовой защиты, к которому гражданин обращается, исчерпав национальные возможности (право на кассацию и апелляцию). Он принимает к рассмотрению те дела, по которым есть решения национальных судов и признаки процессуальных нарушений в этих решениях. Суд вправе указать на эти нарушения, и, если констатация не может устранить послед-

ствия нарушений (например, человек уже несколько лет без вины провел в заключении), то может присудить денежную компенсацию. Здесь тоже была проблема перевода, поскольку в прежнем русском варианте было написано «суд выплачивает компенсацию». Чаще всего суд считает, что сама констатация является достаточной компенсацией. Это особенно касается дел, связанных со свободой слова, свободой ассоциаций, свободой совести, когда людям важна не столько материальная компенсация, сколько признание нарушенного права. Если же мы присуждаем компенсацию, то выплачивает ее государство. Например, за год задержки выполнения решения – 1500 евро.

Для Европейского суда невыполнение судебного решения является незавершенностью судебной процедуры. Право, обретенное гражданином Бурдовым в Шахтинском городском суде, для нас – священное право, *lex judicata*, и его нельзя отобрать. Именно поэтому неисполнение этого решения мы оценили как серьезное нарушение и наложили штраф в 3000 евро. Правда, сам гражданин счел такую сумму недостаточной и обжаловал решение в Большой палате. Но палата отказала ему в рассмотрении, сочтя его требования чрезмерными. Как видим, даже лица, в отношении которых Европейским судом дела решаются в их пользу, часто бывают недовольны судом и судьями. Тем не менее, «караван идет».

Сейчас Европейский суд оказался в ситуации, когда он может стать жертвой собственного успеха. Количество жалоб, поступающих к нам из всех стран, ежегодно возрастает на треть. В 2001 году их было 28 тысяч, в 2002 – 35 тысяч, и это на 41 судью и 120 юристов. Например, я являюсь докладчиком по 620 делам за семестр. Предлагаются различного рода методы повышения эффективности суда. В частности, есть предложение вернуться к «двухэтажной» системе, когда был фильтр в лице комиссии по правам человека, и в суд поступали только те дела, которые признавались приемлемыми. Но при такой системе мы дискриминируем своих граждан, поскольку отказываем им в судебном рассмотрении их заявлений. Другой вариант – создание региональных судов, как промежуточной инстанции между национальными суда-

ми и Европейским судом. Но тогда нарушается единство подхода. Увеличивать же число юристов до бесконечности невозможно. Одно из наиболее реализуемых решений состоит в том, чтобы не только увеличить штат юристов (что необходимо), но и ввести упрощенный порядок «клонированных» дел — то есть дел, аналогичных тем, по которым решения уже принимались. Нужна также инициатива национальных инстанций, их предложения по решению проблемы.

С такой инициативой уже выступила, в частности, Италия, где в 2001 году был принят закон Пинто, по которому Кассационный суд Италии принимает от Европейского суда обратно жалобы, касающиеся длительности процедуры — такие жалобы составляют 90 процентов от всех итальянских жалоб. Франция внесла большие изменения в иммиграционное законодательство. Великобритания изменила порядок рассмотрения дел несовершеннолетних. Россия тоже пошла на некоторые меры: под влиянием практики Европейского суда в новый Уголовно-процессуальный кодекс внесены радикальные изменения, в том числе, о рассмотрении дел по вновь открывшимся обстоятельствам, в связи с решениями Конституционного суда или Европейского суда по правам человека (статьи 413 и 414 УПК). То есть страны реагируют на наши решения и стараются их выполнять.

Важнейшее достижение послевоенного периода истории в том, что индивид стал субъектом международного права. Он больше не заложник своего государства и может обращаться за защитой в международные организации — в том числе, и в Европейский суд по правам человека.

Йозеф Бойс. Гомогенная инфильтрация. 1966

*Кэрол Пизли,
директор Московского бюро
Агентства
по международному развитию
(США)*

Международная помощь развитию гражданского общества

Много лет работая в Агентстве в разных странах, я видела, насколько успех поддерживаемых нами программ зависит от политики и от хорошего управления государством. Технические решения сами по себе никогда не бывают эффективными, они работают только в политическом контексте. Не уверена, что смогу дать четкое определение «хорошему управлению», но я знаю, что плохое управление привело к провалу многих программ развития, из-за чего пострадали многие люди как в бывшем Советском Союзе, так и в Европе, Азии, Латинской Америке, Африке, Северной Америке.

Агентство по международному развитию (USAID) — это ведущее правительственное ведомство США, осуществляющее программы экономической помощи за рубежом, более чем в 70 странах по всему миру. Наша главная задача — содействие экономическому росту всего мира. После падения Берлинской стены мы работаем в Восточной Европе и с 1992 года — в России. Мы поддерживаем переход России к сильной демократии, основывающейся на рыночной экономике, интегрированной в глобальную экономику. Для этого принципиальное значение имеют федерализм и местное самоуправление, поэтому мы много работаем на региональном и местном уровне.

По опыту истории США мы знаем, что федерализм и местное самоуправление не только теоретические вопросы. В Америке дебаты о разделении полномочий между нацией, штатами и муниципалитетами легли в основу демократической системы, существующей уже более 200 лет. Эта проблема была актуальной уже в конце XVIII века, когда будущие президенты Джеймс Мэдисон и Томас Джефферсон спорили о правах штатов. В середине XIX века эта дискуссия приобрела деструктивный характер, доведя до гражданской войны между Севером и Югом. Но она оставалась и остается жизненно важной для развития американской демократии. Вопрос о балансе власти между федеральным, штатным и местным уровнями возникает в каждой кампании по выборам президента, да и в любой другой избирательной кампании — от национальной до местной.

Независимо от того, какая точка зрения на федерализм господствует в каждый конкретный момент, все американцы признают, что местное управление — это сердце демократии. Американские политики часто вспоминают слова бывшего спикера палаты представителей США Типа О'Нила: «Любая политика — местная политика».

Это также выражается в высокой степени развития гражданской активности в местных общинах Соединенных Штатов. Это и участие в работе местных советов и школьных советов, и мобилизация общин на борьбу с подростковой наркоманией, и добровольная помощь библиотекам и так далее. Такая деятельность стимулирует требовательность граждан к работе местных органов управления в таких вопросах, как качество школьного образования, поведение полицейских, даже уборка снега на улицах. Бывали случаи, когда политики лишались своих должностей из-за того, что не справлялись с уборкой снега! Глубоко в сердце каждого американца огромное уважение к местному управлению, местным инициативам и гражданскому обществу.

Мы считаем местное управление самым сильным проявлением гражданского общества, главной гарантией демократии и необходимым противовесом центральной власти. В этом едины и либеральные демократы, и консервативные республиканцы, и все остальные. У нас много разногласий по проблемам налогообложения, по вопросам соотношения полномочий федерации и штатов, но мы все уверены в необходимости распределения власти по уровням и взаимодействия государства и гражданского общества. Эти фундаментальные принципы американской демократии оказывают решающее воздействие на работу USAID во всем мире, включая Россию. Правительство США начало

осуществлять ряд совместных научных и культурных программ с Советским Союзом еще в 70–80-х годах. С распадом СССР в декабре

решение реформ. USAID стало заниматься политическими вопросами преимущественно на региональном и местном уровнях. Мы предполага-

Мы считаем местное управление самым сильным проявлением гражданского общества, главной гарантией демократии и необходимым противовесом центральной власти

1991 года США, в сотрудничестве с другими странами Большой Семерки и международными финансовыми институтами, начали помогать экономическому и политическому преобразованию Российской Федерации. В значительной мере эта помощь направлялась на обеспечение безопасности хранения и уничтожение ядерного оружия и других видов оружия массового поражения. Кроме того, осуществлялась гуманитарная помощь. Программы USAID в начале также были сосредоточены на экономической реформе, прежде всего в сферах приватизации и развития фондового рынка. Многие из этих программ (в частности, по приватизации жилья) осуществлялись в сотрудничестве с муниципалитетами. Мы также много занимались проблемами налогообложения, включая вопросы межбюджетных отношений центра, регионов и муниципалитетов.

Когда экономические реформы стали тормозиться Государственной думой в середине 90-х, стало ясно, насколько важно политическое изме-

ли, что развитие демократии в регионах поможет быстрее сформировать национальный консенсус по вопросам экономических реформ.

Повторю, что дискуссии о федерализме в США все еще продолжаются. У нас нет окончательных и неоспоримых ответов на вопрос, каким должно быть соотношение центрального и местного управления. Каждое следующее поколение пересматривает сложившийся баланс в соответствии с веяниями времени. Такой же напряженный процесс происходит и в России, хотя содержание дискуссий здесь отличается от того, что мы наблюдаем в США. Во многом это происходит из-за уникальности российского исторического опыта. Но при всех различиях есть один базовый принцип, одинаково верный для обеих стран: необходимость многообразия демократических институтов.

USAID работает со многими гражданскими институтами в России. Остановлюсь на двух наших партнерах. Это — Институт городской экономики и Центр фискальной политики. Оба они занима-

ются проблемами, имеющими сегодня определяющее значение для региональных и местных органов власти. Это вопросы о том, как собирать и расходовать деньги, учитывая, что финансы составляют основу федерализма. Они влияют на повседневную жизнь граждан, хотя многие экономисты и оспаривают тезис о том, что сильной экономике нужно сильное государство.

Сильная рыночная экономика может существовать только там, где государство способно эффективно обслуживать общество, то есть защищать жизнь и собственность граждан, осуществлять администрирование и охрану правопорядка, обеспечивать качественное здравоохранение и образование, соответствующим образом регулировать финансовые системы, поддерживать работу транспортной инфраструктуры. Эффективное исполнение этих функций возможно только в том случае, если государственные органы соответствуют трем основополагающим условиям. Во-первых, они действуют по единым приемлемым стандартам. Во-вторых, четко разграничены сферы их ответственности. В-третьих, каждая функция должна быть финансово обеспечена. И, поскольку, действия государства и финансовые отношения между его уровнями столь важны для повседневной жизни людей, ключевое значение имеет развитие сильной демократии.

Инструментальное назначение демократии — обеспечивать подотчетность чиновников, в том числе и за качество

предоставляемых ими услуг. Но чиновники никогда не обеспечат качество, если у них не будет ресурсов для выполнения их функций. А ресурсов не будет, пока нет ясности в понимании механизма управления и не разрешены спорные проблемы. Институт городской экономики и Центр фискальной политики при поддержке USAID как раз и занимаются решением этих вопросов, и играют в этом важную роль как на федеральном, так и на местном уровне. Оба института также активно участвовали в работе комиссии Козака, которая занималась проблемами разграничения полномочий между уровнями власти.

В Центре фискальной политики была создана межрегиональная рабочая группа, сформировавшая реестр функций региональных властей. Она выявила и подсчитала все нефинансируемые федеральные мандаты, а также определила цену всех существующих функций для каждого уровня управления. Оказалось, что для полного финансирования социальных законов требуется в три раза больше средств, чем предусмотрено бюджетом.

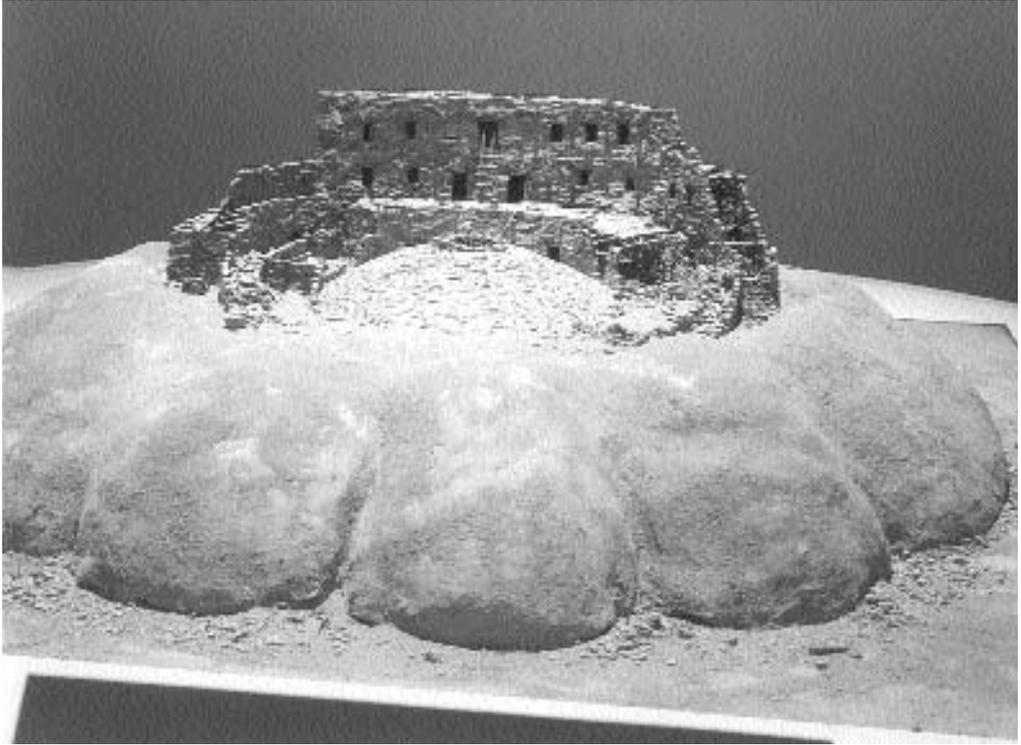
Институт городской экономики занимается проблемами законодательного обеспечения местного самоуправления. Он оказал большую помощь комиссии Козака, в организации общественной дискуссии о местном самоуправлении. Они помогли привлечь к участию в диалоге НГО, региональных и муниципальных лидеров, журналистов. Хотя никто не был полностью

удовлетворен финансовыми рекомендациями комиссии Козака, но усилия Института городской экономики помогли сделать ее работу более открытой, а это хорошо для развития демократии.

Проводя дискуссии по таким вопросам, Институт городской экономики и Центр фискальной политики также продемонстрировали, что вопросы развития федерализма и местного самоуправления — это вопросы повседневной жизни людей не в меньшей степени, чем идеологические принципы.

В дискуссии о федерализме очень важную роль играют также организации гражданского общества. Содействие большему включению гражданского общества в политический процесс и процесс управления является центральным элементом поддержки российского экономического и политического транзита со стороны USAID. Многие из наших российских партнеров — от Института городской экономики до Сибирского центра гражданских инициатив — налаживают диалог между гражданами и государственными чиновниками. Они работают с муниципалитетами и местными сообществами по всей стране, помогая им повысить ответственность перед гражданами и качество предоставляемых услуг.

Развитие гражданского общества в партнерстве с органами местного самоуправления, НГО и бизнесом находится в центре работы USAID в России. Если кратко сформулировать цель нашей работы, она состоит в укреплении гражданского общест-

Чарлз Саймендз. Постройка для исчезнувших людей. 1972

ва в широком смысле слова. Гражданское общество для нас — это основополагающий элемент демократии. Оно является противовесом централизованной власти. А совместная деятельность граждан в местных сообществах может создать хорошее управление, о котором я упоминала в начале. Управление, которое охраняет фундаментальные экономические, социальные, политические и гражданские права людей. В качестве иллюстрации к тому, о чем говорилось выше, перечислю некоторые из форм нашей помощи для укрепления гражданского общества. Мы помогаем становлению предпринимательских ассоциаций в регионах, лоббирующих лучшие политические условия для бизне-

са. Содействуем созданию экономических «мозговых центров», объективно анализирующих ситуацию и предлагающих обществу варианты политических решений. Развиваем небанковские кредитные организации для малого бизнеса. Укрепляем сети НГО, включая организации, наблюдающие за ходом местных выборов. Реализуем программы местных сообществ, направленные на помощь семьям, содействуем независимым средствам массовой информации, особенно в развитии СМИ, как бизнеса. Мы стимулируем развитие местных экологических движений, помогаем получать гранты для местных проектов, для деятельности по защите прав человека и юридической помощи. Со-

действуем становлению многопартийности и честных выборов. Все эти виды деятельности осуществляются в тесном сотрудничестве с органами местного самоуправления.

И мы помогаем таким институтам, как Московская школа политических исследований, стать значимыми факторами в строительстве российской демократии. Все мы в USAID с огромным уважением относимся к Школе и ее работе. Школа и ее слушатели представляют собой лучшее, что есть сегодня в российском гражданском обществе. Они — лучшие гарантии демократического будущего вашей страны.

*Перевел с английского
Всеволод Югов*

Романтический чиновник эпохи политического прагматизма

СЕРГЕЙ НЕГАНОВ

стал чиновником, успев побывать и в «шкуре» редактора, и в роли борца за демократию.

Неформал

ИТАК, ОН БЫЛ СТУДЕНТОМ и музейным работником. Время было самое что ни на есть горячее. Горячее и романтическое. Именно: конец восьмидесятых. История умалчивает, насколько его усидчивость была оценена университетскими преподавателями. Неганов и сам об этом скромно умалчивает. Ибо львиную долю его жизненного времени тогда занимала политическая *теория* в отделе советской истории Пермского краеведческого музея

по теме «Современная общественно-политическая жизнь». И политическая же *практика* в неформальных объединениях сугубо демократического толка: клуб «Диалог», Пермский городской клуб избирателей — первые ростки свободолюбия, вокруг которых начали «кучковаться» партии.

Активный участник демократической тусовки, историк Сережа Неганов ни к какой из партий не примыкал, занимая независимую позицию исследователя и сохраняя чистоту эксперимента. В Клубе избирателей, как водится, спектр настроений был самым разнообразным — от фанатов Виктора Цоя до активистов общества «Память». И к тем, и к другим, и к собственно демократам молодой исследователь Сергей Неганов относился дружелюбно: «Опасных там не было».

Экзамен на «демократию» пермские демократы, как и вся Россия, проходила в августе 1991-го. В том числе и Сергей Неганов, продолживший свои исследования не только методом включенного наблюдения, но и личного участия. В клубе избирателей стихийно и логично самоорганизовался «Штаб сопротивления». Работы хватало: листовки, митинги — и полная неизвестность впереди. У Неганова расширились глаза, когда на пороге появились поклонники Цоя, традиционно вооруженные баллончиками с краской: «Давайте тексты —

мы будем писать воззвания за демократию». Когда вслед за этим в помещение протиснулись широкоплечие мужики из «Памяти», Неганов просто был в шоке, этих-то что подвигло? «Мы тут посовещались, если на Колыму, так в одном вагоне поедem».

«Если когда-то реально демократия и существовала в России, то именно в эти три дня», — возможно, напишет когда-нибудь Сергей Неганов в своей будущей диссертации.

После путча в Перми начала выходить газета «Пермские губернские ведомости». Сдается, что это была первая частная газета Прикамья. Редактором оной оказался Сергей Неганов. Это был один из многочисленных романтических проектов университетских историков. Договорились «на берегу», что деньги на издание — только за счет собственного бизнеса. Никаких спонсоров, и в силу этого — полная независимость. Работая — вернее, живя — редактором, Неганов продолжал оставаться исследователем новейшей истории и активнейшим участником все еще демократической тусовки.

Газета просуществовала ровно до либерализации цен образца 1992 года, после которой умерла, так как одного энтузиазма для издания уже не хватало. После этого Неганов, только что окончивший истфак, стал чиновником. Тоже исключительно из романтических убеждений. Ибо тогдашний городской глава, (ныне, к сожалению, покойный) Владимир Филь осознал необходимость диалога с демократами. Разнопартийные, они чуть было не перессорились, выдвигая каждый своего человека на должность советника мэра по взаимодействию с политическими партиями, движениями, общественными организациями. К счастью, вовремя вспомнили про непартийного Неганова, которому и было поручено «внедрять демократию во власть».

Смена режима

Так у Неганова началась *сплошная практика*. Впрочем, мысли о диссертации он не забросил. Более того, при активном содействии городских властей в Пермском университете, в одном из первых в России, появилась специальность «политология».

Шеф Неганова, Владимир Филь — руководитель, состоявшийся еще при социализме, прошедший самые тяжелые времена с пустыми полками магазинов, продуктами по карточкам и табачными бунтами, был истинным и рьяным хозяйственником, но отнюдь не политиком.

Потом на смену романтическому хозяйственнику Филю пришел человек новой формации — Юрий Трутнев. Неганов ушел из городской администрации вместе с шефом. Спустя четыре года, Трутнев стал губернатором. Сергей Неганов в это время работал уже в областной администрации — заведующим сектором. Однако, вопреки ожиданиям, новый губернатор, привыкший расставлять на ключевые посты своих людей, не торопился искать Неганову замену.

«В России произошла смена политических режимов. Десять лет существовал режим политического романтизма, который олицетворял Ельцин. Например, возьмем партстроительство: партии не были нужны той системе, но признавались и поддерживались государством из чисто романтических убеждений. Теперь — время режима политического прагматизма. Путин оказался адекватен именно этому периоду. И здесь вопрос по отношению к тем же партиям ставится иначе: для чего? Партии становятся частью государства. Государство и население общается через партии.

Пермская область, в отличие от многих других регионов, оказалась абсолютно адекватна этому процессу. На смену хозяйственным романтикам пришел прагматичный и харизматичный политик Юрий Трутнев, вполне соответствующий своему времени».

Так или примерно так напишет Сергей Неганов в своей будущей диссертации. А за кадром оставит ненаучную, то есть сугубо личностную оценку своей роли в периоде политического прагматизма в Пермской области:

— Себя я все-таки отношу к романтикам. Я вышел из того времени. Но не считаю себя старым, чтобы суметь воспринять новую эпоху.

Что ж, понять — это уже наполовину принять.

Школа

В Московскую школу политических исследований Неганов попал случайно и, разумеется, не случайно. Середина 90-х, общение с политиками первого звена, статусными европейскими и американскими личностями, возможность увидеть картину происходящего глазами тех, кто делает политику, увидеть ситуацию изнутри. Но главное — это общение, совершенно уникальная атмосфера, стиль взаимоотношений, какого нигде больше не бывает. «Это уникальнейшая площадка для общения. Я откровенно скажу — я просто влюблен в Школу».

Наверное, он не думал о Школе — вернее, не думал, что должно получиться, как в Школе, — когда вместе с коллегами и единомышленниками затеял создать Пермскую ассоциацию политических менеджеров. Больше, наверное, думал о том, как бороться с черным пиаром во время выборов. Незнание или плохое знание друг друга у акул политического пиара рождало мифы, слухи, подозрения. Накручиваясь, все это порождало мифы в квадрате. Познакомиться, посидеть рядом, пообщаться — и мифы начинают разрушаться. Одно дело — уничтожать виртуального соперника, совсем другое — «мочить» реального, с которым вчера пил чай и обсуждал актуальные проблемы выборного законодательства.

Может быть, тоже романтизм. Но при этом, Неганов ощущает это почти физически, есть некая сопряженность со Школой. И смысловые понятия из того же ряда: площадка, общение. «Я понимаю: другой тип, другой уровень, цели иные, но все же...».

Вероятно, Школа тем и уникальна, что, с одной стороны, неповторима, а с другой, вызывает желание воссоздать хотя бы некие элементы своей уникальности. Опять романтизм, вы скажете? А как же иначе? Идеи — за романтиками, реализация — за прагматиками. Хотя...

На вопрос, кем он себя все-таки более всего ощущает в данный момент: чиновником, ученым, или..., Неганов ответил: «Или».

— Я не могу себя ощущать в одной ипостаси. Здесь я чиновник — и я стараюсь быть хорошим чиновником. Когда читаю лекции в университете, я преподаватель — и стремлюсь быть хорошим преподавателем. Также — когда я был редактором или журналистом. Хотя знаю людей, которые, надев на себя маску чиновника, продолжают оставаться таковыми везде и всегда: и дома, и на работе, и в компании.

Собственно говоря, тоже — очень романтическое объяснение, не правда ли?

Демократия и налогообложение

Гражданин демократической страны обязан платить налоги, чтобы у государства были средства для выполнения своих обязанностей. Сегодня существует фундаментальное различие в подходе к налогообложению между США и Европой. В Европе налоги рассматривают, как средство справедливого выравнивания благосостояния граждан. Американцы считают, что налоги – это средство поддержания правительства, и стремятся к тому, чтобы оно не было слишком большим и расточительным.

Коалиция «Американцы за налоговую реформу» добивается, чтобы налоги не повышались. Мы хотим, чтобы правительство собирало деньги на свои нужды наименее разрушительным – или, по крайней мере, наименее навязчивым – способом. И предлагаем всем кандидатам, баллотирующимся на различные выборные должности, подписать обязательство никогда не повышать налоги. На сегодня такое обязательство подписали 42 из 100 сенаторов США, 216 из 435 членов палаты представителей и 1200 из 7420 законодателей штатов. Сдерживая рост налогов, мы также ищем пути реформирования налоговой системы.

Общее налоговое бремя в Соединенных Штатах составляет в настоящее время 30 процентов национального дохода. Тогда как перед второй мировой войной все правительственные расходы составляли около 10 процентов. И я часто спрашиваю себя: не лучше ли было бы, если многое из того, что делает государство, ушло из его ведения? Пенсионные программы, например, гораздо лучше осуществляют частные фонды. Я уверен, что 30 процентов – это вдвое больше того, что нам нужно. Наша стратегическая цель – сократить вдвое налоговую нагрузку в течение ближайших 25 лет, чтобы цена правительства была не более 15 процентов.

Первый урок экономики – спрос и предложение взаимосвязаны. Если цена какого-либо товара растет – например, цена на бензин или нефть – то предложение возрастает, поскольку большее количество людей хочет заработать, продавая бензин и нефть по более высоким ценам. Но в то же время для большинства товаров рост предложения сопровождается обычно падением спроса, так как люди ста-

*Гровер Норквист,
президент коалиции
«Американцы
за налоговую реформу»
(США)*

раются сократить их потребление. Одно из последствий налогообложения — изменение цен. Для нас в Америке налоги — это деньги отданные государству. Если правительство повышает налоги, оно получает больше денег, а у людей, покупающих, скажем, тот же бензин, их остается меньше. И, следовательно, государство становится богаче, а граждане — беднее из-за того, что они платят налоги.

Повторяю, любое повышение налогов ведет к изменению цен на товары, но люди часто забывают об этом. Например, если производство одного галлона бензина стоит два доллара, и налог составляет два доллара, то потребители платят по четыре доллара за галлон, а производители получают те же два доллара. То есть у производителей нет стимула производить больше, так как потребители начинают покупать меньше.

И это относится не только к бензину, но и к стоимости всех товаров, услуг и рабочей силы. Если вы устанавливаете налог на что-либо, то у вас этого «что-либо» становится меньше. Политики и налогоплательщики упускают это из виду. Но на свободном рынке цены говорят кое-что о стоимости труда, услуг, бриллиантов, песка, бензина и прочего. Короче говоря, налоги ведут к удорожанию товаров и услуг, сокращают спрос, не стимулируя рост предложения, и тем самым оказывают разрушительное действие на экономику. Именно поэтому необходимо удерживать налоги на столь низком уровне, насколько это возможно. Конечно, у государства должны быть какие-то деньги, но как много денег ему нужно — это отдельный вопрос. Учитывая, что правительство всегда стремится иметь побольше, а налогоплательщики хотят (во всяком случае, должны хотеть), чтобы оно обходилось минимумом средств. Благодаря демократическому процессу дискуссии об этом идут на всех уровнях государственного управления.

Посмотрим, что произошло в США за последние сорок лет. В 1950 году в Соединенных Штатах уровень налогообложения до-

стигал 90 процентов. Если вы получали, например, доход в 100 тысяч долларов, а затем дополнительный доход в 100 долларов, то правительство из этого сверхдохода забирало себе 90 долларов. Такая политика была ужасным препятствием для людей, стремившихся заработать. Ведь если я получаю сто долларов за сверхурочную работу, и правительство оставляет мне из них только десять, то зачем стараться? Лучше иметь больше времени для отдыха. Таким образом, экономика в целом теряла сотни долларов, так как люди не производили дополнительные товары и услуги.

И то же самое происходит с инвестициями. Предположим, вы вкладываете в свой бизнес тысячу долларов под десять процентов годовых и рассчитываете заработать сто долларов в год. Но при налоговой ставке в 90 процентов вы не получите свою прибыль — государство заберет у вас 90 долларов, оставив только десять. Именно по этой причине в таких странах, как Британия, в 1960 годы покупали много «Мерседесов»: потреблять тогда было выгоднее, чем инвестировать. Купив машину за 20 тысяч долларов, вы должны были платить каждый год только 200 долларов — один процент налога на имущество. Следовательно, высокий налог на заработную плату и инвестиции, заведомо делают более выгодным отдых, а не работу, и потребление более привлекательным, чем инвестиции.

В США мы начали понимать это лишь несколько десятилетий назад, когда в 1963 году, при Джоне Кеннеди, было произведено первое сокращение налогов, их верхняя граница была снижена с 90 до 70 процентов (то есть из заработанных ста долларов вы могли теперь сохранить 30 — стоимость сверхурочной работы и инвестиций утроилась!). В результате в 60-е годы США переживают экономический бум. Следующее снижение налогов произошло примерно через двадцать лет, после избрания в 1980 году президентом Рональда Рейгана. Верхняя граница налоговых ставок на этот раз была снижена с 70 до 50 процентов. То есть

Эдвард Берн-Джонс. Мартовские цветы. Около 1870

при Рейгане государство стало забирать только половину заработанных денег, стоимость сверхурочной работы и инвестиций почти удвоилась. Появилось гораздо больше людей, работающих сверхурочно; резко возрос уровень накоплений и объем инвестиций.

Специалисты говорят, что рабочий день американцев длиннее, чем у французов, поскольку в США работать в субботу гораздо

выгоднее, чем во Франции. Хотя при этом можно, разумеется, отдыхать и в субботу и брать отпуск в августе, как делают французы, это ваше право. Но цена труда и отдыха изменилась — отдыхать стало дороже, также как инвестировать — выгоднее, чем потреблять.

В 1986 году Рейган сделал следующий шаг: верхняя граница налогов была вновь снижена с 50 процентов до 28. И таким обра-

зом, за восемь лет президентства Рейгана уровень накоплений увеличился с 30 до 72 процентов — больше, чем вдвое. Затем президентом был избран Джордж Буш Стар-

Есть две принципиально важные вещи, касающиеся налогообложения.

Во-первых, налоговая система должна быть прозрачной, и, во-вторых, она должна быть как можно менее обременительной

шой, который поднял налоги с 28 до 31 процента, и в 1990 году началась рецессия. Он поднял налоги на заработки и инвестиции, и американцы стали меньше работать и вкладывать, что привело к замедлению экономического роста. При Клинтоне налоги также продолжали расти, их максимальная ставка достигла уже 38,6 процента.

Налоги бывают постоянными и временными, и один из способов ограничения роста налогов — временное налогообложение на период кризиса. Как это происходило в некоторых американских штатах, когда в 90-е годы в них стал расти уровень правительственных расходов. И вместо того, чтобы сокращать их, губернаторы решили ввести новые налоги. Если имеет место временная проблема, то можно прибегнуть к такой мере — на два-три года. Так поступили, в частности, власти Калифорнии во время рецессии 1991 года.

Важный способ ограничения роста налогов в США — голосование квалифицированного большинства (как правило, в две трети) для принятия решения о повышении налоговых ставок. В Калифорнии для принятия такого решения требуется большинство в две трети в обеих палатах законодательства штата. На местном уровне для повышения налогов также требуется большинство в две трети в местных советах или от всего населения города. Либо — это решение принимается на референдуме, поскольку основ-

ной местный налог в Калифорнии на недвижимость, и власти должны быть уверены, что большинство домовладельцев согласны платить повышенный налог.

В других штатах (например, в Колорадо) решение о повышении налогов может быть принято только референдумом. Ни губернатор, ни законодательство, ни мэр, ни местный совет не имеют права повышать налоги. Но они могут обратиться к народу с предложением о введении какого-либо налога, и

тогда решение принимается (либо отвергается) на избирательных участках.

В 24 (преимущественно западных) штатах существует также право гражданской инициативы. Оно означает, что граждане могут собирать подписи под проектом закона или конституционной поправки, которые затем принимаются референдумом в обход законодательного органа. В 1978 году, когда законодательство Колорадо расходовала слишком много денег, именно таким путем был принят закон о сокращении налога на собственность. Было собрано пять тысяч подписей, направленных затем в правительство штата, которое должно было провести референдум. Референдум состоялся, и избиратели сказали закону «да». Таким образом, почти в половине американских штатов граждане могут принимать решения о повышении или сокращении налогов.

Еще один способ ограничения налогов — конкуренция. Главное различие между Европой и Соединенными Штатами в вопросах налогообложения заключается в том, что европейцы пытаются сдерживать налоговую конкуренцию внутри ЕС. Для нас же конкуренция — это существенный инструмент ограничения роста налогов и разрастания правительства. На мой взгляд, когда в Европе, например, в Ирландии, запрещают устанавливать низкие налоговые ставки, которые могли бы способствовать ее экономическому росту, то такая политика

самоубийственна. Это снижает в целом конкурентоспособность Европы в глобализирующемся мире, поскольку она пытается выстроить стены вокруг своей экономики, а не соревноваться с другими странами.

Америка нацелена на конкуренцию — как в мире, так и внутри страны. Поэтому мы приветствуем конкуренцию штатных и местных правительств в создании на своей территории наиболее благоприятного налогового режима. Если рядом находятся два города, в одном из которых, например, выше налоги на спиртное, то люди, естественно, поедут покупать его в соседний город. В некоторых штатах есть налог с продаж, и люди отправляются за крупными покупками в тот штат, где такого налога нет. Вот эта способность людей перемещаться по стране и ставит предел попыткам правительств поднимать налоги. Так города и штаты конкурируют между собой, предлагая товары по более низкой цене. За последние десять лет в США свыше двух миллионов человек переехали из десяти штатов с самыми высокими налогами в десять штатов с самыми низкими налогами.

Например, в штате Массачусетс, где я живу, были самые высокие налоги, и многие люди покинули его. Тогда правительство штата начало сокращение налогов. Штат и город Нью-Йорк также потеряли значительную часть населения из-за высоких налогов, и губернатор штата тоже был вынужден снижать налоги.

Именно конкуренция помогает нам бороться за то, чтобы основные полномочия были не у федерального правительства, а у правительств штатов и местных органов. Ведь федеральное правительство одно, а штатов 50. И, если, например, образованием занимаются штаты, то между ними возникает конкуренция. А если правительство в Вашингтоне — с одним шаблоном для всей страны, то это монополия, которая не может быть полезной.

Заняв пост президента, Джордж Буш (мл.) начал налоговую реформу. На наш взгляд, главная цель этой реформы — изменение

подходного налога. Подходный налог — основной источник доходов государства, и он должен платиться один раз по единой ставке. Сейчас ставка подходного налога колеблется по стране от 10 до 35 процентов, и его платят при получении жалования, вложении денег в какой-либо бизнес, получении дивидендов по акциям и так далее. Поэтому мы добиваемся устранения двойного налогообложения и выравнивания налоговой ставки для всех граждан.

Президент Буш провозгласил задачу ликвидации двойного обложения дивидендов по акциям (когда налог платит и корпорация, и каждый акционер). Он предложил оставить один корпоративный налог, то есть отменить обложение дивидендов на индивидуальном уровне. Это шаг по направлению к установлению единого налога, который платится один раз по одинаковой для всех ставке, поскольку это проще, справедливее и прозрачнее. Есть две принципиально важные вещи, касающиеся налогообложения. Во-первых, налоговая система должна быть прозрачной, и, во-вторых, она должна быть как можно менее обременительной.

Стоит также сказать, что в США есть налоги, для сбора которых правительству нужна полная информация о гражданине. Например, чтобы собирать налог на наследство, правительство хочет знать все об умершем: сколько у него было автомашин, сколько денег на банковских счетах, сколько и каких акций, и даже, сколько у него золотых зубов. Но правительство не должно иметь права на сбор такой информации, это не его дело, какие акции принадлежат частным лицам.

Налоги влияют на изменение цен и меняют экономическое поведение людей. И наша коалиция последовательно выступает за налоговую реформу, чтобы налоги не мешали людям работать, копить и инвестировать.

*Перевел с английского
Всеволод Югов*

«*Commentary*»

Норман Подгорец,
председатель редакционной коллегии журнала «*Commentary*»

Ежемесячный журнал *Commentary* издается Американским еврейским комитетом. Задача журнала — публикация исследований и мнений по еврейским проблемам, а также по актуальным проблемам современности. Принципиальная позиция журнала: мнения и взгляды, выражаемые его авторами и редакторами, не всегда могут совпадать с позицией Комитета. Комитет поддерживает журнал в соответствии со своей программой просвещения и обсуждения проблем, волнующих еврейское сообщество, выступая против нетерпимости, с целью защиты еврейской культуры и ее развития в Америке. Однако *Commentary* является не только и не столько журналом еврейской общины, сколько одним из ведущих американских аналитических и мировоззренческих изданий. Он широко известен в США благодаря публикации на его страницах острых очерков по политическим и международным проблемам, статей по истории и религии, естественным наукам, искусству, литературе, кино. Особой популярностью пользуется в журнале раздел писем и комментариев читателей по самому широкому кругу вопросов.

Commentary выходит с 1945 года. Первоначально это было издание леволиберального направления. Однако в 60-е годы его ориентация резко изменилась, когда в 1960-м журнал возглавил Норман Подгорец — выдающийся публицист, редактор и литературный критик, которому в то время было 30 лет. Выходец из бедной еврейской семьи, Подгорец окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке и Кембриджский университет в Англии. В начале своей творческой деятельности он входил во влиятельный леволиберальный кружок (наряду с такими известными интеллектуалами, как Ханна Арендт, Алек Гинзберг, Норманн Мейлер и другие). Но затем порвал с левыми и стал одним из ведущих идеологов американского неоконсерватизма.

За свою долгую творческую жизнь Н. Подгорец написал девять книг и множество статей по социальным, культурным, политическим проблемам. Под его руководством *Commentary* стал одним из самых влиятельных консервативных журналов в США. Оставив пост главного редактора в 1995-м, в настоящее время он является научным сотрудником Гудзоновского института (читает лекции в университетах, часто выступает в телевизионных программах), оставаясь при этом председателем редакционной коллегии *Commentary*.

Тщетность сдерживания*

Роберт Либер,
профессор Джорджтаунского университета (США)

Независимо от того, во что выльется наша конфронтация с Ираком, использование силы против Саддама Хусейна будет обсуждаться в течение долгих лет. Любое военное решение влечет за собой риск и непредсказуемые последствия. В данном случае мы имеем многомесячную и часто острую дискуссию, вплоть до решительного сопротивления демократических союзников Америки, что требует постоянной переоценки. Эти строки пишутся в начале марта. Но уже сейчас понятно, что если мы войдем в Ирак и добьемся быстрой победы, критики американской акции едва ли откажутся от своей позиции. Даже если все пойдет хорошо, многие будут упорно настаивать на том, что такого же или лучшего результата можно было бы достичь без применения вооруженной силы, а гораздо меньшей политической и дипломатической ценой.

Кроме болотной лихорадки крайне правых и крайне левых, помимо сплоченных рядов ревностных демонстрантов за «мир», скандирующих «нет-крови-за-нефть», помимо бредовых тирад «ось нефти и евреев» и воплей о том, что иракский кризис создан Израилем и интригами его американских сторонников — есть и более реалистические возражения против военной акции. Эти возражения выдвигаются людьми, не страдающими антиамериканскими рефлексамми и не строящими иллюзий в отношении саддамовской тирании, его программ производства оружия массового уничтожения и пренебрежения ООН. Вместо этого они апеллируют к альтернативному и, на их взгляд, более предпочтительному подходу: сдерживанию.

Во многих отношениях, в основе дебатов вокруг Ирака лежит будущее этой основополагающей доктрины времен «холодной войны». Каким бы ни был исход конкретной операции, настоящий вопрос, который решается — что означает сдерживание для мира, в который мы вступили после 11 сентября 2001 года.

Приверженцы модели сдерживания декларируют ее в программе «Час новостей» на PBS и в телевизионных ток-шоу, в редакционных статьях крупнейших газет и в аналитических журналах. Многие из них занимают важные посты в университетах, фондах, исследовательских центрах; их идеи представлены в конгрессе. Среди них видные демократы — лидер меньшинства в палате представителей Нэнси Пелози, сенаторы Карл Левин из Мичигана и Джей Рокфеллер из Западной Вирджинии, кандидат в президенты Ховард Дин из Вермонта, а также ряд республиканцев. В их рядах состоят также бывшие руководители вооруженных сил, за исключением тех, кто уже воевал с Ираком, как, например, Норманн Шварцкопф и Уэсли Кларк.

Среди этих критиков представлены разные школы, и много различий в терминологии. Некоторые, например, призывают к «принудительным инспекциям» в Ираке (термин из доклада фонда Карнеги), другие — к «бдительному сдерживанию» (группа специалистов по международным отношениям во главе с Джоном Миршеймером из Чикагского университета и Стивеном Уолтом

* Robert J. Lieber. *The Folly of Containment*. // *Commentary*, April 2003 (публикуется с сокращениями).

из Гарварда). Выдвигая свои альтернативы войне, многие из них выдвигают суровые предостережения относительно ужасных рисков вооруженного конфликта, включая возможность использования Саддамом оружия массового уничтожения; другие предсказывают хаос и кровопролитные междоусобицы в постсаддамовском Ираке и говорят об угрозе полного крушения международной дипломатии. Выдающийся адвокат сдерживания Стэнли Хоффман из Гарварда — и не он один — предостерегает, что мы разожжем конфликт между Израилем и палестинцами «раньше, чем перевернем Ирак».

Ну а последний аргумент состоит в том, что политика сдерживания — «искусное и бдительное противодействие посредством постоянно меняющихся... политических действий», как определял ее Джордж Ф. Кеннан в 1947 году, — по-прежнему применима в Ираке, и что администрация Буша в своей решимости начать войну не дала ей проявить свою адекватность. Приводя свои аргументы, критики обращаются к истории и опыту. Они утверждают, что США были вполне способны сдерживать Саддама в прошлом, поэтому должны действовать также в настоящем и стремиться к этому в будущем.

Например, Миршеймер и Уолт, оглядываясь на прошлое, доказывают, что Саддам «не безумно агрессивен и безрассуден», поскольку за 30 лет он начал «всего» две войны. Более того, решение Саддама атаковать Иран в 1980 году было принято, с их точки зрения, по соображениям безопасности, и даже вторжение в Кувейт в августе 1990-го объясняется, скорее, «попыткой преодолеть уязвимость Ирака», которая обнаружилась в войне с Ираном. Объясняя, почему Саддама не могли сдержать ни резолюция Совета безопасности ООН, ни концентрация американских войск у его дверей, Миршеймер и Уолт говорят, что иракский диктатор не верил в то, что США пойдут на открытый конфликт, прежде всего, из-за страха перед человеческими потерями.

Другие авторы, изучавшие положение дел в Ираке после войны в Заливе, предлагают другое доказательство эффективности политики сдерживания. Они утверждают, что, по меньшей мере, до 1998 года, когда первая команда инспекторов ООН была выслана из страны, соединение инспекций и экономических санкций существенно уменьшило возможности Саддама, развалило его ядерную программу и серьезно ослабило его армию.

Что же касается поведения Саддама в последнее время, то, по словам Шибли Телами из Мэрилендского университета, его связывает собственная рациональность: режим Саддама «жестокый, но не самоубийственный». И то же самое говорится по поводу обладания им оружием массового уничтожения (ОМУ): «Ирак воздерживался от применения этого оружия, — пишет активист Тодд Гитлин, — из-за режима сдерживания».

Эту идею разделяет и группа из 33 профессоров, подписавших письмо, опубликованное в «Нью-Йорк Таймс» в сентябре 2002 года. Хотя они признают, что «война иногда необходима для защиты национальной безопасности или других жизненных интересов», это не относится к Ираку. Среди их доводов: нет доказательств, что Ирак сотрудничает с Аль-Каидой; война с Ираком отвлечет нас от войны с терроризмом; и, главное, даже если у Саддама есть, наряду с ядерными возможностями, химическое и биологическое оружие, мы можем успешно удерживать его от использования этих возможностей. А те же Миршеймер и Уолт пишут, что «Соединенные Штаты могут эффективно сдерживать Ирак — даже если у него есть ядерное оружие — как они сдерживали Советский Союз во время «холодной войны». В подтверждение они напоминают, что Саддам «никогда не использовал ОМУ против тех врагов, которые могли дать сдачи». И сейчас, согласно критикам, есть сдерживающий фактор — ин-

спекция ООН во главе с Хансом Бликсом. Все, что нужно, говорят они, это усилить режим инспекции.

Есть ли что-нибудь в этих аргументах? Давайте посмотрим на двенадцатилетний опыт санкций и инспекций ООН, которые критики прославляют как успешные. В 1991 году, после изгнания иракцев из Кувейта и окончания войны в Заливе,

Совет безопасности ООН принял резолюцию № 687, основанную на 7 главе Хартии ООН, и все еще действующую. Она обязывала Ирак уничтожить все имеющиеся у него запасы ОМУ, свернуть программы разработки химического, биологического и ядерного оружия, а также ракет радиусом действия более 150 километров, и сотрудничать с инспекторами

Неверно читая историю и не понимая характера и действий Саддама Хусейна, критики закрывают глаза на главное, что террористы и государства, их поддерживающие, способны совершать массовые убийства без малейших колебаний и моральных сомнений

ООН в обнаружении и уничтожении такого оружия. В дополнение к этому экономические санкции против Ирака, введенные после его вторжения в Кувейт, были сохранены до полного разоружения. Наконец, США, Британия и — на некоторое время — Франция взяли под охрану бесполетные зоны к северу от 36 и к югу от 33 параллели. Не секрет, что эта система рухнула.

Чем слабее становилось международное давление, тем сильнее была обструкция инспекции со стороны Саддама. В конце концов, в 1998 году инспекторам пришлось покинуть страну. Затем, после долгих переговоров между ООН и Багдадом был выработан новый план проверок, гораздо более мягкий, во главе с Хансом Бликсом, который был более приемлемой для Ирака фигурой, чем его предшественник Ричард Батлер. Причины очевидны: именно Бликс, в бытность свою главой Международного агентства по атомной энергии в 80–90-х годах, заверял, что Ирак не нарушает договор о нераспространении. Это позволило Багдаду развивать свою ядерную программу под носом у чиновников МАГАТЭ вплоть до 1991 года, когда инспекторы ООН обнаружили один из ядерных центров Саддама.

Только после 11 сентября, когда стало ясно намерение администрации Буша использовать силу против Ирака, инспекторы ООН получили возможность вернуться. Совет безопасности ООН 8 ноября 2002 года принял резолюцию № 1441 — семнадцатую в долгой череде бесплодных требований ООН, чтобы Саддам выполнил свои обязательства по разоружению. Эта резолюция дала Ираку 30 дней на окончательную ликвидацию своих программ вооружения. Через 30 дней Ирак представил доклад на 12 тысячах страниц, в котором живо утверждал, что программ ОМУ больше не существует. А 27 января этого года Бликс сделал заключение, что «Ирак не хочет искренне сотрудничать даже сейчас», и под рубрикой «неучтенное» указал 6500 химических бомб, запасы нервно-паралитического газа VX, споры сибирской язвы, 3000 тонн химикатов, 360 тонн заготовок для химического оружия, тысячи средств доставки такого оружия. На все это Саддам ответил со столь поразительным цинизмом, что не мог не вызвать гнева ООН, — но не вызвал.

Неверно читая историю и не понимая характера и действий Саддама Хусейна, критики закрывают глаза на главное, что террористы и государства, их поддерживающие, способны совершать массовые убийства без малейших колебаний и моральных сомнений. Если бы у людей, планировавших теракты 11 сен-

тября, были возможности, они, не задумываясь, пустили бы в ход оружие массового уничтожения.

В отношении Ирака подход США ясен: Саддам Хусейн и его режим должны быть разоружены и низложены до того, как смогут полностью доминировать в регионе Персидского залива и на всем Ближнем Востоке или как-либо еще угрожать жизненным интересам Соединенных Штатов, при прямом или косвенном участии террористов. Степень связей Саддама и Аль-Каиды часто ставится под вопрос, однако, у американской администрации есть доказательства того, что один из ее лидеров Абу-Мусаб Заркави и его окружение скрывались на территории Ирака. А бен Ладен, хотя и называл лидеров иракской правящей партии «Баас» неверными, одновременно утверждал, что «интересы мусульман и социалистов пересекаются в битве против крестоносцев».

Но и помимо Аль-Каиды, у Ирака есть долгая история связей с террористическими группами. Багдад создал райские условия для знаменитого Абу-Нидаля, который, вероятно, слишком много знал, а потому в прошлом году был найден «застрелившимся». Иракцы помогли созданию террористической базы в Салман-Паке под Багдадом. И не забудем попытку иракцев убить президента Джорджа Буша Старшего во время его приезда в Кувейт в апреле 1993-го.

Сторонники сдерживания привычно твердят, что использование силы против Ирака создаст опасность отвлечения сил от кампании против Аль-Каиды. Но на самом деле все наоборот. Падение Саддама не только положит конец иракской военной, финансовой и политической поддержке Аль-Каиды и других террористических групп, но и станет грозным предупреждением государствам, поддерживающим терроризм. Прочитую еще раз такой авторитетный источник, как Усаму бен Ладена: «Когда люди видят сильную лошадь и слабую лошадь, они предпочитают сильную».

В современном мире долговременные возможности сдерживания террористов и разбойничьих режимов невелики. Конечно, принять решение о применении силы всегда не просто, но очевидно, что лучше атаковать Саддама Хусейна до того, как у него будет ядерное оружие, чем после его появления. Отказ от действий будет дорого стоить не только региону, но и всему миру. В этом случае мы получим более агрессивный и самоуверенный Ирак, оплот мирового терроризма, с которым рано или поздно все равно придется воевать. Использование силы создает не только риски, но и возможности. Низложение иракского режима нанесет серьезный удар по арабским и мусульманским ретроградам, отвергающим любое реалистическое предложение по достижению мира и сосуществования с Израилем. Кроме того, успешное применение американской мощи и престижа может стимулировать изменения в арабском мире, укрепив тех, кто пытается повернуть арабов к современности.

В конце концов, поиск альтернатив применению силы обнаруживает недостаток воображения — упрямое нежелание, даже после 11 сентября, видеть, что означает оружие массового уничтожения в руках таких чудовищных фигур, как Саддам Хусейн или Усама бен Ладен. В свете столь угрожающей реальности, отказ от использования силы может лишь означать выбор в пользу большего зла. Как написал самопровозглашенный «ястреб» Билл Келлер в «Нью-Йорк Таймс»: «В краткосрочной перспективе война опасна. А в долгосрочной — миру угрожает не меньшая опасность». Это подходящая эпитафия утраченному — и не скоро восстанавливаемому — миру, в котором господствовала доктрина сдерживания.

*Перевел с английского
Юрий Гиренко*

Европа 1992–2002

Речь пойдет о Европе, какой она видится мне в последние десять лет. О том, какие мы питали надежды, и какой замечательный хаос мы из них сотворили.

Я попытаюсь проанализировать многочисленные и необычайно запутанные слои, уровни, сферы, что скрываются за словом «Европа». Порой я с восхищением смотрю на молодых людей, прибывающих в Страсбург из России, носящих на лацканах пиджаков значки с двенадцатью звездочками и рассуждающих о том, следует ли России входить в европейский дом. Мы, находясь внутри, несколько больше озабочены количеством разбитых окон и выломанных дверей, а также тем, что никому пока не удалось очертить по-человечески внятную карту нашего знаменитого «европейского дома».

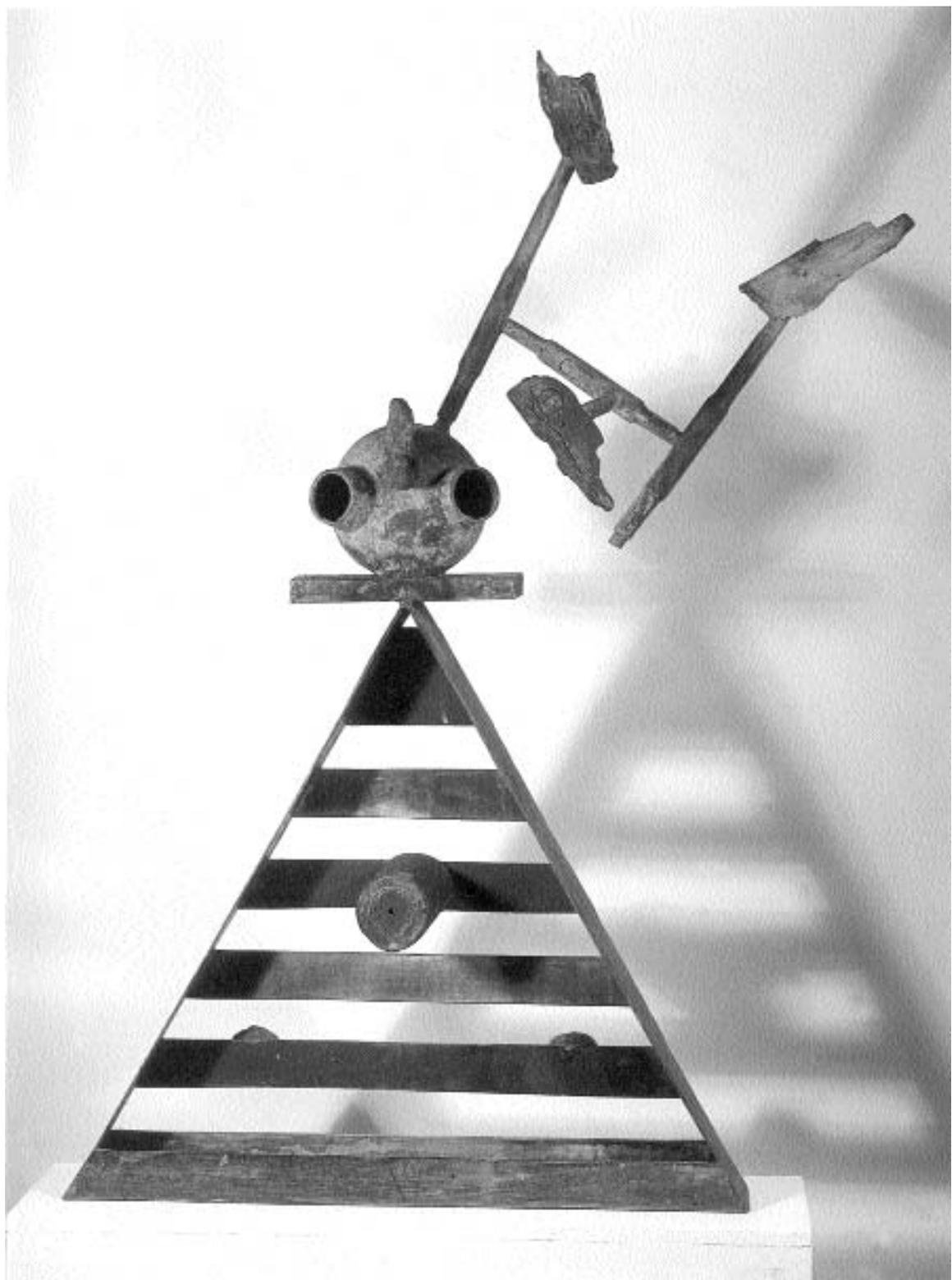
Затрагивая такую неудобную, вязкую тему, как Европа в 1992–2002 годах, мне, прежде всего, хотелось бы в доступной форме вычленить четыре важных составляющих, которые, на мой взгляд, образуют современное понятие Европы.

Первый и, наверное, самый благородный уровень характеризуется логикой общечеловеческих принципов. Это Европа, выросшая из второй мировой войны, Европа восклицавшая: «Никогда больше! Нет ужасам войны!». Ужасы второй мировой войны, увы, слишком хорошо известны, чтобы их описывать. Порядок же, утвердившийся в Европе после окончания войны, базировался на общечеловеческих принципах, заложенных в основу Декларации прав человека, и на правах личности в противовес «коллективным правам». Но этот порядок оказался мертворожденным. Не будь коммунистической системы, в парадигме которой права человека именовались «ложными буржуазными ценностями», то, быть может, Европа и смогла бы объединиться вокруг принципов универсализма гораздо раньше и с неизмеримо меньшими человеческими жертвами.

Как бы то ни было, но Европейский союз мирно заснул, отчасти из-за идеологической конфронтации, отчасти же потому, что вначале Совет Европы являл собой клуб пожилых джентльменов, представлявших страны, которые должны были соответствовать строгим критериям, совер-

*Диана Пинто,
историк, писатель
(Франция)*

Хуан Миро. Фигура и птицы. 1970

шенно неприменимым в тогдашней Европе. Например, трудно себе представить, чтобы в 1946 или 1952 году встал вопрос о принятии в Совет Европы Греции или Турции. То есть это был союз всё тех же занятых межправительственным сотрудничеством «буржуазных либералов», который вяло и беззлобно просуществовал несколько десятилетий. Поскольку половина Европы оставалась недостижимой. Да делались какие-то шаги, была создана «Социальная хартия», которой прочили будущее Декларации прав человека в социальной сфере, но этого не произошло — ведь социальные права невозможно классифицировать тем же образом, что и права человека. Но вот наступил 1989 год, и Совет Европы чудесным образом проснулся.

Итак, был послевоенный порядок — в продолжение которого Европа мирно спала, но пала Берлинская стена, и всё будто ожило; во вдохновенном порыве казалось, что теперь единые и непрерываемые права человека смогут, наконец, утвердиться на огромном пространстве — от Португалии до отдалённых островов Дальнего Востока. Казалось, что в Европе скоро наступит эра согласия и величия. Но опять же — доктрина общечеловеческих принципов не учитывала действие мощных исторических сил отталкивания, а военные вопросы, как известно, вообще не входили в компетенцию Совета Европы. Совет Европы парил в высоких сферах, и его работа не оказывала ни малейшего влияния на жизнь рядового француза или немца. То были абсолютные категории, не имевшие реальной ценности в политической жизни европейских стран. Деятельность этой организации, и межправительственное сотрудничество в разорённой войне Европе было весьма ограниченным, а, кроме того, в Совете Европы, по очевидным причинам, не была представлена Германия. Так что, дело ограничивалось вежливым диалогом, направленным на утверждение общих и жизненно важных гуманитарных принципов,

реализовать которые значительно сложнее, чем их декларировать.

Но из этого вырос второй уровень или, иначе говоря, логика великого процесса европейской интеграции. Недовольство малоэффективной деятельностью Совета Европы, то есть бескончаемыми разговорами об универсальных принципах, породило другую Европу, не только повторяющую как заклинание фразу «нет всемирному ужасу», но и пытающуюся противостоять реальной опасности новой, конкретной войны. Так возник знаменитый «Союз угля и стали», и стал развиваться процесс европейской интеграции — сначала в экономических категориях. Хотя суть была в политической интеграции. И то, что начинать следовало с политики, убедительно доказало вскоре полное бессилие европейского Совета обороны в 1954-м. Для Франции, например, было совершенно немисливо тогда поставить под ружьё армию, в которой служили бы немецкие солдаты. При виде двенадцати звёздочек невольно задумываешься о том, как же они собрались все-таки вместе, в чём их близость? Но об этом чуть позже. Итак, два первых процесса, то есть создание Совета Европы и европейская интеграция, развивались параллельно. В январе этого года мы отмечаем сорокалетие франко-германского договора о примирении — обращая внимание, что договор был подписан уже после создания «Союза угля и стали».

Примирение и объединение Европы стали в известном смысле следствием плана Маршалла, однако, вне сферы его действия осталась немалая часть Европы. Более того, континент не только был расколот на два лагеря — социалистический и капиталистический, — противодействие интеграционным процессам было очень велико и в самой Западной Европе. Против плана Маршалла выступали в то время все западноевропейские коммунисты, а также социалистические и левые партии, которые верили в совершенно иной тип универсализ-

ма. Такой была вторая логика — логика интеграции, приведшая, в конечном итоге, к Маастрихту и к сегодняшним объединительным процессам. Здесь существенны принципы прозрачности национальных

Историческое примирение, безусловно, может сыграть решающую роль в европейской интеграции и присоединить к «европейскому ядру» все страны континента, но только в том случае, если само это ядро не разрушается. В противном случае мы получим какофонию европейских звуков — неупорядоченную и непродуктивную

границ. Для многих введение единой валюты — евро — стало апофеозом, высшей точкой европейского объединения, тогда как для нас, живущих в самой Европе, это выглядит, скорее, продолжением, и мы не вполне уверены, что знаем, как и куда нам двигаться дальше. Потому что имеем дело с определенным смещением понятий, путаницей в символах. При этом немаловажно и то, что в мире вне Европы — например в России или в Америке — роль общеевропейской столицы отводится Брюсселю, а мы в Европе, по крайней мере, в западной её части, обеспокоены таким восприятием и считаем, что вопрос о «европейской столице» имеет принципиальное значение.

Последнее подводит меня к третьей логике — логике демократической интеграции посредством гражданского участия. Эта логика несёт с собой принципиальные отличия от первых двух процессов — она ворвалась на сцену европейской политики в 1970-х, после крушения правых авторитарных режимов в Португалии и Испании. Идея состояла в следующем: мы должны были в этих странах помочь реформировать общество, вернуть ему утраченные демократиче-

ские ценности. Как ни странно, этот процесс оказался довольно успешным на Пиренейском полуострове, ибо властвовавшие там фашистские режимы не преследовали цели подавить дух свободного предпринимательства, а потому после смерти дряхлых генералов на свет, будто из «куколки», появилось вполне сформированное гражданское общество. И совсем иное мы наблюдали в бывших коммунистических странах после демократических перемен 1989-го. Дальше я скажу о том, в какой мере этот третий уровень европейского объединения соответствует «духу Брюсселя».

Так мы подходим к четвёртой логике европейской интеграции, которую я охарактеризовала бы как «историческое примирение в целях дальнейшей политической интеграции». Почему мы так часто наблюдаем несоответствие между четырьмя гранями европейского дома? Что ж, первый уровень, который мы определили как логику Совета Европы и провозглашение великих и незыблемых принципов, изложенных, в том числе, в Декларации прав человека, предполагает, что любой человек, ступивший на землю Европы хотя бы на десять минут, попадает под защиту этих замечательных конвенций. Однако в реальности не всё так гладко. Можно привести множество примеров того, как люди, прибывающие на европейский континент, и даже сами выходцы из Европы, не получают и доли той защиты, на которую они вправе рассчитывать. Возможно, в России дело обстоит несколько иначе — советская риторика ушла в прошлое, и разрыв между провозглашаемыми принципами и действительностью не так велик, как в Европе. Логика же Европейского союза весьма запутана — Европа ратует за всё большую интеграцию, но имеют ли эти слова практическое

Генри Мур. Лежащая № 5. 1963–1964

значение? Когда в 1989-м открылись межъевропейские границы, любимым занятием специалистов по международным отношениям стала подобная «кубику Рубика» головоломка — «расширение» или «углубление», «углубление» или «расширение»? То была разновидность *exercice de rigueur*, своего рода фортепьянная гамма — «углубление» или «расширение» — и разгадка не найдена до сих пор.

К тому же третья логика — демократической интеграции посредством гражданского участия вполне может играть против дальнейшего европейского объединения. Общество в европейских странах всё чаще выступает сегодня против дальнейшей интеграции: «Да, мы верим в демократию, мы верим в универсальные ценности, верим в гражданское участие, а потому хотим остаться хозяевами собственной судьбы и не собираемся давать ещё больше властных

полномочий Брюсселю». Всему есть предел. Или вы полностью реформируете Брюссель, или мы отказываемся играть по таким правилам. Кто представляет меня в Брюсселе? Как осуществляется процесс принятия решений? На основе какого суверенитета?

Посмотрим на хронологию. С конца сороковых — начала пятидесятих утверждаются принципы Совета Европы. С «Союза угля и стали» в 1957-м начинается логика экономической интеграции, этот процесс длится до конца семидесятых — начала восьмидесятых. И тогда же начинается процесс демократической интеграции, который я бы определила как интеграцию с вовлечением средств массовой информации; тогда во главе Европейского союза встал Жак Делор. Именно в тот период начали покупать «побрякушки с двенадцатью звёздочками» — запонки, брелоки, галстуки и прочее.

Время покажет, сыграла ли логика демократической интеграции положительную роль.

И, наконец, логика всевропейского исторического примирения берёт начало в 1989 году. Что до последней, то следует сказать, что историческое примирение, безусловно, может сыграть решающую роль в европейской интеграции и присоединить к «европейскому ядру» все страны континента, но только в том случае, если само это ядро не разрушается. В противном случае мы получим какофонию европейских звуков — неупорядоченную и непродуктивную. И есть ещё тяжёлая, рутинная, каждодневная работа, связанная с воплощением принципов исторического примирения.

Что содержится внутри двенадцати звёздочек? Не было бы конструктивнее изменить структуру Европарламента, проводя региональные выборы, которые бы в большей степени, чем неудобоваримые партийные списки, соответствовали конкретным запросам жителей европейских стран? Если вы спросите рядового европейца из любой страны, входящей в состав Евросоюза: «кто представляет вас в Европарламенте?» — уверяю, он не ответит на этот вопрос. Люди просто не знают. Они не помнят. И им нет до этого дела. С другой стороны, если бы жителей Европы представляли депутаты, избираемые регионально, это могло бы привести к живой, практической работе, к горизонтальному диалогу о насущных вопросах. Но подобная концепция идёт вразрез с политикой национальных правительств и бюрократического аппарата — к сожалению, здесь мы имеем дело с ещё одним проявлением казуистики и лицемерия. Я не хочу показаться слишком циничной, но в современной структуре общеевропейских институтов мы имеем дело с полным смещением понятий, исторических традиций, географических и геополитических образований. Азербайджан входит в Совет Европы ещё до того, как Польшу принимают в Евросоюз — налицо совершенная сумя-

тица. Не будем забывать также о «франко-германском моторе»: об этом написаны миллионы страниц, и, как в истории любого брака, не всё здесь однозначно — взлёты и падения, ссоры и примирения. Ещё одна проблема, с которой мы сталкиваемся, — это традиция «бюрократической многословности» и сложность с выделением в рамках европейских институтов ясных, внятных проектов и задач. На это у меня нет ответа — каждая из европейских стран переживает свой кризис, и я затрону этот вопрос чуть позже, говоря о мире вне Европы.

Я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы создавалось мрачное впечатление о европейском развитии в последние годы. Более того, несмотря на хаос, царящий в верхах европейских институтов, несмотря на колебания, сомнения и лицемерие, в Европе, вне её политических структур, идёт процесс развития своего рода «подпочвы», которую создают рядовые европейцы. Речь идёт об утверждающихся общих символах, категориях и надеждах, о расширяющейся «туманности», которую я охарактеризовала бы словами «взаимное доверие». Это не имеет никакого отношения к политикам. Позволю себе привести пример. Когда супертанкер разваливается у берегов Испании, и по французскому телевидению я смотрю выступление испанского прокурора — я ощущаю какую-то причастность, я чувствую, что этот человек говорит об охране акватории единого европейского пространства. И то же самое чувство возникло бы у меня, если бы я слушала шведского, или немецкого, или даже итальянского прокурора — я более не воспринимаю их как совершенных чужаков, я не думаю о них, как о врагах, и надо мной не довлеют исторические образы, которые некогда были частью сознания каждого европейца. С этой точки зрения в Европе очевиден колоссальный прогресс. Двадцать лет назад Франция ни при каких условиях не стала бы сотрудничать с испанскими властями. Однако в процессе создания единого,

внятного европейского пространства неизбежны границы — границы, предполагающие отгораживание одних государств от других. И здесь мы подходим к болезненным пунктам сцепления первой, второй, третьей и четвёртой логики европейской интеграции, представленной всё теми же двенадцатью звёздами.

Мои опасения в отношении долговременного проекта европейского объединения состоят как раз в том, что за пределами европейского дома остаётся множество людей — как внутри европейских стран, так и за их границами. Я не ядерный физик, но мне на ум приходит аналогия с термоядерным синтезом — это опасные процессы. Не знаю, как можно свести воедино все образования и концепции, которые нам бы хотелось видеть в едином европейском доме. Я не уверена даже, что вполне осознаю масштабы этой проблемы. Конечно, существует повод и для оптимизма. Вспомним ещё одно стихийное бедствие, наводнение в Чехии и Германии. Президент Евросоюза, — в Чехии и позже, вне границ Евросоюза, — говорил тогда о беде, постигшей единый европейский дом. Но за этими словами и положительными образами кроются серьёзные проблемы, которые связаны как с четырьмя ступенями «европейской ракеты», так и с миром вне Европы, с попыткой создать порядок Канта в мире Гоббса — об этом говорится в статье Роберта Кагана «Сила и слабость»*. В этой же статье описывается «единое европейское пространство» — удобный и комфортный мир, в котором можно совершать прекрасные вещи. Однако без реальной связи вовсе не с таким комфортным внешним миром эти попытки обречены на

провал. Европейский союз создавался на основе экономических категорий и осознания исторического прошлого, но без устремлённости в будущее. Национальная культура в современной Европе поддаётся

Несмотря на хаос, царящий в верхах европейских институтов, несмотря на колебания, сомнения и лицемерие, в Европе, вне её политических структур, идёт процесс развития своего рода «подпочвы», которую создают рядовые европейцы

гоббсовскому анализу — Франция и Англия, например, сохраняют статус военных держав, Германия не имеет милитаристской культуры, Италия и Австрия также не обладают военным потенциалом. И при этом в европейский дом вступают новые нейтральные страны. Если оставаться на уровне экономики, общественных отношений и гуманитарных ценностей — у европейцев сохраняются высокие шансы на эффективное объединение. Но если говорить о международном статусе объединённой Европы, то Европейский союз вполне может рассыпаться — если только неким чудесным образом не сростутся четыре ступени европейской ракеты, и Европа, как единое целое, не станет со всей серьёзностью относиться к своим международным обязательствам. И это принципиальный вопрос, который не может быть решён здесь и сейчас — так же, как неразрешимыми пока остаются вопросы о будущем России.

На сегодняшний день Европа раздирается противоречиями, проистекающими из четырёхгранной логики её интеграции. Да, мы заделываем дыры и ставим заплатки; да,

* См.: Роберт Каган. Сила и слабость. Почему США и Европа по-разному смотрят на мир. // Общая тетрадь. М., 2002, № 3(22), с. 90–99.

Европа прекрасно выглядит и здесь комфортно жить, если вы обладаете нужными связями и приехали из правильного места. Но жизнь в Европе не легкая для всякого, кто не обладает «нужными» качествами и связями, и сюда сложно приехать. Чем более очерченными станут границы Европы, тем более закрытой она будет. Так может образоваться замкнутая среда, не имеющая связи с внешним миром. Может быть, дело в усталости. А может, в невероятных сложностях, связанных с достижением равноправного общественного договора между всеми странами. И, тем не менее, я горячо выступаю в защиту двенадцати звёздочек — пусть они станут путеводными. Если же, находясь в сердце Европы, мы не будем иметь ясного представления о том, куда движется эта политическая машина, то мы создаём только болото, в котором приглашаем увязнуть и других.

Очевидно, что Европа из двадцати семи членов не идентична Европе из шести стран-участников. Как-то я обедала с бывшим французским министром, Юбером Ведрином, и мы говорили о том, что же помешало Европе избрать европейского президента. Я сказала, что это слишком сложно, что это, возможно, вопрос будущего; он же сказал, что это следовало делать раньше. «С шестью участниками?» — спросила я. «Нет, с двенадцатью». Ибо, по его мнению, которое, конечно же, можно оспорить, поворотный момент наступил при принятии в Евро-союз трёх нейтральных стран в 1992 году и увеличении количества стран-участников до пятнадцати. Следовательно, проблема заключалась не в интеграционных процессах во Франции, Германии или даже в Англии, но во включении в орбиту европейского объединения стран с совершенно различным пониманием истории и позицией в мире. Можно надеяться, что с двадцатью семью участниками Европейский союз будет выглядеть замечательно — это будет единое цивилизованное пространство, но его будущее в полном угрозе миру останется ту-

манным до тех пор, пока не выработана ясная концепция развития. Из-за этого и провалился первый проект европейской интеграции.

К сожалению, я опускаю другой фундаментальный вопрос: какие страны следует воспринимать «принадлежащими к Европе» в терминах исторической традиции, мироосознания и, важнее всего, религии? Если уж есть за что критиковать Европейский союз, так это за то, что мы собственными руками преступно растратили бесценный капитал и попрали свою прямую обязанность — обязанность доказать миру, что мусульмане и ислам в целом могут восприниматься в парадигме наших, европейских ценностей. Мы совершили эту ужасную ошибку в начале 1990-х годов в Боснии. Последствия этой ошибки будут ощущаться нами ещё много десятилетий. К тому же мы можем повторить её — в вопросе о символических и реальных связях Европы с Турцией. Это очень деликатная тема — вопрос политической и экономической интеграции Турции.

Итак, прежде чем предаваться отчаянию в отношении будущего, подумаем о том, что и мы в Европе противостоим тяжёлым, мучительным проблемам нашего проекта или, точнее, голограммы нашего проекта, или тени нашего проекта. Хотя я всегда пыталась говорить о европейской интеграции с оптимизмом, сегодняшние тенденции конфронтации заставляют всех нас серьёзнейшим образом задуматься о животрепещущих проблемах. Если эти проблемы не найдут решения, вовлечение в европейскую орбиту новых стран станет грустным упражнением, в продолжение которого новым участникам будет демонстрироваться лишь голограмма великого проекта.

*Перевел с английского
Марк Дадаян*

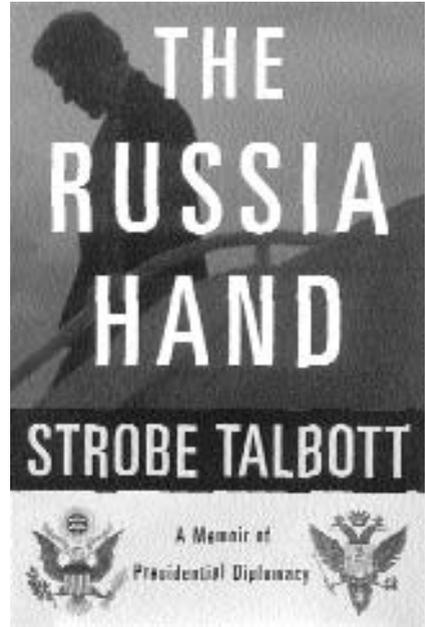
Надо ли кормить русских с ложечки?*

Strobe Talbot. The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. — New York: Random House, 2002. — 478 p.

Строб Талбот — бывший дипломат, большую часть своей профессиональной жизни был журналистом. Будучи родсовским стипендиатом в Оксфорде в конце 60-х, благодаря своему интересу к русскому языку и политике, которые он изучал в Йельском университете, Талбот стал переводчиком мемуаров Никиты Хрущева. Так как Хрущев жестко критиковал своего преемника Леонида Брежнева, то участие Талбота в этом проекте вызвало гнев советского официоза и на долгие годы закрыло ему дорогу в СССР (как и многие другие ведущие американские эксперты по России, Талбот никогда не жил в этой стране). Тем не менее, интерес к региону, как и в целом к внешней политике, помог ему в течение двадцати лет проработать политическим обозревателем журнала «Тайм» по международным вопросам.

Но талботовский опыт изучения проблем контроля вооружений и дипломатии, возможно, не привел бы его в государственный департамент, если бы его соседом по комнате в Оксфорде не был Билл Клинтон, уже тогда славившийся своим неутолимым аппетитом к политике. В книге Талбота есть прелестная картинка: Клинтон жарит яичницу на завтрак в их студенческом общежитии, а Талбот читает ему вслух отрывки из мемуаров Хрущева. Клинтон и Талбот сумели пронести свою дружбу через годы, и в 1992-м новоизбранный президент решил привлечь Талбота в свою внешнеполитическую команду. Сначала Талбот стал послом по особым поручениям, отвечающим за отношения с Россией и «новыми независимыми государствами» бывшего Советского Союза. Позднее его произвели в заместители государственного секретаря, и эту должность он занимал до истечения полномочий клинтоновской администрации.

Талбот занимал эти посты в течение особенно сложного периода отношений России и Запада. Но название его книги «Русская рука» имеет отношение не к автору, а к его боссу — Биллу Клинтону. Именно Клинтону, утверждает Талбот, принадлежит заслуга проведения успешной политики в отношении России в первое десятилетие после крушения Советского Союза. Клинтон, по его словам, был сосредоточен на «большой картине», а потому так упорно поддерживал Бориса Ельцина в качестве гаранта новой свободы — экономической и политической, — которую Россия пыталась завоевать и сохранить. Автор доказыва-

* *Christian Caryl. Giving the Russians Their Spinach.* // *New York Review of Books.* July 18, 2002 (печатается с сокращениями).

ет, что такая интенсивная «персонализация» дипломатии была всесторонне успешной, приводя «полдюжины примеров того, как взаимопонимание разрешало или смягчало дискуссии о роли России в мире после холодной войны».

Как живо показывает повествование Талбота, для Белого дома решение полностью поставить на Бориса Ельцина было отнюдь не простым. В конце концов, описываемые события разворачивались в то время, когда Соединенные Штаты выходили из холодной войны, обретая несравненное могущество и становясь единственной экономической и военной сверхдержавой. Россия же, напротив, вступила в 90-е годы скромной — если не раздавленной — с разваливающейся экономикой, упавшим международным престижем, драматически сократившейся в территориальном отношении. Для многих россиян новообретенная свобода компенсировала эти утраты — по меньшей мере, в начале. Но за десять лет общая эйфория рассеялась, и «большая картина» размазалась.

Для США поддержка Ельцина против попытки «хард-лайнеров» оживить советскую систему летом 1991-го была естественным выбором. Однако поддержать Ельцина в октябре 1993-го, когда он двинул танки против собственного парламента, было гораздо сложнее. Да, большинство в Верховном Совете принадлежало к неисправимым реакционерам. Но он был избран в соответствии с нормами действующей конституции — не говоря уже о том, что сам Ельцин много сделал, чтобы спровоцировать парламент.

Талбот утверждает, что в 1993 году он предостерегал Клинтона от слишком сильной поддержки Ельцина, говоря ему, что для США «конституционные нормы» не менее важны, чем сам Ельцин. Тем не менее, «Клинтон, — по его словам, — не хотел говорить экивоками» и решил полностью стать на сторону Ельцина, игнорируя риск того, что такая безоглядная поддержка может подорвать моральную позицию США, как защитника демократических принципов в России. Этот эпизод был типичен в отношении рисков, которые порождала клинтоновская политика предоставления карт-бланша российскому президенту, учитывая беспорядок, коррупцию и экономический хаос, царившие в стране.

По иронии судьбы, одним из главных препятствий клинтоновской «личностной дипломатии» был сам Ельцин. Его склонность к пьянству была общеизвестна. Тем не менее, многие удивятся, узнав, что для Ельцина было обычным делом вести дела с президентом США, будучи пьяным. Как замечает Талбот, «принимать в расчет состояние Ельцина стало стандартной практикой встреч на высшем уровне». Однажды, когда Клинтон в телефонном разговоре излагал свою позицию по проблеме расширения НАТО, Ельцин просто повесил трубку. «Что происходит?» — спросил Талбот. Тогдашний министр иностранных дел Андрей Козырев «пожал плечами, понимающе посмотрел на меня и сказал по-русски: «Бывает...». Я понял, поскольку хорошо знал, что именно бывает с Ельциным, особенно ближе к концу дня».

Ельцин и Клинтон — не единственные колоритные персонажи книги Талбота. В чем Талбот особенно хорош, так это в описаниях повседневной дипломатической работы в век глобализации: недоеденная пицца и корзинки с китайской едой, брошенные на столе заседаний; залы ожидания в аэропортах и строгие министерские кабинеты; «дипломаты старой советской школы в мешковатых костюмах и лохотенные молодые выскочки» в МИДе России.

Доминирующий тон — ошеломительная черная комедия. Один из моих любимых эпизодов в книге — попытка Талбота выяснить, что происходило в Москве в ночь, когда русские совершили свой «бросок в Приштину» в 1999 году. Уязвленные предполагаемым нежеланием НАТО предоставить им миротворческий сектор в Косово после бомбардировочной кампании против Слободана Милошеви-

ча, российские военные решили загнать НАТО в угол, перебросив расквартированных в Боснии парашютистов для оккупации ключевого аэропорта близ ковской столицы. В течение ночи, большую часть которой Талбот провел в российском Министерстве обороны, постепенно становилось ясно (если что-либо в России вообще может быть ясным), что группа генералов-изменников дурачит собственного министра обороны и большую часть правительства России. В какой-то момент министр и его непокорные подчиненные вышли в соседнюю комнату: «Они отсутствовали около часа, и складывалось впечатление, что там происходит мятеж. Я слышал шум и обрывки фраз, доносившиеся из-за стены».

В какой-то момент в дверях появился пьяный генерал-лейтенант, который тут же «исчез, и мы его больше не видели». В конце концов, вышел явно взволнованный министр иностранных дел Игорь Иванов, который сообщил Талботу, что российские парашютисты пересекли границу Косова: «Министр обороны и я сожалеем о таком развитии событий». Это — яркая иллюстрация того, как правительство России теряло контроль над ситуацией.

Книга Талбота — захватывающие мемуары о таинственном и непредсказуемом мире. Однако как политическая апология, она на удивление уклончива. Талбот часто совершенно искренен в своих оценках, особенно говоря о своих российских партнерах, но есть также моменты, когда его искренность испаряется. Самый заметный пробел в этом отношении — проблема коррупции. Это латинское слово звучит элегантно и абстрактно в сравнении с грубой и примитивной реальностью системы общей продажности в постсоветской России. Ельцин был центром этой системы. Он в самом деле многое сделал, чтобы двинуть страну в направлении либеральной демократии и рыночной экономики. И при этом возглавлял создание в России государства невиданного в истории типа: системы, в которой организованная преступность и большой бизнес слились с правительственным аппаратом коммунистической эры, и располагающей к тому же огромным арсеналом ядерного оружия. Когда будущие историки будут оглядываться на 90-е годы, они могут обнаружить, что проследить криминализацию государственных институтов важнее, чем анализировать продвижение страны к демократии или рыночные реформы.

Политика личной дипломатии, проводившаяся США, означала, что во время поддержки лидера, который считался воплощением положительных принципов, американские чиновники смотрели сквозь пальцы на многие по-настоящему чудовищные вещи, санкционированные им — от криминальной приватизации промышленности до войны в Чечне. Правда, трудно было найти приемлемую и реальную альтернативу Ельцину. Но мы должны признать и тот факт, что американская политика тоже способствовала становлению коррумпированной и циничной элиты, в результате чего значительно снизилось доверие к Америке в российском народе.

Степень личной коррумпированности самого Ельцина остается под вопросом. Что более значимо, так это атмосфера и этос, которым его правительство способствовало, зачастую подавая пример остальным. Талбот исключительно откровенен в отношении мэра Москвы Юрия Лужкова, который, по его словам, «насаждал тесные личные и деловые связи с вожакими российских криминальных синдикатов». Талботу легко говорить о Лужкове, почти не имевшем контактов с клинтоновским Белым домом. Но точно также и другие комментаторы описывают многих членов ельцинского окружения — таких, как, например, олигарх Борис Березовский. Талбот вряд ли может утверждать, что его работа позволяла оставаться на безопасном расстоянии от людей, имевших отношение к криминальным синдикатам, поскольку Березов-

ский был секретарем Совета национальной безопасности России; работа должна была сводить этих двоих людей вместе. Но Талбот не уделяет Березовскому и нескольких слов. И то же самое происходит, когда дело касается «Семьи». Талбот ведет себя так, как будто не знает того, о чем все говорят. Везде в своей книге он стремится показать себя знающим психологом, но в подобных сюжетах оказывается на удивление несведущим.

Одна из возможных причин такого неведения в том, что решение игнорировать проблему коррупции было самым уязвимым элементом клинтоновской программы личной дипломатии. До сих пор среди бывших чинов администрации Клинтона, в том числе и у Талбота, сохраняется поразительное отсутствие интереса к проблемам коррупции. Но вряд ли можно говорить, что действуешь в интересах демократии и открытости, если поддержка лидеров режима на деле помогает подрывать верховенство права.

И это возвращает нас к взгляду Талбота на достижения администрации. Его книга содержит увлекательные истории, но убеждает ли она нас в том, что личностная дипломатия Клинтона привела к достижению целей, которые перед ней ставились, и помогла становлению стабильной, демократической и экономически модернизированной России? Интересно, что Талботу почти нечего сказать об успехах США в продвижении демократических ценностей в постсоветской России; скорее наоборот, коль скоро преемник Ельцина Владимир Путин отступил от базовых принципов демократии — таких, как свобода прессы и разделение властей. Талбот также удивительно мало может сказать о конкретной поддержке Соединенными Штатами экономических реформ. На этом фронте Путин добился заметного прогресса, особенно в части снижения налогов и сокращения регулирования — но причины этого, как явствует из книги Талбота, не имеют никакого отношения к усилиям администрации Клинтона.

Можно также заметить, что причины внешнеполитических успехов в действительности гораздо банальнее, чем описанные в книге Талбота сложности. Нелицеприятен и факт, что Россия была исключительно слаба в 90-х и остается таковой сейчас. Причины этой слабости (как, разумеется, и эндемичной для России коррупции) во многом старше и глубже, чем президентство Бориса Ельцина. Они уходят корнями в советский период и будут терзать современную Россию — не говоря уже о других бывших советских республиках — еще долгие десятилетия. Но, по правде говоря, беспомощная позиция России намного облегчила жизнь американских дипломатов, стремившихся принудить Москву выполнять их требования.

Талбот называет это «кормить русских с ложки». («Вы знаете, — говорит Талботу один из его собеседников-дипломатов, — достаточно плохо уже то, что вы говорите нам, будто намерены сделать что-то независимо от того, нравится это нам или нет. Так не надо сыпать соль на раны, говоря, что следовать вашим указаниям — в наших интересах»). Большую часть своего рабочего времени Талбот, как показывает его книга, разъяснял русским, что у них нет иного выбора, кроме как делать то, чего ждет от них правительство США, и настаивал на этом до тех пор, пока русские не соглашались.

В конце концов, при всех достоинствах книги, при всей настойчивости дипломатии Талбота, я не могу отделаться от мысли, что все предприятие, описанное в его мемуарах, основано на ложных посылах. Команда Клинтона, похоже, исходила из того, что Россия вышла на дорогу, которая неизбежно приведет ее к либеральной демократии и рыночной экономике. Вашингтону остается просто следовать своим курсом, не нервничать и ждать, когда энергичное молодое поколение россиян вытеснит большевистских динозавров. Такое видение не

очень подходит к стране, где коммунисты и ультранационалисты по прошествии десяти лет имеют столь значительные успехи. «Что еще должно случиться, чтобы они перестали голосовать за фашистов и коммунистов?» — спрашивал Клинтон Талбота вскоре после того, как российские избиратели подарили Жириновскому победу на парламентских выборах 1993 года. Талбот ответил уклончиво: «Много, — сказал я, заметив, что есть и хорошая новость. — Главное, что они продолжают проводить выборы. Когда-нибудь они будут делать это правильно».

Но сами по себе выборы не создают демократию. Демократия вырастает из институтов, традиций и политической воли — и эти элементы могут быть усилены разумными усилиями извне — при наличии ясного плана и реалистических средств. Свести внешнюю политику к поддержке одного лидера и окружающей его политически изолированной группы советников может быть контрпродуктивно. Восхождение Владимира Путина и невероятная популярность его сомнительных экспериментов вызывают в этом смысле ряд серьезных вопросов. Именно появление Путина заставило Талбота в конце книги признать, что существует другое «младшее поколение», которое вовсе не обязательно разделяет демократический энтузиазм Бориса Ельцина.

Иными словами, ради демократии мы вложили значительную часть своего политического капитала в группу людей, имеющую небольшую поддержку как в обществе в целом, так и в российской политической элите.

Одна из самых очевидных проблем личностной дипломатии, хоть она и требует больших трудозатрат, это ее интеллектуальная леность. Это вечная мечта американской внешней политики о том, что лидеры могут просто встречаться и обсуждать свои дела, как обычные парни. По прочтении мемуаров Талбота, я обратился к новой книге о завершении второй мировой войны («Падение Берлина» Энтони Бивора), когда большого Рузвельта одурачил Сталин в Ялте. «Заявление Рузвельта «Я могу управлять Сталиным» стало частью того, что политический советник Эйзенхауэра Роберт Мэрфи назвал американской теорией о том, что личные отношения могут определять национальную политику. Советские политические лидеры и дипломаты никогда не пользовались этой теорией».

Год назад Джордж У. Буш яростно атаковал клинтоновскую политику безоговорочной дружбы с Ельциным — а позднее вступил на ту же дорогу личной дипломатии с Владимиром Путиным. Но это порочная стратегия при определении национальных интересов в столь сложной ситуации, в какой сегодня находятся Россия и Запад. Очень просто дружить с лидером, который отстаивает «демократию» против «коммунизма». Если же выбирать приходится, как однажды провокационно предложил главный ельцинский приватизатор Анатолий Чубайс, между «коммунизмом» и «бандитским капитализмом», то выбор несравненно труднее.

Что если русские и их зарубежные доброжелатели окажутся перед необходимостью выбирать между «бандитским капитализмом» и «мягкой диктатурой» — где первый плюралистичен, но нестабилен, а последняя эффективна, но не приемлема? Я подозреваю, что такой выбор встанет перед американскими политиками очень скоро, и ответить на этот вызов можно будет только при наличии полноценной и внятной политической стратегии, проводимой последовательно. Личная дружба с иностранными лидерами может быть полезной. Рассматривать такую дружбу как основу политики, на мой взгляд, всегда опасно.

*Кристиан Кэрил,
шеф Московского бюро журнала «Newsweek»*

*Перевел с английского
Юрий Гиренко*

Региональное книжное обозрение

Кузьмин В. Д. Логика анализа генезиса капиталистической монополии. — Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2002. — 156 с.

Судьба автора этой книги не просто сложна, но в чем-то типична для героев эпохи перемен и, к сожалению, трагична. Талантливый, по отзывам коллег, экономист Владимир Дмитриевич Кузьмин оказался вовлеченным в первую команду, начинавшую экономические реформы в Красноярском крае. Сначала был начальником отдела финансового управления в краевой администрации, затем стал первым заместителем губернатора. Формирование новой экономики края в 1991–1998 годах, внутренних рыночных механизмов, принципов нового бюджетного планирования происходили под его большим влиянием. Однако после смены губернатора Кузьмина арестовали: в крае было заведено более ста уголовных дел. Вина его в коррупционных делах, в каких-либо иных преступлениях не была установлена. После почти двух лет, проведенных в следственном изоляторе, он вышел на волю совершенно больным и через несколько месяцев его не стало.

Видимо, сама практика общественных преобразований ставила перед автором вопросы, которые требовали осмысления на теоретическом уровне. Опыт предшествовавшей работы в университете побуждал к солидному анализу, что называется, от корней. Его внимание привлекает взаимосвязь конкуренции и формирования монополий — вопросы, вдруг превратившиеся для него из академических в жизненные, насущные. Чтобы понять современность, автор обращается к классической политической экономии, к ее методологии анализа генезиса капиталистической монополии. Размышляя о том, как конкуренция продуцирует концентрацию капитала, он отмечает, что этот факт, сам по себе, еще не приводит к образованию монополии, и, рассматривая дополнительные факторы, подводит, в частности, к выводу, что конкуренция — это не просто борьба за больший «кусочек пирога», а борьба в конечном итоге — за абсолютное господство на рынке, за весь «пи-

рог». Есть и другие блестящие в этом размышлении.

Однако автор, к сожалению, останавливается перед противоречием между положениями классической теории и тем, что наблюдается в нашей действительности. Конечно, и у нас теперь рыночная конкуренция ведет к поглощению или уничтожению одних предприятий другими, уже происходят концентрация и централизация капитала. Однако наши монополии возникли в основном не на этой основе. Они родились из экономических отношений прошлого, не столько из естественного экономического обобществления производства, сколько из административно-юридического, обусловленного национализацией и последующей логикой развития государственной собственности, централизованного управления ею. После приватизационных и иных процессов превращения нашей экономики в рыночную, сложившиеся ее структуры, становясь частными или даже оставаясь государственными, полугосударственными, уже заведомо господствовали на внутреннем рынке, противодействуя конкуренции. Сейчас более трети промышленной продукции приходится на десять крупнейших бизнес-групп. Степень концентрации производства, как отмечается в «Инвестиционном манифесте» ряда общественных объединений, существенно превышает аналогичные показатели всех ведущих держав. При этом прослеживается тенденция борьбы ведущих российских компаний за активы, собственность, льготные тарифы и другие формы прямых бюджетных дотаций, а не за рынки, не за потребителей и, следовательно, отнюдь не в первую очередь за качество продукции и услуг. Создаются неравные условия конкуренции, искажаются инвестиционные стимулы, а тем самым блокируется рост инвестиций.

Административно-хозяйственная система прошлого породила и такие своеобразные формы монополизма (сохраняющиеся, к сожалению, и теперь), когда, например, захудалый ЖЭК оказывается монополистом на своей территории в предоставлении населению очень важных услуг. Нечто подоб-

ное присутствует и в других сферах рынка. Автор просто не успел осмыслить все это, слишком рано ушел из жизни. Друзья и родственники издали ко второй годовщине его смерти, по сути, не завершённую книгу не только в память о близком человеке, но и с надеждой, что его исследование будет продолжено. Тем более, что опыт гигантского Красноярского края предоставляет для этого богатейший материал.

В. Александров

А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2001. — 239 с.

В аннотации к книге сказано, что «монография посвящена актуальной теме перспектив развития человечества в XXI веке». Это замечание, как и слова авторов о том, что в их работе изучаются «перспективы человечества», не проясняют, впрочем, вопроса о предмете работы. Заявленная тема исследования слишком широка для небольшой монографии. Хотя уже во Введении начинаешь сознавать специфичность книги, выраженную в терминологии и стилистике, характерной для «русского космизма». Некоторые сомнения на сей счет рассеиваются при чтении следующего отрывка: «Особую роль в... великом процессе ноосферного обретения единства с Живым Космосом, соборного социального и духовного единения земного сообщества призвано сыграть Сердце человеческое...» (с. 6). После данного пассажа становится окончательно ясно, с произведением какого типа имеешь дело. Сказанное не означает, однако, что работа не может быть интересна читателям, не относящим себя к числу «слушателей информационно-энергетической субстанции» под именем «Живой Космос». Ибо, несмотря на наличие ряда странных мест (вроде фантазии о том, что отросток в сердце есть «антенна, улавливающая вести с горних высот»), книга в целом рациональна, и написана хорошим языком. Кроме того, данная работа может послужить неплохим информативным источником для тех,

кому интересны умонастроения части левой российской интеллигенции.

Суть книги излагается уже в Первой главе и может быть сведена к идее, что Россия и «все земное сообщество» должны перейти от «тупикового техногенно-потребительского» способа существования к «духовно-экологическому». Под первым авторы подразумевают общество, основанное на «забвении духовной вертикали бытия... и абсолютизации «горизонтального», «телесного» измерения мира» (с. 11). Такое, господствующее на «Западе», общество, «несмотря на свои отдельные достижения», обречено на самоуничтожение. Вместе с ним все человечество погибнет, если только не перейдет на рельсы «ноосферного развития». В этой связи авторы обращаются к именам В.И. Вернадского, Тейяра де Шардена, Леруа.

Вторая глава посвящена «философии евразийства». Помимо русских «евразийцев» начала XX века и Л.Н. Гумилева, авторы включают в свой список Г.В. Вернадского и Ю.Н. Рериха. Удивляет, однако, не столько данный факт, сколько то, что к числу «евразийских провозвестников» авторы относят М.В. Ломоносова (на основании одной его фразы «российское могущество прирастает будет Сибирью и Северным Океаном»), А.С. Пушкина («в трех последних четверостишиях «Памятника» содержится фактически квинтэссенция евразийского мировоззрения»), Д.И. Менделеева (поскольку тот высказывался за союз России и Китая), А.С. Хомякова и Ф.М. Достоевского. И хотя авторы при этом старательно открещиваются от «современной псевдоэотерической фразеологии в духе работ А.Г. Дугина» (с. 41), все «геополитические» рецепты по созданию «Евразийского Континентального союза», приводимые в работе, воспроизводят, в общем-то, построения последнего. Третья глава вроде бы должна повествовать о мировой экономике, о кризисе «потребительской» западной экономической системы и необходимости перехода к «софийному хозяйству духовно-экологической цивилизации». На мой взгляд, это самая невнятная глава книги, исходные тезисы которой не только не обосновываются, но и вообще не разясняются и логически не стыкуются. Так, непонятно, какое отношение к экономической тематике имеет

постоянно и в крайне пафосных выражениях муссируемая проблематика «знания естества Софии-Премудрости». Одним словом, авторам явно следовало бы снизить в этой главе градус «истинной эзотеричности», чтобы стать просто понятными «непосвященным».

Четвертая и пятая главы посвящены теме науки и философии, а также искусства. Здесь обращают на себя внимание обстоятельная критика «постмодернизма» и обильно представленные в пятой главе рассуждения о «сердце» (центральная позитивная часть данных глав). Шестая глава вновь повествует об обществе, но на этот раз о том, каким оно должно быть на взгляд авторов — не демократическим, а «агиократическим» (здесь по существу речь идет об очередном и сильно упрощенном переиздании «Государства» Платона). Наконец, что естественно для космологов, книга завершается Седьмой главой о «ноосфере» и грядущем в этой связи земном рае.

* * *

Деление типов обществ на «материалистические» и «обращенные к высотам духа» под разными именами давно встречается во множестве работ. Почти всегда такая классификация сопровождается критикой современной западной цивилизации за ее технократизм, гедонизм и «антропоцентризм». Вслед за этим предлагается тот или иной проект «спасения человечества», то есть возвращения к обществу, построенному на «духовных ценностях». Представленный проект «духовно-экологической цивилизации» является одним из примеров таких «спасительных проектов».

С критической частью монографии можно согласиться. В частности, авторам явно удались места, посвященные критике постмодернизма. Запоминается следующая поэма о постмодерне, заимствованная из Интернета: «...Коль истин нет и абсолютов, а все — лишь субъективный текст, тогда равны Христос с Иудой, добро и зло, петля и крест... Постмодернизм — болезнь культуры, где нормой предстает болезнь, где тщится пошлый шут с халтурой на трон духовности залезть» (стр.122–123). Как и мысль о том, что «возрождение» и «просвещение» разорвали связь гуманизма и религии, в результате че-

го гуманизм стал представляться безбожным, а религия — бесчеловечной.

Однако конструктивная часть книги не вызывает симпатии из-за своей левизны. «Антропоцентризм» предлагается заменить не на теоцентризм, а на «природоцентризм», за этим скрывается пантеистический, матриархальный и оргиастический культ «Живого Космоса», «Живой Земли», «Матери-Кормилицы». Вообще, в рассуждениях философов из Алтайского государственного университета ощущается преклонение перед матриархальными, коллективистскими («соборными») принципами организации общества, которое было свойственно значительной части «русской философии».

Возвращаясь к критике современного западного общества, хочется отметить, что «антропоцентризм» вырос из «теоцентризма», что в апологии человеческого индивида как сущности первичной по отношению к обществу нет ничего предосудительного. В Библии человек называется венцом творения и поэтому именно он является центром всего мира. Свобода и достоинство человеческой личности, независимо от ее родовой принадлежности, впервые были объявлены в христианском учении и богословии одной из высших ценностей. Поэтому «либеральные ценности», без преувеличения, ведут свое происхождение от христианства. Печальна их последующая «секуляризация», сепарация от своего корня. Однако, чтобы христианской стране (в частности — России) «вернуться к истокам», не стоит обращаться к восточному, антиперсоналистским учениям. Возможно, проще вспомнить, с чего начиналась «западная» цивилизация.

С.И. Глушкова. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. — 465 с.

Как следует из названия, книга посвящена исследованию концепций русского либерализма XIX–XX веков. В центре внимания автора находится их правовой аспект. Довольно обстоятельно и в хронологическом порядке рассматриваются теории К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовского, П.И. Новгородцева, П.А. Сорокина и иных,

как известных, так и ныне забытых русских либералов. Некоторые труды, представленные в работе С.И. Глушковой, вводятся в научный оборот впервые. В этой связи автор справедливо замечает, что «политико-правовое наследие российской мысли до сих пор не является изученным в достаточной степени, многие имена, концепции, работы продолжают открываться в XX веке» (с. 14). Так что знакомство с ними полезно не только для ученых и политиков. И остается только сожалеть, что тираж книги составил всего 200 экземпляров.

С.И. Глушкова поставила перед собой цель не просто качественно изложить концепции, но и раскрыть их сущность. Однако столь амбициозную задачу заранее можно было бы назвать невыполнимой. Действительно, разве вероятно в одной книге, обобщающей более десятка концепций, выявить суть каждой из них?! Всякий представленный в труде С.И. Глушковой мыслитель достоин «эксклюзивных», посвященных лишь ему работ, в которых только и возможен глубокий анализ его воззрений. Обзорная по своей природе рецензируемая работа может знаменовать лишь начало исследовательского изучения, что в принципе исключает реализацию поставленной автором задачи.

Что касается содержания книги, то автору в наибольшей мере удалась глава IV–VIII, в которых непосредственно излагаются концептуальные построения русских либеральных мыслителей XIX–XX веков. В них С.И. Глушкова в лаконичной форме сумела отобразить идейные источники и основные положения исследуемых теорий. Все эти главы весьма познавательны и для читателя-неспециалиста. Некоторые же из них (VI и VII) могут быть интересны и специалистам по истории российского либерализма, поскольку в них автор знакомит с неизвестными ранее трудами.

В меньшей степени С.И. Глушковой удалась те главы, в которых делается попытка выйти на предельно полные, философские обобщения относительно понятия «идеал», природы русской культуры и перспектив человеческой цивилизации. Необходимо ли было автору, явно без специальной подготовки, обращаться к столь «высоким материям»? Не имея возможности вдаваться в детали, отмечу лишь наиболее заметные противоречия,

встречающиеся в первых главах книги. Например, вызывает недоумение понимание термина «толерантность». По мнению автора, «толерантность предполагает терпимое отношение к инакомыслящим, инаковерующим и с необходимостью требует синтеза христианской веры (и религиозной вообще) с безрелигиозным и антирелигиозным гуманизмом» (с. 12). При этом сомнителен сам тезис о непременной «антирелигиозности» гуманизма. (Эразм Роттердамский, к примеру, не только не был антирелигиозен, но, несмотря на всю критику современных ему церковных нравов, оставался убежденным католиком.) Автор не замечает того, что первая часть процитированного предложения противоречит второй, так как толерантность утверждает сосуществование различного и противоположного, что означает их раздельность, несоединимость в одно целое. Этика толерантности связана с философией плюрализма, призыв же соединить «антирелигиозный гуманизм» с «религиозной верой вообще» родствен стремлению, свойственному русской интеллигенции конца XIX – начала XX веков, «все слить воедино». Философские антиномии («индивидуальное – социальное», «рациональное – моральное», «правовой идеал – нравственный идеал»), якобы играющие драматическую роль в истории, остаются в работе не проясненными, необоснованными и надуманными. В первых главах книги можно найти целый ряд поверхностных обобщений, натянутых сравнений и некорректных замечаний. (Чего стоит хотя бы отнесение к «доминантам русской культуры» аскетизма, «отрицающего ценность человеческой жизни, индивидуальных переживаний» и нашедшего «логическое продолжение в аскетизме коммунистической веры, провоцируя схожие архетипические реакции...» (стр. 28, 300)). Поэтому исключение из книги первых, «философских», едва ли не пророческих по стилю глав, могло бы ее только улучшить. Изложение же собственно либеральных российских теорий XIX–XX столетий, проведенное логично и обстоятельно, безусловно, вызывает интерес.

Александр Капишин

*Александр Архангельский,
«Известия» – специально
для «Общей тетради»*

Контрапункт

НЕ ПРОДАЕТСЯ ВДОХНОВЕНЬЕ...

М. А. Федотов. Право массовой информации в Российской Федерации. — М.: Международные отношения, 2003. — 623 с.

После всех медийных потрясений, расколов и переделов последних лет, от истории с акционированием «Известий» до завершившегося скандала с НТВ и перманентного скандала с ТВС, наступило некоторое затишье. Многим показалось, что сама тема юридического обеспечения свободы слова потеряла актуальность. На самом деле это не так; дискуссии, которые постоянно идут на Индустриальном комитете, объединяющем элиту медийного сообщества, ясно о том свидетельствуют. Кто должен регулировать и в случае необходимости ограничивать потоки информации (пример: теракт на Дубровке)? Власть, административно управляющая прессой? «Внешний» закон? «Внутреннее» корпоративное соглашение издателей? Столь же внутренняя конвенция самих журналистов? Или четкий свод правил, принятых каждой телекомпанией, каждым редакционным кол-

лективом? Более того; впереди принятие нового Закона о печати; есть все основания полагать, что конкурирующие редакции этого закона поступят в Думу уже на излете весны этого года.

Михаил Федотов, волей судьбы, произволом истории (а может быть, высшей закономерностью) был вовлечен в процесс создания самого первого и до сих пор самого демократичного закона о СМИ и о свободе слова. Где и в какой социальной роли он бы впоследствии ни выступал, его интерес к правовому устройству масс-медиа был очевиден и неизменен.

Некоторые из федотовских идей могли казаться волюнтаристскими, превышающими реальный ресурс реальной эпохи. Например, проект скоростного введения в России принципов Общественного телевидения. Между тем, как сама современная российская ситуация до реализации этого замечательного замысла пока не дозрела; «всякому овощу свой фрукт». Но другие идеи действительно обогнали время не тотально, а лишь на полшага, на полкорпуса; не успевал Федотов предложить некоторый проект, как складывались обстоятельства, превращав-

шие этот идеальный проект — в реальный документ. Так произошло, например, с проектом конвенции, регулирующей поведение журналистов в момент совершения терактов и проведения антитеррористических операций. Она была оглашена, в частности, на семинаре Московской школы политических исследований во Флоренции (май 2002); все та же трагедия на Дубровке мгновенно актуализовала суть федотовского замысла. Подчас возникало ощущение, что Федотов способен просчитывать логику исторического движения. Разумеется, это не так. Просто к нему применима пушкинская формула «русский ум не пророк, а угадчик»; будем надеяться, что он и на этот раз угадал вектор нашего дальнейшего развития, назвав свою новую книгу как бы наивно, как бы утопично: «Право массовой информации в России». Какое уж тут, казалось бы право, когда сплошное «лево»? Но ведь и в тот момент, когда создавался первый закон о СМИ, многим мнилось, что это лишь красивая сказка; однако же, расцветают сто цветов. И Федотов, как довольный садовник, может с сознанием исполненного нравственного долга оглядывать современную медийную «поляну».

Специалист, читая федотовскую книгу, обратит внимание на ценные частности; политику лучше сосредото-

читься на целом. На том идеологическом образе мира, который конструирует профессиональный юрист и опытный дипломат Федотов. Это мир не просто правовой и не просто целесообразный; это даже не просто мир открытого общества и свободной экономики; но это мир, которым правят (опять же, от слова «право»!) всепроникающие идеи и в котором собственность не является антонимом интеллекту. Ясная, чуть холодноватая рациональность федотовских построений. Притом, повторяю, — это не философский труд, а практическое исследование конкретной юридической проблемы, — жестко и обоюдно противопоставлена сразу двум крайностям нашего социокультурного опыта.

С одной стороны, как рационалист и западник, своеобразный аристотелианец, Федотов словно пытается остудить неразумный пыл русской интеллигентской, толстовской традиции. Он резко восстает против привычки отождествлять творчество с бескорыстным процессом или с конечным «продуктом», подлежащим продаже, использованию и распространению; он проводит четкую границу между «божественным» вдохновением и надлежаще оформленной идеей. Только правовая основа, а не «борьба», баррикады и громокипение обеспечат суще-

ствование в России настоящей свободы слова.

С другой стороны, как человек русской и европейской культуры, он «кодирует», «шифрует» грубоватые реалии нашей экономической действительности, напыляет на них более тонкие и гуманитарные смыслы; выгода в его иерархичной, почти просветительской картине мира занимает почетное, и все же подчиненное место. И прежде чем принимать какие-то политические решения по проблемам СМИ, прежде чем выступать с законодательными инициативами и публичными заявлениями, следует спокойно и неспешно прочесть книгу Михаила Федотова. Она того стоит.

...НО МОЖНО РУКОПИСЬ ПРОДАТЬ

Делия Липцик. Авторское право и смежные права. Пер. с фр., предисловие М. А. Федотова. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; Изд-во ЮНЕСКО, 2002.

Стараниями все того же М. А. Федотова, который возглавляет кафедру ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности, в России впервые вышел сводный учебный курс, посвященный этой теме. Когда нормальный россия-

нин слышит выражения «интеллектуальная собственность», «авторские права», «копирайт», он начинает скучать. Лучше — о чем-нибудь вдохновенном. Но если ты не занимаешься проблемой, проблема занимается тобой. По официальным оценкам, от 80 до 90 процентов аудио- и видеопродукции на российском рынке является контрафактной. Фальшивые DVD из России поставляются во многие страны, в том числе, в США. В результате деятельности подпольных заводов бюджет недосчитывается 3,5 млрд. рублей. (Данные на конец 2002 года.) Но милиция доказать факт нарушения прав интеллектуальной собственности не может. Нужен автор. И вот как раз в те дни, когда пишется эта рецензия, президент РФ утвердил поправки в Уголовный кодекс, усиливающие ответственность за интеллектуальное пиратство; ясно, что это бальзам на сердце Федотову, первопроходцу и одному из создателей РАИС (Российское агентство интеллектуальной собственности). Не просто ученым трудом, но в известном смысле делом жизни стал для него тот объемистый том, который мы сегодня рецензируем. Кто будет читать эту учебную книгу?

Во-первых, студент-юрист, который хочет с самого начала своей профессиональной карьеры «вписаться» в

европейский, шире — мировой опыт. Вписать — себя. И вписать — то есть адаптировать к общим правовым нормам своеобразную юридическую традицию (поскольку труд Делией Липшиц при переиздании в каждой новой стране не просто обновляется, но и соотносится с местными правовыми нормами, будь то Латинская Америка, англо- или франкоязычная Африка).

Во-вторых, и главных, политик, который пытается понять правовую логику современного цивилизованного мира, разумеется, не станет вникать в детали, запоминать классификацию видов регистрации актов и договоров, разбирать национальные особенности «коллективного управления правами на репрографическое воспроизведение». Но выяснить, что гласят основные положения законов об авторском праве в Америке и Франции, Германии и Италии, суммарно воспринять информацию различия Бернской конвенции и Женевской — ему не помешает. Он сможет на ярких конкретных примерах убедиться, что художественное творчество — не «вздохи на скамейке», а ключевая отрасль современного мира с годовым оборотом в 25 млрд. долларов (плюс, как минимум, 12 млрд. в «тени»). И главное — поймет, что «авторские права... хотя принадлежат, как правило, частным лицам, но в целом

составляют интеллектуальный ресурс своих государств» (как пишет в своем предисловии М. А. Федотов). Стало быть, «задача всякого государства — всемерно поощрять творчество, в частности, посредством эффективной авторско-правовой охраны и параллельного становления и развития индустрии культуры... Без этого невозможно формирование интеллектуального потенциала, а следовательно, устойчивое развитие».

В одной популярной песне Советский Союз был назван «страной писателей, страной ученых». Десять лет назад, когда только начиналась новая Россия, в кухонном разговоре автор этой рецензии пошутил: надоело быть писателем, хочу стать собственником. Собеседник серьезно возразил: это в стране собственников хорошо быть собственником, а в стране писателей лучше быть писателем. Теперь этот выбор потерял актуальность. Писатели стали собственниками. Собственники, как мы помним по делу Коха, тоже охотно становились писателями. Главное, чтобы культура при этом оставалась культурой.

Социальная политика в Великобритании*

Соединенное Королевство — старейшая парламентская демократия. Это страна, которая очень давно не сталкивалась с войной на своей территории. Британия не претерпела никаких существенных революций, а потому ее институты развивались непрерывно с феодальных времен и до наших дней. Например, округ Тависток, от которого я некогда впервые был избран в палату общин, посылает своих представителей в парламент уже 700 лет. Мало найдется демократических стран, в которых есть такие округа. И, что особенно важно, Великобритания — капиталистическая страна.

Капитализм — это основа парламентской демократии, но он не знаком с моралью. Поэтому ему нужно правительство, которое регулирует рыночную стихию. Задача состоит в том, чтобы использовать капитализм, не позволяя ему использовать людей. Мы должны использовать систему таким образом, чтобы защитить права человека на достойную жизнь и индивидуальную свободу. Значит, надо установить для капитализма сдерживающие рамки. Но, регулируя капиталистическую систему, нельзя «пережать кровотоки»; нельзя впасть в крайность зарегулированности, которая душит способность системы расти и развиваться. Этим определяется и социальная политика, которая в Великобритании основана на соединении индивидуальной, корпоративной и государственной ответственности.

Первый важный аспект социальной политики — жилищная проблема. Важнейшим решением, которое принимает каждый человек в своей жизни, является решение вопроса о жилье. В Британии 70 процентов населения являются владельцами своих домов. Об остальных 30-ти заботится государство. Поддержка осуществляется тремя различными способами.

Во-первых, это субсидируемое жилье, предоставляемое местными властями. Во-вторых, существуют жилищные кооперативы, управляемые правительственным агентством, то есть агентство берет долгосрочные займы у частных компаний и осуществляет правительственное финансирование, предоставляя жилье людям с низкими доходами. И третий способ — наем жилья в частном секторе, который регулируется государством (без такого регулирования воз-

*Майкл Хезелтайн,
заместитель
премьер-министра
Великобритании
(1993–1997)*

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 28 мая 1999 года.

можно злоупотребления со стороны владельцев жилья, из-за которых люди оказываются на улице).

Правительство также стимулирует приобретение жилья в собственность. Например, при помощи вариаций с налогом на залог имущества. Чаще всего покупка жилья осуществляется в рассрочку: первоначальный взнос составляет не более 10 процентов, а остальные деньги можно взять займы и выплачивать в течение 20 лет с процентами. Чтобы привлечь людей к такому способу приобретения жилья, можно компенсировать эти проценты. Ранее использовались и прямые субсидии на приобретение жилья. Во многом благодаря этим субсидиям мы и добились того, что 70 процентов британцев стали собственниками своих домов. Сейчас субсидий уже не существует, поскольку мы пришли к выводу, что достигнут предел, и остальные 30 процентов никогда домовладельцами не станут.

Другое важное направление социальной политики — пенсии. В Соединенном Королевстве любой человек, доживший до пенсионного возраста (60 лет для женщин и 65 для мужчин), может получить от государства пенсию. Она назначается автоматически, но может быть увеличена в зависимости от дохода, который человек получал до выхода на пенсию. Пенсия складывается из отчислений, которые сами люди и их работодатели делали в течение всей своей трудовой жизни. Сумма накопившихся денег обычно невелика, но в последние 30-40 лет возникла система негосударственных пенсионных фондов, через которые люди могут увеличивать размер своих пенсий. Меры по дополнительному пенсионному обеспечению своих работников принимают и компании. Возникли также фирмы, которые выплачивают пенсии людям, занятым своим собственным бизнесом, «самонанятым». В рамках такой системы работодатели и наемные работники отчисляют каждый год от 8 до 13 процентов дохода. Таким образом, если человек проработал 40 лет и получал в последний год работы 30 тысяч фунтов, то его пенсия составит 20 тысяч фунтов в год.

Все пенсионные фонды Соединенного Королевства — это накопительные фонды, действующие как капиталистические предприятия в условиях рынка. Деньги, которые люди ежегодно получают от своих доходов, инвестируются в различные доходные отрасли, чтобы не обесценить сумму пенсии к тому моменту, когда человек перестает работать. В результате приблизительно две трети британцев получают помимо государственной пенсии дополнительную пенсию от частного сектора. Отмечу, что в сфере пенсионного обеспечения это соотношение такое же, как и в жилищном обеспечении. Поэтому остается треть населения, у которой нет ни собственного жилья, ни пенсии, превосходящей государственную. И разрыв между ними и остальными двумя третями нарастает. На политическом уровне мы только начинаем обращаться к этой проблеме и искать пути поддержки тех, кому не достался «кусочек пирога».

Я уже говорил, что Соединенное Королевство не пережило ни одной серьезной революции. У нас, конечно, были бунты, но они не имели большого размаха. Это были местные беспорядки, по большей части в крупных городах. Например, такой бунт был в 1981 году в Ливерпуле, он продолжался одну ночь, и участвовало в нем 200 человек. В то время я как раз был министром, ответственным за социальную политику, и занимался решением проблем городской бедноты. Традиционно политические решения сводились к предоставлению субсидий беднякам. Мы вкладывали огромные деньги в образование, в строительство дорог, в обеспечение социальных услуг, в улучшение окружающей среды. Но, когда мы пристальнее взгляделись в проблему, то увидели, что традиционная политика не срабатывает, и стали искать другие решения.

Корень проблемы в том, что бедняки не имеют выбора. Человек, у которого нет денег, не может уехать из обедневшей части города. И чем больше государство вкладывает денег в такую местность, тем больше оно поддерживает сообщество бедных, неквалифицированных, неудачливых людей. Тогда как энергичный и талантливый человек стремится вырваться из такого сообщества туда, где дома получше и больше рабочих мест. То есть происходит постоянный отток талантливых людей, который ускоряет процесс деградации местных сообществ.

Поэтому мы решили развернуть процесс в обратном направлении и сказали местным властям: если вы хотите по-прежнему получать правительственные деньги, то должны доказать, что наши вливания приведут к возрождению данного сообщества. Задача была в том, чтобы убедить людей, способных делать выбор, имеющих для этого ресурсы, вернуться в те места, откуда они бежали. Этот подход осуществлялся двумя путями.

Прежде всего, мы стремились стимулировать сотрудничество в интересах развития. Мы вывели территории бывших промышленных зон из государственной собственности, из-под контроля местных властей или промышленных объединений. Такой метод был применен, в частности, в лондонском Ист-Энде, где три тысячи гектаров земли занимали бывшие доки и газовые хранилища. Мы занялись восстановлением окружающей среды, очищали землю от загрязнения, чтобы эта территория стала привлекательной. После второй мировой войны в Ист-Энде были только дома, предоставляемые местными властями. Если кто-то хотел приобрести жилье в собственность, он вынужден был покупать его в другом районе. В результате молодежь уезжала, и экономика района деградировала. Поэтому мы обратились к частным предприятиям, которые стали строить дома на продажу — до 200 домов в год. И тем самым добились не только прекращения оттока населения, но в район начали приезжать новые люди, поскольку он расположен недалеко от финансового центра Лондона. Так нам удалось, соединив силы государства и частного сектора, возродить местное сообщество и превратить район трущоб в процветающую территорию.

Другой вариант связан с активизацией роли местных властей. Раньше мы предоставляли им субсидии, и они сами решали, как распорядиться деньгами. Теперь же мы выделяем средства только в том случае, когда местные власти ясно показывают, как распорядятся ими. И они отвлеклись от текучки, обратились к частному сектору и занялись восстановлением окружающей среды, создавая условия для развития городов.

Таким образом, к началу 90-х годов в стране сложилась устойчивая система партнерства государственного и частного секторов, и это было своеобразной революцией. Схема была такой: если власти города просили 35 миллионов фунтов на пять лет, то они должны были доказать, что в состоянии мобилизовать в частном секторе такую же сумму. При этом объявлялся тендер, в котором участвовало, скажем, 30 местных администраций, и мы говорили, что субсидии получают только десять из них. И одновременно проводились общественные слушания с участием министра, поскольку одним из условий победы в конкурсе была поддержка предложений власти со стороны населения.

Это было в буквальном смысле слова культурным шоком. Местные власти нас возненавидели. Оказалось, что участие в тендере сбивает цены, вносит элементы конкуренции и повышает стандарты партнерства. Но проект продолжался. Начинали мы с небольших участков земли, затем перешли к районам с населением в 30–35 тысяч, а к концу срока полномочий нашего правительства

обратились к региональным властям с просьбой, чтобы они также разработали и публично представили свои корпоративные планы развития регионов. Надо отметить, что через тендеры распределялась только часть денег, предоставляемых центром региональным и местным властям. Я вовсе не думаю, что все правительственные средства должны выделяться на конкурсной основе — это может привести к огромным потерям, поскольку разрушило бы инфраструктуру во многих регионах. На мой взгляд, разыгрывать на конкурсах 10 процентов от общей суммы вполне достаточно. Как только идея инициативы овладевает массами, то сам по себе выигрыш или проигрыш тендера уже не важен. Меняется образ мышления! Когда мы провели первый проект в Манчестере, люди из соседних районов стали задаваться вопросом: а мы что — хуже? Не только власти, но и все население стало включаться в процесс. Атмосфера «пропиталась» духом конкуренции и партнерства.

Природа бюрократии такова, что, если дать центральному правительству действовать по собственному усмотрению, оно полностью задушит местные инициативы. Когда мы пришли в правительство в 1979 году, я получил кипу бумаг, которые были обязаны постоянно заполнять служащие местных органов управления. Например, для разрешения на строительство жилого дома нужно было заполнить анкету из 80 вопросов, включая вопрос о цвете кирпича. Это была чистейшая удавка для местной инициативы.

Мы отбросили эту волокиту. Я считал и считаю, что центральные фонды — это только часть системы, и средства из них должны выделяться на конкурсной основе с участием местного самоуправления. Это не значит, что все должно быть приватизировано, но необходимо партнерство двух секторов. В широком смысле роль государства должна заключаться в том, чтобы активизировать и вдохновлять частный сектор на создание рабочих мест и масштабные инвестиции.

Одна из самых сильных сторон капиталистической системы — это ее беспощадность. Она сама обнаруживает и устраняет собственные ошибки. Государство же, как правило, стремится увековечивать собственные ошибки. Оно любит притворяться, что ничего особенного не происходит, и переписывать старые планы, вместо того чтобы изобретать новые. Капиталисты же немедленно прекращают эту деятельность и перебрасывают ресурсы в другую сферу, которая может дать прибыль. Поэтому задача политики государства — «запрячь» капиталистическую систему в решение общественных вопросов.

И это возможно! Когда мы в 80-х годах начинали создавать систему партнерства, местные власти и капиталисты практически не разговаривали друг с другом; были взаимное недоверие и напряженность. Но мы заставили их работать вместе, и они, начав действовать, как партнеры, стали друзьями. Они осознали, что совместными усилиями могут сделать гораздо больше.

Мир быстро меняется и становится тесным. Глобализация ведет к усилению конкуренции. Все правительства вынуждены считаться с дисциплиной рынка. Завтрашний мир — это мир хорошо информированных и образованных людей, и государства обязаны быть более открытыми и активными. Капитализм двигает мировой процесс. А государственный сектор ответственен за то, чтобы гигантская сила, создающая богатство, оставалась в рамках дисциплины и регулирования со стороны общества. Только так можно обеспечить цивилизованную жизнь общества в современном мире.

Генерация, или герой нашего времени

Эдуард Щербенко (Украина),
выпускник Школы 1999 г.

Должно быть поколение, которое не пройдет.

Мераб Мамардашвили

Тема поколения носится в воздухе. Два политических объединения состязались на парламентских выборах под этим знаком. Вопрос — есть ли такая вещь, как поколение, в Украине?

Как различают пол, биологический феномен и гендер — социальный, будем различать поколение, людей одного возраста, и генерацию, общность социальную.

В отличие от Запада, где говорили о генерации «хиппи», говорят о генерации «яппи», каждая из которых является носителем «единицы» социального опыта, дает свое, уникальное, и так обретает имя, — у нас подобного нет. Говорят о «шестидесятниках», «восьмидесятниках», но это чисто хронологический способ именованя. Ни одного имени, которое стало бы значащим и необратимо вошло в историю.

Совершить то, чего еще никому не удавалось, бывает героизмом, и с героем человек идентифицируется. Не может быть двух Наполеонов или Цезарей, но тут — генерация — пространство открыто; достанет каждому, кто станет собой: вполне демократический феномен. Но и аристократический: лишь тот, кто готов стать самим собой, станет и человеком генерации. Поэтому генерация — герой нашего времени.

Генерация — феномен зрелости. Люди берут в собственные руки свою судьбу и строят свою жизнь. Именно зрелость — то, чего в известном нам обществе до сих пор не знали. Даже люди, которые в 1945-м свершили огромную работу, а потом, вернувшись к мирной жизни, снова позволили отравлять себя в лагерь и погрузились в повседневный страх, не стали генерацией. И

мы не говорим о «генерации 1945 года» в отличие от «генерации 1968-го», европейской или американской — она не случилась. Речь, разумеется, не об отдельных людях, которые всегда есть, — речь о поколении. Свободные люди не позволяют поработить себя. Те, кто мог стать генерацией, не создали традиции, как вести себя в гражданской жизни свободным людям.

Отсутствие зрелых людей сказалось и во время общественных перемен 90-х. «Разруха начинается в головах», следовательно, не было достаточного количества зрелых голов, незрелые — преобладали.

Что же произошло? Обо всем очень точно сказали жители села, где была и баня, в которую приезжали со всего района, и магазины, и... и... и..., — а в эти годы закрылось всё, и не осталось ни одного телефона: «Живем как списанные люди».

Одним штрихом можно охарактеризовать нынешнюю политику и тех, кто принимает решения. «Колесания от Запада к России и наоборот», — как точно сказал кто-то из политологов, назвав эту политику «рефлексивной». Но политика на основе рефлексов — не политика. Тэтчер давно сказала: «Страх — не основание для внешней политики». Внутренней — тоже.

На газетных полосах достаточно образов того, что происходит в Украине. Масштабы растаскивания металла, когда люди, чтобы раздобыть копейку, снимали канализационные люки, ограды на кладбищах, резали высоковольтные линии — образ страны (без металла ведь невозможно), которая поедает сама себя.

Фраза шахтера из Макеевки, где рядом с городским рынком в считанные мгновения образовался провал глубиной в несколько

сотен метров: «Весь Донбасс на пустотах стоит». Такой «образ» эхом отдается во всех этих пустотах. Над ними жизнь, которую ничто не держит.

Но есть ли что-то в жизни, — точнее, существует ли равный по емкости образ, через который проступало бы позитивное?

Часто говорят, что люди научились выживать. Став «челноками», десятками тысяч выехав за границу — порой целыми селами — на заработки; переходя из государственного сектора в частный. После выборов в парламент, политолог отметил, что люди научились и информационному выживанию: несмотря на монопольное положение в телепространстве, отдавали голоса не за тех, которым альтернативы как будто бы не было. Постепенно повышаются стандарты жизни — от покупки шоколада до покупки компьютеров, число которых растет год за годом. Растет число студентов. Это — динамика живого общества, поскольку смена стандартов жизни связана не с повальной экспансией «новых захватчиков», а с ростом образованности граждан. То есть у этих изменений здоровая основа.

Личность и общество оказываются обучаемыми, а способность или неспособность обучаться различаются в главном: созрели ли для этого человек и его страна.

Наши сограждане пришли к фундаментальной мысли: «Никогда не сдавайся!». Из этой идеи генерируются миллионы поступков в жизни и следствия масштабов развития всего общества. Это знание не забудешь — и в то же время оно есть основа взаимопонимания: человек, который знает эту вещь, таким же образом смотрит на мир — появляется общий язык.

Следующая идея, которую постепенно осваивает общество, так же проста: свет не без добрых людей. Из нее рождаются миллионы шагов людей навстречу друг другу.

По выражению писателя, когда перед человеком встает сложная проблема, которую он не может решить, одни ищут ответа в книгах и у умных людей, а другие предпочитают дожить до решения. Чтобы осуществить политические преобразования, необходимы институции, а чтобы обрести необходимые институции — требуются преобразования: замкнутый круг. Выход из него в том, чтобы найти непо-

литические феномены, которые могут стать фактором политического развития: даже если у нас нет готовых ответов на проблемы, поддерживая развитие этих феноменов, мы доживем до решения. Такой фактор — доверие между нами, которое возникает вне политической сферы жизни, но становится основой политических изменений.

Охарактеризовать генерацию, необходимую украинскому обществу, просто: это генерация доверия. Генерация (процесс) рождает генерацию-общность. Есть две политики — политика страха и политика доверия. Перикл в речи, которая вошла во все хрестоматии до сегодняшнего дня, говорит о таком демократическом строе Афин, где граждане не подозревают друг друга. До недавнего времени в Украине преобладала политика страха. «Тень», в которую ушла экономика — та же самая, в которой скрылись политика и культура. Власть, которую выбирают и потом ей не доверяют, отражает и концентрирует недоверие между членами общества. Пока мы не дозреваем друг друга, демократии у нас нет. Не можем установить разумные налоги, потому что не относимся к другому человеку, как к разумному члену общества, который сам готов платить необходимые средства для развития. Но другой — это мы сами. Изменить тип власти можно, лишь вытеснив среду недоверия средой доверия.

Доверие становится едва ли не первым среди политических ресурсов. Там, где оно возрастает — создается Украина; больше нигде. Люди, которые своими действиями укрепляют ее, принадлежат к украинскому политикуму, даже если не являются членами партии и не занимают официальных постов: на них опирается политика доверия. Поскольку принимать участие в этом может человек любого возраста, он принадлежит к этой генерации, какого бы поколения ни был.

Каждый, кто хоть в чем-то приобрел удачный опыт: написал книгу, создал семью, организовал успешное предприятие или действующую организацию помощи обездоленным, приобрел опыт любви — да-да, и любви — принимает участие в создании генерации, поскольку генерирует новые возможности и для других.

Реализуя инициативу, вступая в отношения с одним или несколькими людьми, завязыв-

ваешь отношения, основанные на доверии. Человек, в жизни которого есть подобный опыт, готов к сотрудничеству с другими. От малого круга родных, друзей — до коллег, и дальше — до большого круга общества.

Так создается «гражданский капитал»: потенциал взаимодействия, основанный на доверии, который, как и любой другой капитал, можно «инвестировать» в новые проекты, где участники готовы действовать совместно.

Ситуация сводится к классической: что выгодно, скажем, «Оболони» или «Желани» — то выгодно Украине. Поэтому национальная идея, к примеру, это не просто набор тех или иных символов (их можно превратить в декорацию), а поддержание разнообразных связей в обществе, то есть возрастание социального капитала. Определить национальную идею просто: делать то, вследствие чего возрастает доверие между членами общества. Если ты своими действиями увеличиваешь доверие в обществе — то на практике реализуешь национальную идею. Будет возрастать общность — мы будем становиться общностью, поэтому увеличение доверия и есть национальная идея.

Итак, генерация возникает из тех, кто генерирует своей практикой новые возможности. Генерация — это критическая масса уникальных шагов, лес за деревьями. Он вырастает из написанных книг, созданных семей, организованных предприятий, открытых хосписов, основанных журналов и так далее, — за каждым из которых личностное начало, которое люди проявляют, не сговариваясь.

Греки Марафона, первые христиане, итальянцы Ренессанса, американцы, которые завоевали независимость США — это и есть генерации, которые создавали новые миры. Именно такая соразмерная генерация нам необходима. Не может быть апостолов после того, как они уже однажды появились, но могут быть равноапостольные мужи.

Об отсутствии генерации свидетельствует не преодоленное разрушение украинского политикума. Условно выделив три «роли» в этом театре — профессиональных политиков, рядовых граждан, интеллектуалов, — увидим общие симптомы. Среди выступающих в роли интеллектуалов нередко слыш-

ны сетования вроде «чего можно ждать от этого народа», «с ним ничего нельзя сделать» и подобное. Иногда высказанное явно, а чаще — неявно, живет убеждение, что говорить о «высоких вещах» (например, о необходимости отдачи себя, и не только в политике) — наивно, потому что «обычной аудиторией» не будет воспринято.

Это то, что было названо «предательством интеллектуалов»: потому что «Царство Небесное силой берется». «Без труда...» — известно, что говорит народная мудрость.

Среди выступающих в роли профессиональных политиков обнаружим распространение популизма, обещаний, раздаваемых налево и направо. Они обходят единственно рациональный пункт: осуществление преобразований требует усилий от граждан, которым необходимы преобразования — больше их взять неоткуда. Могут быть необходимы так называемые «непопулярные решения»: понятно, что одаренный политик может видеть необходимость принципиальных шагов раньше, чем большая часть общества. Блестяще сказано, что современные политики больше думают о том, чего хотят люди, а не о том, в чем они правы. Желание — так же не основание для внешней или внутренней политики, как и страх.

Наконец, что касается общественности, — всем знакомы высказывания вроде «от меня ничего не зависит», «ничего из этого не выйдет» и подобные. Понятно, взятые как принцип устройства жизни, они делают невозможными любые изменения. Аполитичность граждан дополняет предательство интеллектуалов и популизм политиков.

* * *

Но можно ли говорить об «аполитизме граждан»? Это противоречие в определениях: гражданин и есть «политическое животное». Следовательно, речь не о «гражданах», а о «населении».

Точно также, может ли быть политик — популистом? Надо, скорее, говорить о «политиканах». И, опять же, является ли интеллектуал, который совершил «предательство интеллектуалов» — интеллектуалом?

Таким образом, не говоря об исключениях, не имеем ни граждан, ни политиков, ни ин-

теллектуалов. При отсутствии участников политикума отсутствует и сам политикум. Кворума, так сказать, нет.

Это порождает и соответствующее отношение участников этого действия друг к другу.

Интеллектуал может сослаться на то, что в условиях отсутствия настоящих граждан и политиков сказать что-то разумное и связанное об обществе невозможно. Политик может справедливо сетовать на отсутствие зрелых граждан и удачных теоретических разработок, без чего нечего и пытаться проводить продуманный

политический курс. И точно так же гражданин — только сложить руки в отсутствие компетентных политиков и рационального истолкования действительности.

Но возможен обратный интеллектуальный ход. Как человек, причастный политической науке, могу себя спросить: если нами не предложены работающие теоретические модели, — как могут справиться со своим заданием граждане и профессиональные политики? Такую же интеллектуальную операцию могу выполнить как обычный гражданин: если я не выполняю должного для гражданина: не принимаю участия в выборах, не сообщаю свое мнение в опросах общественности — как смогут выполнить то, что зависит от них, интеллектуалы и профессиональные политики? И, как профессиональный политик, я должен задать себе вопрос: если я не предложу удачные проекты преобразований, что могут сделать граждане и интеллектуалы, — ведь именно с помощью их усилий политическая действительность обретает очевидную форму?

Следует заметить: известное «политика — искусство возможного» означает не только профессиональное использование очевидных возможностей, а искусство создания возможного. У настоящего политика и просто гражданина открываются как второе дыхание — те возможности, ресурсы, которых перед этим никто не видел.

Подобно расширению круга доверия, генерируем друг для друга возможности: как исследователь, открывая дискуссию — создаю

возможное, увеличиваю его диапазон для политика и гражданина, которые в продуманном вопросе обретают смысл для прокладывания пути. И наоборот. Действительный шаг гражданина — на вершок —

*Определить национальную идею просто:
делать то, вследствие чего возрастает
доверие между членами общества.
Если ты своими действиями увеличиваешь
доверие в обществе — то на практике
реализуешь национальную идею*

прибавляет возможностей и для разработки программ, и для теоретического прозрения потенциала общества.

В то же время, в условиях глобализации генерация доверия становится и источником внешнеполитического развития. Выстраивая сеть отношений в обществе на доверии, создаем почву естественного развития Украины, как части европейского мира. Достоинство, личное усилие отложились в нормах и институтах европейско-североамериканского мира, что называется, выкристаллизовались. Украина в данном отношении является ответвлением этого мира (почему чувствовать себя украинцем в определенном смысле сегодня легче в Канаде или США, чем тем, кто живет на украинской территории?). Украина есть там, где есть Европа — как составляющая европейского общества; те, кто становится украинской генерацией, одновременно воссоздают Европу, в этом заключается, по классическому выражению, их всемирно-историческая миссия, общая с остальными европейцами.

Таким образом, для Украины есть шанс своего осуществления при условии создания генерации, вопреки представлению, что Украина уже была до обретения независимости, и произошло лишь перераспределение статуса между группами населения (прежде всего между украинцами и русскими). На самом деле, ее населяли, согласно распространенному отношению друг к другу, не украинцы, русские, евреи, а «хохлы», «москалы», «жиды»... Вне чувства собствен-

ного достоинства — Украины, как и украинцев, не может быть. Будет генерировано достоинство в обществе — будут Украина и украинцы. Поэтому речь о генерации — без учета этнического происхождения.

С этой же точки зрения решается старый вопрос об украинском языке. Для сознательного гражданина азбучная истина — бережно относиться к памятникам природы, истории, культуры страны, где он живет, поддерживая их и не давая разрушаться. Язык — одновременно живой, природный, исторический и культурный памятник. Сознательный гражданин естественно осваивает его; и дискуссию об этом вопросе осмысленно вести можно, лишь приняв этот пункт гражданского отношения за основополагающий.

Так же разрешается «проблема России»: если мы хорошие христиане, то должны молиться за нее; если больше омрачается ее состояние — сильнее должна быть молитва. Если же мы плохие христиане — по отношению к родичу ли, соседу, оппоненту, — то какая у нас будет Украина?

Кстати, сама ситуация с дискуссиями в Украине показательна. В течение всего времени независимости невозможно назвать хотя бы одну дискуссию, прошедшую в обществе, где был развернут весь диапазон конструктивной аргументации, приведшей к осознанию гражданами своих проблем.

Отсутствие дискуссий обуславливает отсутствие единства сознания, культуры: они фрагментированы. По некой меткой характеристике, на востоке Украины не читают прессу запада Украины и наоборот. Украинские культура, политика, а соответственно экономика — не национальные, а фрагментированные, следовательно, не украинские. Преодолеть фрагментированность можно, приложив максимум усилий и инициативы. Молодой человек, который проехал бы автостопом страну от востока до запада и написал заметки «От Луганска до Ужгорода» — дал бы срез Украины как целого. Сайт в Интернете, где размещались бы наиболее интересные материалы из местной прессы всех областей (оригинальные мысли, неожиданные факты из жизни, нешаблонные фотографии) служил бы «местом встречи» мысли всех граждан. Рядом с таким архи-

вом, который все время накапливается, естественно поддерживать взвешенные и, как полагается, неспешные дискуссии, которые основывались бы на этих обширных материалах. Пустующая ниша — академический сайт, посвященный украинскому языку, где каждый гражданин имел бы доступ ко всем словарям, и в то же время мог получить справку о грамотном решении сложных языковых вопросов.

Это лишь несколько примеров (читатель легко добавит не один) возможных проектов, содействующих «проекту Украина». Реализовать его способна только генерация. Раздробленными были и Италия, и Германия, и даже США — это преодолимая трудность. Было бы стремление не стоять на месте, а генерировать связи.

В книге «Украина в огне» Довженко, обращаясь к истории Украины, находит все бедды, слабости и поражения, вплоть до последних войн, в том, что украинцы не умели уважать достоинство друг друга («шануватися»). Уважение достоинства внутри поколения, между поколениями, оппонента в дискуссии: семейной, соседской, между коллегами, в прессе, парламенте — необходимы крайне. Будет генерация уважения достоинства — будет и Украина.

Уважение достоинства неизбежно проявляется от самых важных вопросов до самых незаметных мелочей. В разных учреждениях мне приходилось наблюдать, как, посещая туалет, одинаково — женщины и мужчины, не закрывают за собой двери. За этим видна культура. Соответственно, другая культура, другое сознание там, где этого не происходит.

Уважайте друг друга, чтобы быть достойными этого — более точный вариант известного обращения («Шануймося, адже ми цього варті» — «Уважайте друг друга — ведь мы того достойны»). Такой язык понятен зрелым людям и может быть паролем генерации. Или паролем героев — ведь герой придерживается принципов, даже если их не придерживается больше никто.

CONTENTS

TO OUR READER	5
SEMINAR	
Liberalism in the West and in Russia <i>Richard Pipes</i>	7
Discussion	12
Notes from the Seminar <i>Yury Girenko</i>	18
THEME OF THE ISSUE	
The Moral Basis of Capitalism <i>Jacek Rostovski</i>	21
The Swedish Model of Capitalism <i>Michail Sohlman</i>	25
Development of TV Business in Russia <i>Roman Petrenko</i>	29
XXI CENTURY: CHALLENGES AND THREATS	
The Liberal Idea and Globalization <i>Christopher Coker</i>	32
The Fate of Liberalism in the XXI Century <i>Michael Mertes</i>	39
Around Europe: Problems and Variants <i>Michael Emerson</i>	45
CONCEPT	
The Reform of the Pension System in Russia <i>Pavel Teptukhin</i>	49
DISCUSSION	
The Capital; and Province <i>Vladimir Shmelev</i>	54
The Arabs Return to Spain: the Effect on Spanish Culture <i>Maria Algora Weber</i>	60
To Wait or to Pursue? <i>Alexander Volkov</i>	64
FREEDOM AND CULTURE	
The Culture: "Pro" and "Contra" <i>Eugeniy Barabanov</i>	69
NEW PRACTICES AND INSTITUTIONS	
The European Court for Human Rights <i>Anatoly Kovler</i>	76
International Aid to the Development of Civil Society <i>Carol Peasley</i>	80
AN INDIVIDUAL EXPERIENCE	
A Romantic Official in the Epoch of Political Pragmatism <i>Andrey Nikitin</i>	84
IDEAS AND NOTIONS	
Democracy and Taxation <i>Grover Norquist</i>	87
FROM FOREIGN PERIODICALS	
"Commentary"	92
The Folly of Containment <i>Robert Lieber</i>	93
EUROPE	
Europe 1992–2002 <i>Diana Pinto</i>	97
BOOKS	
Giving the Russians Their Spinach <i>Christian Caryl</i>	105
Regional Review of Books. V. <i>Alexandrov, Alexander Kapishin</i>	110
Counter-Point <i>Alexander Archangelsky</i>	114
OUR ARCHIVE	
Social Policy in the United Kingdom <i>Michael Heseltine</i>	117
NOTA BENE	
The New Generation, or the Hero of Our Times <i>Edward Scherbenko</i>	121

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

АМЕРИКА, ЕВРОПА, РОССИЯ

СЕМИНАР

(Голицыно, май-июнь 2003 года)

Наши авторы:

Сергей Васильев

Григорий Двас

Андрей Илларионов

Игорь Князев

Михаил Краснов

Юрий Левада

Александр Лукичев

Питер Мандельсон

Доминик Моизи

Хосе Рамон Пин

Алексей Салмин

Томас де ла Куадра Сальседо

Джордж Сорос

Подписано к печати 08.05.2003.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: msps@co.ru

<http://www.msps.ru>

ЛР №00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Московской типографии № 6 Минпечати РФ

109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

